

И.А. Фомичёв

**Политические репрессии
в Надеждинске
1918–1952 гг.**

Том 1

**Верхотурский государственный
историко-архитектурный
музей-заповедник
Исторический отдел**

**Автономная республика Крым
Славновская средняя школа**

И.А.Фомичёв

**Политические репрессии в
Надеждинске**

1918-1952 гг.

Том 1.

Екатеринбург

2012

УДК 84(42)9
ББК 62.3(989.06)530
Ф 50

Рецензент: д.и.н., профессор В.Д.Камынин, заведующий кафедрой Евразийских исследований Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н.Ельцина

Книга рассказывает о малоизвестных событиях в истории города Надеждинска (Серова). В ней идёт речь о делах, сфальсифицированных городским отделом ОГПУ-НКВД-МГБ по политическим мотивам; надеждинцах, ставших жертвами террора, развязанного властью; а также о методах работы следственных органов и наиболее значительных политических процессах, коснувшихся нашего города. Монография написана на основе широкого круга архивных документов, многие из которых впервые введены в научный оборот. Предлагаемая читателю книга является первой попыткой объективно осветить одну из трагических страниц в истории Надеждинска (Серова). Книга адресована историкам, архивистам, краеведам и всем, кто интересуется историей Урала.

© И.А.Фомичёв, 2012

© А.Г.Борисов (главы 11,12,13), 2012

ISBN 1962-3-2803-1893-9

*Моей маме
Фомичёвой Галине Павловне,
дочери крестьянина-единоличника,
чья семья была раскулачена,
лишена собственности и выслана
с Вятки в Архангельскую область
с любовью и благодарностью
посвящаю*

Скорбный этап

Нас гнали этапом за сотнею сотня
Не всем удалось до конца добрести
Кругом были стоны и вопли страданий
Родные теряли родных.

Нас гнали всё дальше, а нас оставалось всё меньше
На этом прискорбном пути
Мы шли в неизвестность, не зная что будет
Удастся ли нам до конца добрести.

Нас с раннего детства судьба не щадила
Узнали мы голод и ненависть тех,
Кто нас презирал, называя врагами
И видеть нас рядом с собой не хотел.

Мы были изгой в своём государстве
Нас рано сиротами сделала жизнь
Лишила нас детства, родительской ласки,
Семейного счастья, заботы родных.

Нас выжило мало, судьба всех сроднила
Мы жили в бараках единой семьёй
И спали на нарах, постелью служили
Пихтовые ветки, солома и мох.

В пору лихолетья судьба всех сплотила
И встали мы рядом в шеренге одной
Трудились в тылу, чтоб приблизить победу
Врага сокрушить и покончить с войной...

Как страшно сейчас вспоминать всё, что было
Но мысли порой не дают забывать
И хочешь одно, чтобы детям и внукам
Не довелось так же в жизни страдать.

Елишева Вера Антоновна,
председатель правления
Ассоциации жертв политических репрессий
города Серова и Серовского района (1998-2008).

Предисловие

Однажды в Государственном архиве административных органов Свердловской области (ГААОСО) в начале 2000-х годов представляя студентам экспозицию, посвященную Дню памяти жертв политических репрессий, экскурсовод с грустной иронией отметила, что в отличие от 1990-х годов исследователи редко работают с документами: «К сожалению, теперь эта тема не модна». Эти слова отражают степень политической ангажированности ученых – реагируя на советы высшей власти написать «историю, которой можно гордиться», они отказываются от изучения трагедий прошлого. Таким образом оказалась прерванной попытка понять прошлое, начавшаяся в конце 1980-х – начале 1990-х годов, когда появилось огромное количество первых научных публикаций, мемуаров, автобиографий и сборников документов, позволивших лишь частично ретушировать «белые пятна» и приоткрыть «тайные страницы» советской истории. Однако после «эвристического бума» общество испытало интеллектуально-эмоциональный шок, который вызвал желание забыть о трагедиях XX века и обратиться к эпохам и сюжетам, дававшим основания для надежды и оптимизма, необходимых в настоящем и будущем. Многие учёные с тревогой отмечали, что всерьёз не были затронуты ни социальные, ни культурные, ни антропологические причины возникновения и длительного существования советской политической системы, ее репрессивной сущности. Более того, постепенно одной из характерных черт российской политической практики, культуры, массового и профессионального исторического сознания стала «ностальгия по советскому».

В последние годы очевидны тенденции идеализации И.Сталина и романтизации сотрудников ВЧК-НКВД-КГБ в художественных фильмах, TV-сериалах, учебниках и других печатных изданиях. Авторы многих работ, претендующих на научный характер, оправдывают применение насилия исторической необходимостью, опасностью «враждебного империалистического окружения». Многие молодые люди не интересуются историей страны и даже судьбой своих предков. В частности, некоторые из студентов узнавали о репрессированных родственниках, оказавшись по моей инициативе на экскурсии в ГААОСО. Кроме того, некоторые признались, что

впервые услышали слово «репрессии» и узнали о них в архиве. По мнению других, в школе «рассказывают ничтожную часть об этих событиях». Многие оценивали новое знание в таких выражениях: «Если честно, то только сейчас начинаю осознавать и понимать, что пришлось пережить нашим предкам»; «Только в свои двадцать лет я узнаю об этом подробно»; «Экскурсия в архив произвела на меня огромное впечатление: я своими глазами увидела дела людей – наших земляков, тема репрессий стала интересна и актуальна для меня».

Отсутствие традиций семейной памяти и стремление иметь «историю без травм» создают условия для забвения трагедий прошлого. К сожалению, в Екатеринбурге удаленность мемориала памяти жертв политических репрессий и отсутствие памятных знаков на зданиях, связанных с историей советского террора (например, здание Управления НКВД на пр. Ленина, 17), исключают тему из городского пространства. Учитывая указанные тенденции, следует выразить признательность автору данной книги, отражающей на примере провинциального уральского города – как в фокусе – историю политических репрессий в СССР. Особенно убедительна трагическая статистика, завершающая материалы исследования: по данным Надеждинска получается, что половина арестованных были приговорены к высшей мере наказания – к расстрелу (к сожалению, данное соотношение характерно для всей страны).

Структура и сюжеты книги И.А.Фомичёва позволяют понять преемственность советской репрессивной политики, начавшейся в условиях гражданской войны, продолжавшейся в мирное время и всегда оправдываемой опасностью контрреволюции. Абсурдность и жестокость массовых акций, проводившихся сотрудниками спецслужб, ярко иллюстрируют различные документы, используемые автором, – протоколы допросов; признательные заявления арестованных; жалобы осужденных; свидетельства следователей НКВД, привлеченных к ответственности в 1938-1939 гг. «за нарушение социалистической законности»; воспоминания современников событий. В распоряжении следствия оказывались уникальные документы, изъятые во время обысков, – в частности, листовки, в текстах которых перечислены все проблемы, волновавшие рабочих Надеждинского металлургического завода; «Летопись» отца Африкана Богомолова, рассказывающая об истории города и нравах его жителей, о Спасо-Преображенском соборе, являвшимся шедевром каменного зодчества и уничтоженном большевиками в 1930 г.

Несомненной ценностью данной работы является сочетание нескольких измерений истории – истории страны, города и человека. В названиях очерков прочитываются все категории репрессированных. Примеры индивидуальных судеб свидетельствуют – никакие заслуги и профессиональная значимость не могли спасти от ареста и наказания. В частности, одной из категорий репрессированных оказываются бывшие красногвардейцы и красные партизаны, защищавшие в годы гражданской войны советскую власть. Среди них было очень много недовольных проводимой политикой – некоторые считали, что И.Сталин предал идеалы революции, заветы В.И.Ленина. Их критические высказывания о проблемах на производстве, о дефиците продуктов питания, о невыносимых жилищных условиях квалифицировались следствием как антисоветская агитация и, как правило, являлись причиной расстрела. После Великой Отечественной войны вернувшихся фронтовиков, имевших смелость бороться с любыми проявлениями несправедливости, не только арестовывали, ссылали, но и лишали боевых наград.

Особенно эмоционально воспринимается описание трагической судьбы учащихся и студентов: полные надежд и желания учиться, быть полезными стране, они обвинялись в шпионаже, подготовке диверсий, антисоветской агитации и приговаривались к расстрелу. Самым поразительным примером является судьба Надежды Неворотовой, 16-летней школьницы, комсомолки, которую следователи обвинили в сотрудничестве с японской разведкой и приговорили к высшей мере наказания.

Изучение автором судеб политэмигрантов, оказавшихся в СССР по разным причинам, – некоторые из них приезжали, имея романтические представления о стране строящегося социализма, и искренне желали участвовать в этом; другие нелегально переходили границу, чтобы найти здесь работу; многие иностранные специалисты были приглашены советским правительством – раскрывает международный аспект истории политических репрессий.

И.А.Фомичёв обращается к самой трагической странице истории политических репрессий – поединку следователя и арестованного – истории до сих пор, по мнению известного российского исследователя советского террора С.В.Журавлёва, не изученной. Автор данной книги в каждом очерке приводит примеры методов воздействия следователей на арестованных,

использовавшихся во всех управлениях НКВД советского государства: обман, имитация сотрудничества и доверительности, «игра в патриотизм», моральное давление, физическое насилие. Цинизм сотрудников НКВД разного уровня выражен в использовании термина «лимит», обозначающего число разрешенных арестов и увеличиваемое по их просьбе (даже в три раза). Стоит отметить, что, включив в книгу очерк о городском отделе НКВД, И.А.Фомичёв обратился еще к одному дискуссионному вопросу: можно ли считать исполнителей террора его жертвами?. Автор показывает, с каким энтузиазмом сотрудники горотдела выражали согласие «уничтожать изменников и предателей». Используя ситуацию для повышения своего социального статуса, ориентируясь на роль исполнителя и надеясь на безнаказанность, сотрудники НКВД разного уровня принимали добровольное участие в преследовании невинных людей. Своей поддержкой они способствовали сохранению и укреплению власти, не думая о том, что именно их власть превратит в главных виновников преступлений.

Одним из наиболее значимых разделов книги являются списки лишенных избирательных прав и жертв политических репрессий в городе Надеждинске. Книгу И.А.Фомичёва, посвященную одной из страниц истории политических репрессий на Урале, можно считать своеобразным знаком памяти жертвам политических репрессий и историческим предостережением новым поколениям. Несомненно, эта книга будет полезна для студентов и преподавателей, для всех, интересующихся историей.

Кандидат исторических наук,
доцент Уральского федерального университета
им. первого Президента России Б.Н.Ельцина
Светлана Ивановна Быкова.

От автора.

Теме политических репрессий на Северном Урале сегодня посвящено немалое количество литературы. В этом плане наш город оказался обойдённым вниманием исследователей. Единственная работа, проливающая свет на происходившие в те годы события, была написана Е.И.Елисейевой и называлась «Кулацкая ссылка в Надеждинском районе», где речь шла не столько о городе, сколько о районе и затрагивала один из аспектов политики репрессий – раскулачивание и спецссылку. Между тем, в водоворот репрессий органами НКВД были вовлечены широкие массы населения, по разным причинам считавшиеся нелояльными Советской власти. К этой категории, помимо кулаков, относились служители культа, военнослужащие Белой армии, участники антисоветских вооружённых выступлений, члены политических партий, распушенных большевиками, представители бывших эксплуататорских классов, буржуазные специалисты, нэпманы, репатрианты, иностранные граждане и другие. Как правило, политические репрессии связывают с именем Сталина, однако следует заметить, что они начались гораздо раньше, а именно с момента захвата власти большевиками, которые провозгласили политический террор одним из основных средств борьбы со своими оппонентами.

Первыми жертвами политических репрессий в Надеждинске стали торговцы Шадрин и Сафонов, расстрелянные в марте 1918 года по приказу заведующего военным отделом исполкома Шамшурина за отказ от выплаты наложенной на них контрибуции. В годы Гражданской войны террор превратился в инструмент достижения цели и не раз применялся противоборствующими сторонами. В период пребывания белых в Надеждинске было казнено 35 человек, из них 29 по приговору следственной комиссии. Победа красных в Гражданской войне усилила готовность использовать военно-коммунистические методы в условиях мирного времени. Стоящие перед страной задачи в последующие годы формулировались в терминах военных компаний: «хозяйственный фронт», «идейный враг», «борьба за выполнение плана», «битва за урожай» и т.п. Все ошибки и просчёты мирного строительства списывались на действия «вредителей» и «врагов народа». Вину за происходившие неудачи руководство страны зачастую перекладывало на буржуазных

специалистов, по мнению власти не желавших строить социализм в СССР в силу своей контрреволюционности. Так, в феврале 1929 года органами ОГПУ в нашем городе было сфабриковано первое крупное политическое дело, получившее название «Надеждинское дело». Его основными фигурантами стала группа инженеров металлургического завода, обвинённая во вредительстве и дезорганизации производства. В годы коллективизации Надеждинский район превращается в один из основных центров кулацкой ссылки на Северном Урале. Здесь появляется разветвлённая сеть спецпосёлков, куда направляют раскулаченных с Украины, юга России, Крыма. Наиболее громкие политические дела, сфальсифицированные надеждинскими чекистами в 30-е годы, такие как «Польская организация войскова», организация «правых», «Уральский повстанческий центр» и «Организация церковников», стали частью «большого террора», развёрнутого по всей стране. Трудности периода коллективизации и индустриализации заставили Сталина обратиться к испытанному ранее средству – «красному террору» против «классовых врагов». В этот период в СССР официально утверждается тезис о том, что враги народа проникли всюду – во все партийные, советские, хозяйственные органы и Красную Армию. «Очищение» страны от «внутренних врагов» особенно приобрело массовый характер в 1937-1938 годах. Политические репрессии в Надеждинске продолжались до мая 1952 года. Последней их жертвой в нашем городе по данным «Книги памяти жертв политических репрессий по Свердловской области» значится Степыкин Фёдор Прохорович, арестованный горотделом МГБ 21 сентября 1951 года. Он родился в 1901 году в селе Коробкино Дмитриевского района Курской области. Работал на лесозаводе вахтёром пожарно-сторожевой охраны. 7 мая 1952 года Судебной Коллегией по уголовным делам Свердловского областного суда приговорён к 25-ти годам заключения в ИТЛ.

Среди арестованных часто встречались люди с интересной биографией. Один из них Козлов Иван Иванович, 1899 г.р. уроженец деревни Яндычи Брест-Литовского уезда Гродненской губернии. Его отец служил управляющим ковенских имений у премьер-министра Российской империи П.А.Столыпина, где прошло детство Ивана. В годы Гражданской войны Иван Козлов успел послужить артиллеристом в петлюровской армии, затем в Красной. С 1922 года в рядах ВЧК, откуда был демобилизован в 1923. В Надеждинск приехал в 1925 году, проживал по адресу: Новый посёлок, 10 линия, дом 9. До

1937 года работал машинистом на железной дороге, затем механиком Надеждинской конторы «Уралсевлестяж». Арестован 13 ноября 1938 года. Обвинялся по ст.58 п.10 УК РСФСР в том, что среди окружающих его лиц проводил антисоветскую агитацию, направленную на дискредитацию выборов, восхвалял фашистский строй и врагов народа. 16 августа 1939 года Судебной коллегией по уголовным делам Свердловского областного суда приговорён к четырём годам лишения свободы с последующим поражением в избирательных правах на два года. Виновным на суде себя не признал. Отбывая срок заключения в Коми АССР умер 7 мая 1943 года. Реабилитирован 23 января 1963 года.

С марта 1918 по май 1952 года за контрреволюционные преступления Коллегией ОГПУ, Тройками НКВД, Особым Совещанием, Военной Коллегией Верховного Суда СССР, военными трибуналами, Коллегией Свердловского областного суда были осуждены 1618 жителей Надеждинска, вместе с посёлками Новая Каква, Старая Кола, Новая Кола, Филькино, входящими в городскую черту. Из них расстрелян 781 человек, остальные 837 приговорены к различным срокам заключения. Самому старшему – Сычёву Руфу Семёновичу на момент ареста исполнилось 75 лет (осуждён на 10 лет), младшей – Неворотовой Надежде Григорьевне, ученице средней школы №22 – 16 лет (расстреляна). Руф Семёнович был отцом известной в городе учительницы химии Марии Руфовны Сычёвой, кавалера орденов Ленина и «Знак Почёта», директора неполной средней школы №17. Кроме того, подвергнуто аресту 17 уроженцев Надеждинска, из них к высшей мере наказания приговорено 5 человек. Самый младший из уроженцев города, Потапов Михаил Михайлович, арестованный органами НКВД, едва достиг возраста 13-ти лет. Большинство осуждённых по политическим статьям после 1953 года реабилитированы. К общему списку жертв политических репрессий (1636 человек) необходимо добавить 36 человек, казнённых по политическим мотивам в годы Гражданской войны.

В ходе следствия к арестованным применялись провокационные методы. Преступной была и методика составления протоколов, о чём на судебном процессе в августе 1940 года говорил бывший оперуполномоченный 4 отделения горотдела НКВД В.Юдин: «Метод составления протоколов был такой: сначала следователи вызывали к себе арестованного для того, чтобы выяснить у него автобиографические данные и установить – какие он знает на заводе

аварии и поломки. Если фигура эта заслуживала внимания, то его обратно отправляли в камеру, затем уже в отсутствие арестованного писали протокол страниц на 20-30. В протокол записывалось всё, что сумеет надумать следователь. Например, арестованный завербован в шпионско-диверсионную организацию, дальше вписывали кто его завербовал или кого он завербовал, а потом вписывалось, что он что-нибудь взорвал, сломал или расхищал социалистическую собственность. Не все арестованные эти протоколы подписывали. Не подписавшим протоколы ухудшали условия, не разрешали передачи и т.д.». За нарушения социалистической законности бывшие начальники городского отдела НКВД Котков и Трубачёв были осуждены к высшей мере наказания, ряд сотрудников приговорены к различным срокам заключения и уволены из органов.

Книга «Политические репрессии в Надеждинске. 1918-1952 гг.» является первой попыткой объективно осветить одну из трагических страниц в истории нашего города. Она написана на основе архивных документов, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. В монографии использованы материалы архивов ГААОСО, АОАСГО, ГАСО, ЦДОСО, ГАПО, а также научно-справочный аппарат Серовского исторического музея, историко-производственного музея Серовского металлургического завода, научной библиотеки Уральского государственного университета им.А.М.Горького, Свердловской областной универсальной научной библиотеки им.В.Г.Белинского (г.Екатеринбург). Для удобства чтения сноски на использованные документы даются непосредственно в тексте.

За плодотворное сотрудничество выражаю сердечную благодарность Наталье Леонидовне Коргут, главному археографу отдела использования и публикации архивных документов ГААОСО; Илье Николаевичу Демакову, заведующему отделом использования и публикации архивных документов ГААОСО; Алексею Геннадьевичу Борисову, научному сотруднику исторического отдела Верхотурского государственного историко-архитектурного музея-заповедника; Эльвире Григорьевне Решетниковой, директору историко-производственного музея Серовского металлургического завода, Любови Аркадьевне Двинских, старшему научному сотруднику Свердловского областного краеведческого музея.

Главы книги «Дело Уральского штаба восстания», «Дело членов партии социалистов-революционеров» написаны научным

сотрудником Борисовым А.Г., а глава «Учащиеся – жертвы политических репрессий» - совместно с автором книги.

В заключении скажу несколько слов о моём прадеде Григории Ивановиче Жуйкове, 1879 г.р., уроженце деревни Малые Жуйковы Макарьевской волости Котельничского уезда Вятской губернии. Всю свою жизнь он занимался сельским хозяйством, крестьянин-единоличник. Имел большую семью из девяти человек. В 1926 году лишён избирательных прав за торговлю льнокуделью. В 1929 году повторно лишён избирательных прав, как крестьянин-единоличник. В 1930 году раскулачен. В июле 1931 года, получив предписание Доровского районно-исполнительного комитета Кировской области от 25 июля 1931 года о высылке семьи в спецссылку, вскоре умер. Его жена Наталья Андреевна, 1875 г.р., вместе с детьми Павлом (1910 г.р.), Пелагеей (1908 г.р.), Марией (1911 г.р.), Таисией (1916 г.р.), Аполинарией (1914 г.р.), Анной (1919 г.р.) были направлены в ссылку в Северный край, а их имущество передано колхозу. Проживали в спецпосёлке Сосновое Коношевского района Архангельской области, работали на лесоразработках. 23 июля 1937 года от непосильного труда Наталья Андреевна умерла. Пелагею, Марию, Таисию и Аполинарию направили на работу в Надеждинск на металлургический завод, Анну в Сухой Лог, Павла в Котельнич. 13 июля 1993 года Григорий Иванович вместе с семьёй реабилитирован на основании пункта «б» статьи 3 Закона РСФСР от 18 октября 1991 года «О реабилитации жертв политических репрессий». На основании этого же закона были реабилитированы все спецпереселенцы, водворённые в ссылку в Надеждинский район.

Книга издана на личные средства автора.

28 марта 2012 года

Старший научный сотрудник ВГИАМЗ
Игорь Алексеевич Фомичёв.

Глава 1. Репрессии в условиях Гражданской войны.

Эпоха политических репрессий в нашей стране начинается с захвата власти большевиками в октябре 1917 года. Построение государства диктатуры пролетариата наталкивалось на сопротивление значительной части общества. Мероприятия Советского правительства в сфере экономики, политики и социальных отношений стали началом борьбы сторонников и противников нового режима. В ходе вооружённого противостояния красных и белых противоборствующие стороны довольно часто использовали террор, как средство достижения своих целей.

Первый трагический эпизод в истории Надеждинска относится к весне 1918 года. В ночь с 17 на 18 марта по приказу заведующего военным отделом Надеждинского исполкома Шамшурина, были расстреляны торговцы Сафонов и А.И.Шадрин, находившиеся под арестом за отказ от уплаты наложенной на них контрибуции. Этот единовременный налог взимался с торговцев для пополнения бюджета местного Совета, введён Уралсоветом в январе 1918 года. Александр Иванович Шадрин, 1878 г.р., уроженец города Верхотурья, купец 2-й гильдии, принадлежал к известной купеческой семье Шадриных, торговавшей на севере Верхотурского уезда мануфактурой и бакалейными товарами. Его отец проживал в Надеждинске с 1894 года, семья имела большую усадьбу, расположенную в районе современного автовокзала. Магазины и лавки Шадриных находились на главной улице посёлка – Надеждинском проспекте. Александр Иванович занимался благотворительностью, состоял попечителем 1-го смешанного и Филькинского земских народных училищ. На его средства приобретались учебные пособия, школьное оборудование. Шадрин выступил одним из инициаторов открытия прогимназии в Надеждинске, принимал активное участие в работе Общественного собрания, в период с 1905 по 1908 годы исполнял обязанности его председателя. Значительный вклад Александр Иванович внёс и в развитие здравоохранения. При его финансовом участии построено каменное здание земской больницы. В годы Первой мировой войны в посёлке с 1915 года действовал Попечительский совет о солдатских детях, занимавшийся оказанием материальной помощи семьям воинов, погибших на фронте. Его деятельностью руководил священник Африкан Богомолов, в совет входили полицейский надзиратель Н.И.Соловьёв, купцы А.И.Шадрин, Н.М.Соловьёв, Ф.Ф.Коробейников,

П.И.Горшенин, А.А.Мельников, С.С.Савинцев, Я.Г.Чернов. К политике Советской власти Шадрин относился крайне негативно. Расправа с таким известным и влиятельным в посёлке человеком, по мнению Надеждинского Совета, должна была сломить сопротивление имущих слоёв и заставить их сотрудничать с властью.

Летом 1918 года в посёлке имел место факт мародёрства, когда красногвардейцы Силкин и Кирпиков самовольно арестовали и расстреляли на Церковной площади жителя Надеждинска. Впоследствии Кирпиков по решению военного трибунала БГО был приговорён к расстрелу. Эти факты свидетельствовали о том, что общество стояло на пороге Гражданской войны, когда человеческая жизнь теряла всякую ценность и действовал закон: «Ваше слово – товарищ маузер». Вскоре война докатилась и до Надеждинска.

С 20 октября 1918 по 14 июля 1919 года заводской посёлок был занят подразделением 16-го Ишимского полка Белой армии. Здесь находились гражданская администрация, управление военного коменданта Богословского Горного Округа, милиция, волостное земство. В условиях военного времени постановлением Сибирского правительства от 20 июня 1918 года на территориях, освобождённых от большевиков, создавались следственные комиссии с чрезвычайными судебными полномочиями. В задачи таких комиссий входило выявление лиц, принадлежавших к партиям большевиков, левых эсеров, анархистов, органам Советской власти, командному и рядовому составу Красной армии. Комиссия санкционировала проведение обысков, арестов, занималась контрразведывательной деятельностью, выявляла большевистское подполье, пресекала саботаж и, как результат, выносила смертные приговоры, подменяя собой органы правосудия. Смертной казни по законам военного времени подлежали лица, совершившие следующие преступления: 1) участие в вооружённом восстании против существующего правительства и призыв к таковому, 2) умышленный поджог, истребление, приведение в негодность воинского снаряжения, вооружения, средств нападения и защиты, запасов продовольствия и фуража, 3) умышленное истребление и повреждение водопроводов, мостов, плотин, шлюзов, колодцев, бродов и иных средств, назначенных для передвижения, переправы, судоходства, предупреждения наводнения или необходимых для снабжения водой, 4) умышленное истребление и повреждение всякого рода телеграфов, телефонов или иных аппаратов, назначенных для передачи известий, 5) умышленное повреждение

железнодорожных сооружений, пути, подвижного состава и установленных знаков для железнодорожного движения и на водных путях, 6) вооружённое нападение на места заключения, на часового, военный караул и всякого рода стражи, вооружённое сопротивление караулу и страже, 7) всякое умышленное убийство, покушение на убийство должностных лиц и при исполнении ими служебных обязанностей, 8) изнасилование, разбой и умышленное зажигательство или потопление чужого имущества (ЦДООСО. Ф.41, оп.2, д.355, л.57-58). В Надеждинске следственная комиссия действовала при комендантском управлении. В её состав входили гласные волостной земской управы Карпов, Рябов, Савёлов, начальники милиции подпоручик М.Соловьёв, а впоследствии – поручик Злыгостев. Руководил работой комиссии военный комендант. Поочерёдно эту должность занимали подпоручик Переверзев, поручик М.Соловьёв, корнет Н.Н.Мензелинцев, поручик С.Н.Бухман (АОАСГО. Ф.Р-253, оп.1, д.22, л.1-3). Оперативно-розыскные мероприятия проводились силами милиции. Помощь в выявлении советских активистов властям и оказывали местные жители, особенно пострадавшие в период правления большевиков.

Расстрелы производились на восточной окраине посёлка недалеко от татарского кладбища отделением Анатолия Минакова из состава комендантской роты. Подразделение Минакова надеждинцы называли карательным отрядом. В советское время деятельность карательного отряда связывали с именем князя Вяземского, которому местные краеведы приписывали казнь 23-х советских работников в ночь на 21 ноября 1918 года. На самом деле он к расстрелам не имел никакого отношения. Корнет Вяземский – военный комендант Новой Ляли, был направлен на север Верхотурского уезда для охраны Сибиряковского тракта, по которому предполагалось соединиться с архангельской группировкой генерала Миллера. Вяземский выполнял чисто военные задачи и в деятельность следственной комиссии не вмешивался. В Надеждинск он прибыл в конце ноября и находился здесь не больше недели. Пополнив свой отряд медикаментами, продовольствием и гужевым транспортом Вяземский направился в Никито-Ивдель к месту постоянной дислокации. Факт массового расстрела архивными данными не подтверждается. Казни осуществлялись не в один день, а в течение всего времени пребывания белых в посёлке. К сожалению, эта легенда до сих пор повторяется некоторыми современными исследователями в своих работах.

После ухода белых на братской могиле установили памятник жертвам белого террора, открытый на траурном митинге 7 ноября 1919 года. Памятник представлял из себя обвитую ветвями деревянную беседку. Рядом с ним установили изготовленные из металла развевающиеся знамёна, на одном из которых было написано: «Спите орлы боевые, спите спокойно, душою вы заслужили, родные, славу и вечный покой». Образцом для проекта надеждинского памятника послужил мемориал жертвам революции на Марсовом поле в Петрограде.

Первоначально на памятнике значилось 20 фамилий казнённых жителей Надеждинска: 1) Барышева С.А., расстреляна за распространение антиправительственных прокламаций, член партии левых эсеров; 2) Брызгалов Михаил Петрович, казнён 3 декабря 1918 года, участник подполья, большевик; 3) Денисов Ю.М., командир Красной армии, участник подавления крестьянских восстаний в уезде летом 1918 года; 4) Емельянов Алексей Дмитриевич (12 ноября 1918 года), рабочий, боец продовольственного отряда, большевик; 5) Ендальцев Илья Разумович (4 декабря 1918 года), рабочий-слесарь, хозяин явочной квартиры, большевик; 6) Исаев Иван Никитич (17 декабря 1918 года), распространял нелегальную литературу, большевик; 7) Касаткин Александр Степанович (20 ноября 1918 года), красногвардеец, участник матросско-солдатского отряда Горбунова; 8) Карачёв Сергей Капитонович (20 ноября 1918 года), красногвардеец, участник подавления крестьянских восстаний в уезде летом 1918 года; 9) Калганов Дмитрий Фёдорович, красногвардеец, участник подавления восстания в Никито-Ивделе, левый эсер; 10) Козлов Дмитрий Федотович, 18 лет (21 ноября 1918 года), распространял антиправительственные воззвания среди рабочих завода, левый эсер; 11) Кокорин Н.Н., подпольщик, работник биржи труда, левый эсер; 12) Ледохович Мечислав Феликсович (20 ноября 1918 года), рабочий рельсопрокатного цеха, один из руководителей уездного комитета партии левых эсеров; 13) Мурашов В.П., комиссар продовольственного отряда; 14) Обрезков П., красногвардеец; 15) Поспелов Прокопий Петрович (12 ноября 1918 года), член Надеждинского Совета, заместитель начальника военного отдела, большевик; 16) Порошин Григорий Зиновьевич (октябрь 1918 года), служащий общества потребителей, Заместитель начальника продовольственного отдела окружного Совета БГО, левый эсер; 17) Смольников Алексей Николаевич, 36 лет (22 ноября 1918 года), казначей исполкома

окружного Совета БГО, большевик; 18) Сунцов Зосим Максимович (6 января 1919 года), рабочий рельсопрокатного цеха, красногвардеец отряда Заславского; 19) Ченцов Александр Иванович, 24 года (20 ноября 1920 года), рабочий сортопрокатного цеха, красногвардеец матросско-солдатского отряда Горбунова; 20) Огородников А.Н., член исполкома Надеждинского Совета, большевик (Отдел ЗАГС администрации Серовского городского округа. Метрические книги Спасо-Преображенского собора за 1918-1919 гг.). Даты казни приведены по старому стилю, в соответствии с записями в метрических книгах Спасо-Преображенского собора.

Следует заметить, что не всегда рассмотрение дел следственной комиссией завершалось вынесением смертного приговора. Так, например, одни из руководителей надеждинского подполья – большевики М.Д.Соловьёв и О.Н.Соловская, арестованные в апреле 1919 года, по приговору следственной комиссии были отправлены в Пермскую тюрьму, откуда их освободила Красная армия. В 1925 году Надеждинский горсовет установил День памяти жертв белого террора, который отмечался 5 декабря траурными шествиями и митингами у братской могилы. Традиция сохранялась до 1936 года, пока День памяти не совпал с Днём советской конституции.

К 40-летию Советской власти, в 1957 году, на месте деревянного памятника возвели обелиск из кирпича и бетона пирамидальной формы, высотой 2,5 метра, окружённый металлической изгородью. Надпись на мемориальной доске гласила: «Вечная память борцам, павшим за власть Советов в 1918 году», ниже значились всё те же 20 фамилий. В 1965 году по ходатайству краеведов города Североуральска (бывший Петропавловский завод) к этому списку добавили ещё шесть фамилий членов Петропавловского Совета, расстрелянных в Надеждинске. На памятнике появилась вторая табличка со следующими именами: П.И.Палехов (начальник продовольственного отдела Петропавловского Совета), П.Г.Баянов, Н.Г.Кузнецов, П.П.Ожегов (председатель общества потребителей), Н.М.Паршуков (начальник милиции), И.М.Дерябин.

Накануне 70-летия Октябрьской революции, в 1987 году на месте кирпичного обелиска построили мемориальный комплекс. Автором проекта была Ольга Чиберёва – сотрудник отдела архитектуры Серовского механического завода. Комплекс включает в себя две железных стелы в виде стилизованных штыков и гранитный обелиск. На нём установили мемориальную доску из белого мрамора с

надписью «Вечная память борцам, павшим за власть Советов в 1918 году» и именами погибших. К открытию мемориала была проведена работа по уточнению количества казнённых, в результате список вырос до 29-ти человек. К нему добавили имена Е.В.Некрасова (председателя земельной комиссии Филькинского сельского Совета), А.Д.Путилова (комиссара по продовольствию того же Совета) и Василия Алексеевича Землянова (комиссара по управлению делами национализированного БГО до февраля 1918 года). Длительное время Землянов занимал вакансию регента церковного хора Спасо-Преображенского собора. Его настоятель священник Африкан Богомолов в мае 1918 года был арестован губернской ЧК за антибольшевистскую агитацию. Арест Богомолова бросил тень подозрений и на Землянова. Товарищи обвиняли его в неискренности убеждений. Впоследствии ему стали приписывать сотрудничество со следственной комиссией, в результате которого якобы были арестованы и расстреляны ряд советских и партийных работников, в силу чего фамилия Землянова ранее не была занесена на памятник. Документов, подтверждающих факт предательства, обнаружить не удалось. В итоге только в 1987 году имя Землянова увековечили на новом обелиске.

Как показали дальнейшие исследования, список казнённых из 29 человек оказался неполным. В нём до сих пор отсутствуют фамилии четырёх жителей района: Коптякова Василия Семёновича (17 октября 1918 года), Спиридонова Михаила (14 октября 1918 года), Агафонова Михаила Михайловича (5 марта 1919 года), Путятинна Василия Макаровича (1 марта 1919 года), даты даны по старому стилю. Кроме того, после занятия посёлка белыми был арестован и расстрелян Виноградов Константин Валерьянович, комиссар юстиции Богословского окружного Совета, находившийся на лечении в Надеждинской больнице после ранения, полученного при подавлении Ивдельского восстания (АОАСГО. Ф.Р-253, оп.1, д.14, л.39об). В метрической книге Спасо-Преображенского собора внесена запись о расстреле 9 января 1919 года Дёминцева Николая Михайловича, сведения о котором больше нигде не встречаются. Таким образом, за период пребывания белых в Надеждинске было расстреляно 35 человек, из них 29 казнены по приговору следственной комиссии.

В годы Гражданской войны на Северном Урале не велось крупномасштабных боевых действий. Однако, бои местного значения во многом влияли на исход военных компаний и были важным связующим звеном в стратегических замыслах командования Белой и

Красной армий. Как уже говорилось выше, зимой 1918-1919 гг. развернулась борьба за контроль над Сибиряковским трактом, который давал возможность войскам Сибирского правительства соединиться с архангельской группой белых генерала Е.К.Миллера. На этом участке фронта действовали небольшие вооружённые отряды, сформированные, как правило, из местного населения. Одним из таких отрядов командовал подпрапорщик Пётр Никитич Арапов. Общее руководство белыми частями осуществлял корнет князь Вяземский. Военные действия завершились летом 1919 года поражением белых и восстановлением Советской власти на Северном Урале. На освобождённой территории следственными органами начался поиск бывших военнослужащих Белой армии.

23 октября 1919 года в Екатеринбургскую Губернскую Чрезвычайную Комиссию (Губчека) пришло сообщение от члена Революционного Военного Совета 3-й Красной Армии Восточного фронта А.Лёва о том, что во Всеволодо - Благодатской волости скрывается бывший белогвардеец, начальник Северного отряда Арапов. 11 ноября уполномоченным Губчека в Верхотурском уезде Порошину и в городе Надеждинске Солодовникову из Екатеринбурга поступило указание произвести расследование по данному факту. В случае обнаружения разыскиваемого лица его арестовать и сопроводить в Екатеринбург.

Из Верхотурья для поиска Арапова во Всеволодо-Благодатскую волость направили 14 милиционеров. Отрядом руководил Солодовников. 12 января 1920 года в Никито-Ивделе Пётр Никитич был задержан и доставлен в Екатеринбург, где против него в следственно-оперативном отделе ЧК 26 января начали уголовное дело №244/203. Бывшего подпрапорщика обвиняли в добровольной службе у князя Вяземского и в организации добровольческого отряда, выступившего против Советской власти. Обвинение базировалось на заявлении жителя Никито-Ивделя Мальцева Михаила Алексеевича, проходившего свидетелем по этому делу. Из его показаний следовало, что ещё в сентябре 1918 года Арапов организовал в Никито-Ивделе небольшой отряд, выступивший против Советской власти. Подчинённые Арапова во время мятежа 27 сентября 1918 года разоружили лесную охрану и забрали винтовки, а по приходу белых в посёлок Арапов добровольно пошёл к ним на службу и был назначен на должность начальника Северного отряда и контрразведки.

Завершив следствие, коллегия Екатеринбургской Губчека 21 февраля 1920 года обвинила Арапова Петра Никитича в добровольной службе в отряде князя Вяземского, организации добровольческих карательных отрядов, расстрелах советских работников, службе начальником контрразведки у белых и постановила привлечь Арапова к принудительным работам сроком на 5 лет при самом строгом содержании под стражей (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.47413, л.82). Следователи при рассмотрении дела отказались принять во внимание письмо жителей Никито-Ивделя от 19 января 1920 года, в котором говорилось следующее:

«...Мы, граждане Ивделя, всем обществом поручаемся, что Арапов П.Н. участвовал в восстании 1918 года по просьбе общества. Выступление общества было не против Советской власти, а против наезжавших в Ивдель разных уполномоченных и красноармейцев из отряда приезжих, которые отбирали у населения молоко, яйца, масло и часть одежды, чем и возмутили население, которое решило лучше пропасть с оружием в руках, чем терпеть подобное насилие. Арапов же был начальником отряда по просьбе общества. За время существования белой власти Арапов, бывший первое время начальником местной охраны, пользуясь своим положением, ходатайствовал перед комендантами карательного отряда пощадить жизнь обвиняемых ивдельцев, которых Арапов спас от расстрела от трёх до пяти человек, а также чуть ли не половину ивдельцев от наказания плетью. Бывши начальником комендантской роты в Надеждинске, Арапов не произвёл ни одного расстрела и ни одной экзекуции. Во время эвакуации Арапову было приказано уничтожить имеющийся запас в Ивделе муки, но Арапов, считаясь с народом это приказание не исполнил, благодаря чему население Ивделя не осталось голодным. Ивдельские граждане просят соответствующие учреждения сделать всё возможное, чтобы оправдать Арапова, как действовавшего в пользу народа, а также верить всему вышесказанному.

Указанное одобрение Арапову дают от числа собравшихся в 234 человека. Одобрение дано единогласно, против нет» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.47413, л.103об).

Что касается начальника контрразведки, то такой должности в штате комендантского управления БГО, куда относился Никито-Ивдель, не существовало. Эта должность Арапову была приписана Мальцевым. В переписке между Екатеринбургской, Надеждинской и

Верхотурской чрезвычайными комиссиями Арапова называли также начальником контрразведки Колчака на Северном Урале. Сам Арапов во время следствия указывал только две должности, которые он занимал на службе в Белой армии. Это начальник Северного отряда в Никито-Ивделе и командир комендантской роты в Надеждинске.

Пётр Никитич родился в 1892 году в селе Никито-Ивдель в семье крестьянина. Отец – Никита Дмитриевич (1859 г.р.), мать – Надежда Степановна (1863 г.р.). братья – Андриян (1890 г.р.), Григорий (1904 г.р.), Никита (1905 г.р.). Окончил начальную школу. Как и его отец занимался охотничьим промыслом. В октябре 1914 года мобилизован в армию, принимал участие в военных действиях на германском фронте. За доблесть и мужество, проявленные в боях, награждён Георгиевским крестом. В 1916 году произведён в подпрапорщики. В связи с болезнью Арапов был комиссован из действующей армии. В феврале 1917 года вернулся на родину. Относительно его службы в Белой армии приведём следующий документ – удостоверение, выданное ему комендантом БГО подпоручиком Бухманом 9 июля 1919 года:

«Дано сие добровольцу, начальнику Никито-Ивдельской охраны подпрапорщику Петру Никитичу Арапову в том, что он находился на службе с 29 сентября 1918 года по 9 июля 1919 года и как прослуживший добровольцем больше 6-ти месяцев, согласно приказа по войскам Сибирской армии, подлежит увольнению сроком на шесть месяцев. Во время службы ни в чём предосудительном замечен не был. Уволился по собственному желанию. Денежным довольствием за всё время службы, кроме жалования, никаким не удовлетворён, что подписью и приложением казённой печати удостоверяется. (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.47413, л.111)

После вынесения приговора Пётр Никитич отбывал срок заключения в Нижнее-Туринском исправительном доме. Летом 1920 года с группой заключённых пытался бежать. В рапорте комиссара исправдома Ширыкалова в Екатеринбургскую Губчека об этом инциденте говорится следующее: «12 июня 1920 года в 2 часа дня из Нижнее-Туринского исправдома были командированы на водокачку 40 человек с пятью надзирателями. Первая смена в количестве 20-ти человек вошла в водокачку и принялась за работу. Вторая же смена в количестве 20-ти человек осталась на воле. Через несколько минут заключённые из второй смены набросились на надзор, разоружили его и, овладев винтовками, побежали по направлению к лесу.

Обезоруженный надзор поспешил к конвойной команде, крича им, что совершён побег. Конвоиры не заставили себя долго ждать. С винтовками в руках они устремились в погоню, на ходу открыв огонь по убегавшим. Бежавшие, в свою очередь, отстреливались из винтовок, отобранных у надзора, причём ранили одного из конвоиров. Побежало десять заключённых, из них шесть убито, один утонул, бросившийся вплавь через пруд (его достали из воды на второй день), один ранен и доставлен в больницу исправдома и двое задержаны конвоирами. Убитыми оказались офицеры Никулин, Акулов, Богомолов, Новосёлов, Устьянцев, Каргаполов, Тонкушин; раненый Арапов Пётр; задержанные Пятков и Давыдов. Вдохновителями заговора к побегу были: Акулов, Никулин и, можно полагать, Арапов, прекрасно знающий местность на севере. Арапов не признаёт за собой, что он вместе с Акуловым и Никулиным принадлежал к вдохновителям побега. Однако, по имеющимся голословным сведениям, заключённые собирались бежать именно на север, местность, которую хорошо знал Арапов. К тому же, часть его отряда до сих пор скрывается в лесах на севере. Задержанные участники побега Пятков и Давыдов в своих показаниях подтвердили желание заключённых бежать на север. Значит нет сомнения, что Арапов является вдохновителем заговора к побегу» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.47413, л.3об).

На вопрос следователя – почему Арапов принимал участие в побеге, Пётр Никитич дал следующее объяснение: «... Когда я был начальником Северного отряда у белых, во время эвакуации летом 1919 года, мне было приказано эвакуироваться на Берёзов, причём уничтожить имеющийся запас хлеба. Но я этого не сделал, а напротив, перевёз хлеб в Ивдель, который был вдали от нас. По пути отступления отряд свой я расформировал, а оружие сдал профессиональному союзу в Ивделе. Я много спас людей от расстрела карательных отрядов Романовского и Постникова. Сам я никого не расстреливали и не убивал, за исключением только одного начальника красноармейского отряда, и то во время боя. И всё-таки на меня наговорили, что я расстреливал людей... Мной был спасён от расстрела помощник комиссара Ворошилов Александр, который участвовал ранее в расстреле техника Беломорской железной дороги Копиловского. Я же спас члена следственной комиссии (ЧК) Анатолия Александровича Мехоношина и много других. И несмотря на всё это мне приговорили пять лет. Считая, что суд был ко мне

несправедлив, я решил бежать на север, где-бы мог прожить ещё бы 30 лет, потому что там нет никакой власти, кроме остяков» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.47413, л.5 об).

О самом побеге Арапов рассказал так: «11 июня, кто решил бежать, уговорились между собой, что завтра пойдём качать воду и с водокачки уйдём. Что и сделали после обеда 12 июня. Мы все становились вместе, кто побежит. Придя на водокачку, мы остались на воле, делая вид, что остаёмся на вторую смену. Подойдя к надзирателям поближе, ожидали условного знака. Офицер Никулин махнул рукой и мы быстро накрыли надзор, овладели их винтовками и побежали. Прибежавшие на крик надзора солдаты конвойной команды бросились нас догонять, открыв огонь. Мы в свою очередь стали отстреливаться из отобранных у надзора винтовок. У меня тоже была винтовка, но я не стрелял, потому что не хотел убивать» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.47413, л.5 об).

Несмотря на участие в побеге, 14 ноября 1920 года, в связи с 3-й годовщиной Советской власти, заключённый Пётр Никитич Арапов был амнистирован. Постановлением соответствующей комиссии ему сократили срок наказания с пяти до двух лет. Однако, 12 апреля 1921 года следственно-оперативный отдел Екатеринбургской Губчека возобновил новое следствие в отношении Арапова. Пётр Никитич был доставлен из Нижнее-Туринской тюрьмы в Екатеринбург. Только на этот раз его обвиняли в организации и подготовке побега заключённых из исправдома.

Помощник уполномоченного секретно-оперативного отдела Губчека Еловских, рассмотрев дела по обвинению Арапова, предложил по отношению к нему применить высшую меру наказания, признав Арапова организатором и вдохновителем побега. Окончательный вердикт Петру Никитичу был вынесен членами коллегии Екатеринбургской Губчека 1 июля 1921 года. В протоколе заседания говорилось:

«Арапов П.Н., белый офицер, начальник колчаковского Северного карательного отряда, начальник контрразведки БГО при белых. Осуждён к принудительным работам на пять лет постановлением Губчека 21 февраля 1920 года за расстрелы советских работников, добровольную службу в отряде князя Вяземского, организации добровольческих карательных отрядов. Амнистирован 14 ноября 1920 года в смысле сокращения срока наказания до двух лет. ПОСТАНОВИЛИ: Арапова П.Н., как злостного и неисправимого

врага трудящихся, совершившего целый ряд преступлений против рабочих и крестьян, подвергнуть высшей мере наказания – расстрелять» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2 д.47413, л.44).

В деле нет сведений о дате приведения приговора в исполнение. На основании закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 года приговор в отношении Арапова, репрессированного по политическим мотивам был отменён, производство по делу прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления. Арапов П.Н. реабилитирован 31 декабря 1992 года.

18 июля 1920 года в Надеждинске был арестован учитель начальных классов 1-го советского училища Перетягин Селивёрст Иванович, 1894 г.р., уроженец деревни Каратухино Красногорской волости Верхотурского уезда Пермской губернии. Перетягин был одним из организаторов и первым руководителем профсоюза работников просвещения в Надеждинске, образованного 18 мая 1917 года. Поводом к аресту послужило выступление Перетягина на одном из профсоюзных собраний, направленное против 3-го Интернационала. Такой поступок не остался без внимания властей. 16 августа 1920 года Екатеринбургская ГубЧК приговорила Селивёрста Ивановича, как контрреволюционера, к лишению свободы и заключению в концлагерь на неопределённое время (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.46445, л.39об). 5 января 1921 года амнистирован и освобождён из-под стражи. Выйдя из заключения Перетягин вернулся к своей работе.

Глава 2. Борьба с троцкистской оппозицией.

В 1923-1929 г.г. на Урале были популярны политические взгляды Л.Д.Троцкого, критиковавшего диктат ЦК партии, привилегии ответственных партийных работников и неэффективность экономической политики. Преследования Троцкого – одного из вождей революции, вызывали обеспокоенность многих коммунистов, опасавшихся, что будет уничтожена внутрипартийная демократия. Надеждинск в этой ситуации не был исключением. В бурной революционной биографии Троцкого присутствует факт, связывающий его с нашим городом. В 1907 году он бежал из сибирской ссылки. Путь пролегал из городка Берёзов на реке

Северная Сосьва через Саранпауль, Никито-Ивдель, Богословск, Турьинские рудники, Надеждинск. Из Надеждинска Лев Давыдович по железной дороге добрался до Перми. Позже в своих воспоминаниях Троцкий писал: «Я ехал в тревоге. Но когда оказался в удобном вагоне пермской дороги, сразу почувствовал, что дело моё выиграно» (Троцкий Л. Моя жизнь. Т.1, с.113). Одна из улиц Надеждинска в 1920-е годы носила имя Троцкого (ныне улица Победы).

В 1926 году в газете «Правда» было опубликовано заявление 83-х членов ВКП(б), выступавших против централизации партийной жизни. В числе коммунистов, подписавших этот документ, были уральцы А.Г. Белобородов, С.В.Мрачковский, Л.С.Сосновский, И.И.Уфимцев. В Уральской области нелегально действовали оппозиционные группы на отдельных предприятиях и учреждениях. В 1926-1929 г.г. существовала такая группа и на металлургическом заводе в Надеждинске. Её организовали рабочие Кожевников и Шишкин. Первоначально в группу входило 5 человек:

Кожевников Николай Аркадьевич, 1905 г.р., уроженец Турьинских рудников, окончил начальную школу, работал резчиком в листопрокатном цехе, проживал в Новом посёлке, 11 линия, дом 50. В 1925 году учился на рабфаке в Свердловске, где сошёлся с оппозиционерами. В 1927 году за фракционную работу был исключён из ВКП(б).

Шишкин Пётр Иванович, 1905 г.р., уроженец Белохолуницкого завода Вятской губернии, окончил начальную школу, член ВЛКСМ с 1923 по 1927 год, работал конторщиком в сортопрокатном цехе. В 1924-1925 г.г. учился в Свердловской совпартшколе. В 1927 году за фракционную деятельность исключён из рядов ВЛКСМ.

Уханов Александр Владимирович, 1901 г.р., урожденец деревни Пяшниной Белозерского уезда Череповецкой губернии, окончил начальную школу, с октября 1917 года работал служащим в Петрограде, Белорецке, Череповце. С 1926 года – в Надеждинске, трудился десятником листопрокатного цеха. Проживал по адресу: Зеленцовский посёлок, дом №3, квартира 8.

Першаков Анатолий Петрович, 1908 г.р., уроженец Чернохолуницкого завода Вятской губернии, член ВЛКСМ, исключён как оппозиционер-троцкист, клеймовщик мартеновского цеха.

Ярославцев Анатолий Арсентьевич, 1908 г.р., уроженец города Глазова, из крестьян, окончил начальную школу, вальцовщик

листопрокатного цеха. Проживал по адресу: улица Парковая, дом 10, квартира 5. (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, т.1, д.36099, л.195).

Относительно целей и задач группы в своей записной книжке Шишкин сделал такую запись: «С Колей Кожевниковым создаём нелегальный кружок. Есть уже семь человек. На днях наверное соберёмся. Я мыслю задачи кружка так: борьба на заводе за свои экономические интересы и, конечно, интересы рабочих. Будем организованно выдвигать своих ребят в профцехбюро и различные комиссии, будем стараться компрометировать перед рабочими существующую политику партии, добиваться сохранения в партии различных группировок и фракций» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.36099, т.1, л.49).

В ноябре 1928 года участниками группы на заводе была распространена листовка следующего содержания: «Товарищи! Ближайшему соратнику Ленина, вождю Октябрьской революции, организатору Красной армии, одному из создателей Коммунистического интернационала, испытанному борцу за дело рабочего класса угрожает великая опасность. Требуйте немедленного возвращения товарища Троцкого из ссылки в Москву. Товарищи! Добивайтесь от ЦК и правительства ответа на вопрос, почему вождя пролетарской революции бросили в местность гибельную для его здоровья. Почему товарища Троцкого держат в малярийной Алма-Ате, когда палачи рабочего класса Слащёвы, Гоцы и другая сволочь разгуливают по улицам пролетарских столиц? Товарищи! Заставьте ЦК партии и правительство принять срочные меры к спасению жизни товарища Троцкого. Время не ждёт! Большевики-ленинцы (оппозиция ВКП(б))» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.36099, т.1, л.3).

В феврале 1929 года участники троцкистской группы были арестованы. Следствие велось начальником секретного отделения Тагильского окружного отдела ОГПУ Наговициным. В обвинительном заключении от 13 марта 1929 года говорилось: «В ноябре 1928 года в Надеждинском заводе в ночь с 18-го на 19-е неизвестными лицами были разбросаны и расклеены листовки, призывающие требовать возвращения из ссылки в Москву Л.Д.Троцкого, всего таких листовок обнаружено до 100 штук. Следствием Окротдела ОГПУ было установлено, что в Надеждинске существует подпольная троцкистская организация под руководством бывших комсомольцев Кожевникова и Шишкина, которые в свою очередь имели связь и получали директивы из центра – Уральской

троцкистской организации города Свердловска. В состав группы входили: Уханов, Першаков. Общее количество надеждинской организации составляло 11 человек. Активом организации среди рабочих завода велась систематическая работа, направленная на подрыв авторитета партии и Советской власти.

Кожевников и Шишкин надеждинской партийной организацией были командированы в город Свердловск, Кожевников – на рабфак, а Шишкин – в совпартшколу. Находясь на учёбе, они примкнули к деятелям троцкистской оппозиции. За активную фракционную деятельность они были исключены из партии и комсомола и из учебных заведений. Вернувшись в завод на производство, оба поступили работать в листопрокатный цех и здесь, по взаимному соглашению, повели фракционную работу. Летом 1928 года, в июле-августе, к ним примкнул бывший комсомолец Уханов А.В., работавший также в листопрокатном цехе десятником. С этого момента и началось организационное оформление подпольной группировки, вместе с тем широко развёртывается активная работа среди рабочих масс. Они настраивали рабочих против завкома, администрации и коммунистов, указывали, что рабочие зажатые в кулак, эксплуатируются за минимальную зарплату, не имеют политических свобод и т.д. В целях агитации использовали всевозможные затруднения, переживаемые СССР, как хлебоснабжение, недостаток промышленных товаров, неминуемо обвиняя в этом руководство ВКП(б), и как результат – неправильность её политики.

После распространения листовок активность группировки возрастает. К Кожевникову, Шишкину и Уханову примыкает комсомолец Першаков А.П., рабочий мартеновского цеха, который стал видным активистом группы. Собираясь на квартире Шишкина, они намечали общую линию их выступлений на рабочих собраниях и собраниях по отчётной компании горсовета. Из организованных выступлений группировки стоит отметить их выступление на собрании партийного и профсоюзного актива 27 ноября 1928 года по вопросу о хлебозаготовках. В прениях они говорили:

Першаков – «Рабочие Надеждинска пережили ряд трудных моментов. Эти трудности происходят от того, что в хлебозаготовках взята неправильная линия, в результате чего увеличили число бедноты. Тяжёлые налоги уменьшили посевы. Демократия не соблюдается, голосуем за ранее заготовленные резолюции. Оппозиция

шла по верному пути, её загнали в ссылку, но она ещё жива. Семена, посеянные Троцким, взойдут».

Кожевников – «С 1925 года зажиточные крестьяне скупали землю, а лозунг «Обогащайся», брошенный партией, выполнялся. Говорят, что кулаков всего 5%, тогда как хлеба у них 20% всего запаса. Это слишком невероятно. Применили статью 107, а результатов не добились. Всех кулаков не пересадить».

4 декабря 1928 года в листопрокатном цехе на собрании Кожевников выступил с заявлением: «На сентябрьском пленуме ЦК Сталин говорил, что у нас единая монолитная партия, а спустя месяц появляются уклоны – правый и левый, значит партия далеко не едина, в ней произошёл дворцовый переворот».

В целях проведения своей разлагательной работы, ядро организации использовало как легальные, так и нелегальные трибуны. В момент проведения отчётной компании горсовета они являлись на производство за полтора-два часа раньше их смены, ходили по цехам, группировали рабочих, настраивая против коммунистов. Их агитация сводилась к следующему: «Интересы рабочего не соблюдаются, заработная плата мала, хлеба дают мало, самокритика – только замазывание глаз рабочим. Демократия отсутствует, во всём творится произвол со стороны коммунистов и хозяйственников».

Персонально Шипкин среди рабочих цеха вёл такую агитацию: «Правительство допустило серьёзную ошибку, применив во время хлебозаготовок статью 107 УК, чем ударили по середняку и окончательно сорвали хлебозаготовки. Кто на своих плечах выносил трудности революции, боролся, проливал кровь – те выброшены вон, а бюрократы, коммунисты и нэпманы живут за счёт рабочего».

На отчётных собраниях горсовета, которых было свыше 20, группа троцкистов всегда присутствовала, используя в своих целях легальную трибуну, причём часть этих собраний заканчивалась, благодаря выступлениям троцкистов, с шумом и скандалом. В своих речах они громили горсовет, обвиняя его в бездельничании, невыполнении запросов рабочих. После проведения отчётной компании горсовета, наиболее сознательная масса рабочих была возмущена их выступлениями и дезорганизаторской работой на производстве. Вследствие этого в заводе было проведено свыше 20 сменных собраний, охвативших 3 тысячи человек. Обсудив деятельность троцкистов, рабочие вынесли постановление, требующее немедленного изъятия с производства активных троцкистов

Кожевникова, Шишкина и других с последующей изоляцией их от общества.

После данного постановления рабочих об изоляции троцкистов надеждинская группа окончательно уходит в подполье, начинает применять методы конспирации, явочных квартир, условных адресов и кличек. Так, Кожевников имел клички «Климентий», «Степан» и «Игорь», последняя кличка – псевдоним для связи с свердловским центром. Наибольший успех в вербовке проявлял Шишкин, который в короткое время вербует Ларькова Петра Константиновича, бывшего члена ВКП(б), исключённого за распространение троцкистских листовок, в то же время Ларьков является Шишкину дядей; рабочих Спехова Григория Михайловича, Ярославцева Анатолия Арсентьевича, Попову-Старикову, беспартийную, служащую правления Надеждинского комбината. Они распространяли среди рабочих завода троцкистскую литературу – письма Троцкого «Что делать дальше?», «Июльский пленум и правая опасность», «Шаг назад – полшага вперёд». Литературу в Надеждинск привозили из Свердловска Старожилов (член троцкистской организации в Свердловске) и Ларьков, который являлся рабкором газеты «Уральский рабочий». Своей задачей группа считала борьбу за экономические интересы рабочих путём выдвижения в профбюро и различные комиссии своих представителей.

Произведёнными обысками на квартирах членов группы было изъято: у Шишкина – адреса явок, тетрадь с его личными записями, нелегальная листовка, искажающая линию партии; у Кожевникова изъяты также адреса явок. Все обнаруженные явки в процессе следствия были вскрыты, а участники группы арестованы.

На основании вышеизложенного, считаю факты преступной деятельности со стороны обвиняемых Кожевникова Н.А., Шишкина П.И., Уханова А.В., Першакова А.П. и Ярославцева А.А., выразившиеся в систематическом ведении антисоветской агитации с целью подрыва авторитета Советской власти, хранении и распространении антисоветской литературы и участии в подпольной организации – вполне доказанными. Указанная преступная деятельность карается статьями 58-10, 58-11 УК РСФСР.

Постановил означенное дело по обвинению Кожевникова, Шишкина, Уханова, Першакова и Ярославцева, как лиц, являющихся социально опасными, передать ПП ОГПУ по Уралу для внесудебного разбора на Особое совещание при Коллегии ОГПУ. Начальник

секретного отдела Наговицын» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.36099, т.1, л.185-196).

Обвинение базировалось на показаниях десяти допрошенных по делу свидетелей. Арестованные в проведении троцкистской деятельности виновными себя не признали. Во время следствия они содержались под стражей в Нижнетагильском исправдоме. 6 апреля 1929 года из под стражи был освобождён Ярославцев. Следствие приняло во внимание его чистосердечное признание и заявление о том, что он вошёл в организацию по глупости, под влиянием Кожевникова и Шишкина. 17 мая 1929 года решением Особого совещания при Коллегии ОГПУ остальные обвиняемые были осуждены по статьям 58-10 и 58-11 ч.1 УК РСФСР сроком на три года и высланы в Среднюю Азию. После осуждения Кожевников, Шишкин, Уханов и Першаков официально заявили об отходе от троцкистской оппозиции. Учитывая это обстоятельство они были досрочно освобождены и вернулись из ссылки в Надеждинск летом 1929 года (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.36099, т.2, л.264). Мягкость приговора объясняется социальным положением обвиняемых. Никто из них на момент ареста не занимал сколько-нибудь значимых руководящих должностей и, в силу этого, не мог иметь большого влияния на рабочих.

Вернувшись в Надеждинск, Кожевников, Шишкин и Уханов возобновили свою оппозиционную деятельность. В январе 1930 года к ним присоединились рабочий Курицин Сергей Прокопьевич (1910 г.р., уроженец д.Гайдукова Казанской губернии, член ВЛКСМ с 1928 года, имел начальное образование, проживал в Старом посёлке, 5 линия, дом 36) и работник почтового отделения Шияев Аркадий Михайлович (1912 г.р., уроженец г.Надеждинска, член ВЛКСМ с 1927 года, имел начальное образование, проживал в Старом посёлке, 13 линия, дом 19) (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.36099, т.2, л.35, 99). Под видом «Кружка рабкоров» они собирались на квартире у Кожевникова, где обсуждали методы борьбы с существующим партийным руководством, проводили беседы, печатали и распространяли среди рабочих завода листовки, в которых критиковали генеральную линию партии в вопросах выполнения пятилетнего плана, социалистического строительства и коллективизации. В разговорах с рабочими Курицын говорил: «Исполняй пятилетку, когда совсем нечего жрать. Хоть издыхай на работе – а пятилетку выполняй. Вот на Дону и в Ростове раскулачили

кулаков, не разбирая кого раскулачили, больше попали бедняки. Это разве правильно? До того озлили крестьян, что случись война – разве они будут защищать коммунистов? Наоборот, на них повернут оружие. Это всё диктует Сталин. Разве Ленин такие издавал декреты?» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.36099, т.2, л.84).

В предверии 16-го съезда ВКП(б) участниками группы на заводе была распространена листовка следующего содержания:

«Пролетарии всех стран соединяйтесь!

Членам партии, членам комсомола, рабочим и работницам
Надежинского завода.

Товарищи! К моменту 16-го партийного съезда ВКП(б) рабочий класс России, и в частности Надеждинска, переживает громаднейшие материальные лишения. Наряду с номинальным снижением зарплаты происходит всё усиливающееся (в силу экономических условий) снижение реальной зарплаты. Рабочий голодует. Происходит медленное истощение организма рабочего. Рабочий класс встречает съезд в момент небывалой в истории нашей партии репрессии, когда за всякое честно сказанное слово гонят в ссылку, сажают в тюрьму, объявляют врагом трудящихся, дают волчий билет, гонят с завода, тем самым лишая рабочих куска хлеба.

Товарищи! Период, прошедший со времён 15-го съезда партии по 16-й – это эпоха не только достижений рабочего класса, но и эпоха авантюристических выкрутас и неумелого руководства ЦК экономикой нашей страны. Лозунг выполнения пятилетки в 4 года является лозунгом нерсальным и авантюристическим, ибо под ним нет технической базы, нет хлеба, нет экономической возможности и пятилетка, целиком и полностью, легла на мускулистую силу рабочего класса. При нынешнем руководстве всякая демократия, как внутри партии, так и рабочего класса, отсутствует. Рабочий зажат в тисках Сталина и его клики. Лозунг критики и самокритики – пустой звук, являющийся отдушиной, через которую выходит недовольство рабочего класса и массы членов партии. Нынешнее руководство ЦК партии привело к упадку сельского хозяйства, к снижению посевной площади и к ссоре середняка с партией. Слова Сталина и постановление ЦК о перегибах на местах есть наглейшая ложь. Проводимые темпы коллективизации были линией ЦК.

Товарищи! Мы за развёртывание промышленности, сельского хозяйства, за социалистическую экономику, за демократию, за повседневные требования рабочего класса, но мы не за такие

непосильные темпы, что даёт пятилетка. Мы против нынешнего руководства, сдающего Октябрьскую революцию. Мы за Ленина, за его руководство, за действительный ленинский ЦК, за Октябрь, за пролетарскую революцию, но требуем изменения курса партии.

Да здравствует Октябрь! Долой сталинское руководство, ревизионирующее Маркса-Ленина! Да здравствует ленинский ЦК!» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.36099, т.1, л.4). Листовку подписали Н.Кожевников и П.Шишкин.

Появление листовки послужило поводом для ареста оппозиционеров. 9 июля был арестован Уханов, 10 июля в два часа ночи на рабочем месте – Кожевников, 12 июля – Шишкин, 18 июля – Курицин, 21 июля – Шилиев. Арестованным предъявили обвинение по статье 58 п.10, 11 (изготовление и распространение контрреволюционной литературы в составе контрреволюционной группы). В ходе следствия Шишкин и Кожевников не отказывались от своих убеждений. При обыске в квартире Шишкина нашли ещё одну листовку, адресованную рабочим: «Товарищи рабочие! Из вас каждый знает, что нам жить трудно, но мы молчим. Почему мы молчим, коли сейчас существует самокритика? Ведь каждый рабочий может развивать самокритику. В данный момент мы из себя лезем вон из кожи, но нормы нет, нет прибыли. Ломаемся, строим пятилетку в четыре года, но её нам не построить, судя по работе цехов Надеждинского завода. Выполнить пятилетку можно лишь тогда, когда будет развито сельское хозяйство. Но надо помнить лозунг: «Хлеб даст энергию рабочему, рабочий своими мускулистыми руками делает машины, а машина даёт золото». Ещё нужно уметь руководить. С таким руководством, как на Надеждинском заводе, можно только разорять производство, коли они сами подделывают разные штуки. А людей через это пытаются посадить за решётку. Мы должны донести нашу критику власти до рабочих через местную газету. Однако, редакция «Пролетария» заметки рабкоров не хочет пропускать, поэтому мы обращаемся к вам через листовки» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.36099, т.2, л.5). На допросе Шишкин показал: «Найденную у меня при обыске листовку я признаю. Она написана мною, я её и напечатал на машинке для распространения в сортопрокатном цехе. Один экземпляр листовки я передал в горком ВКП(б) Ларькову П.К. незадолго до открывшегося партсъезда. Мною было сделано несколько черновиков, которые я несколько раз видоизменял. С Кожевниковым я дружил. Периодически мы с ним обменивались

мнениями на политические темы. Лично я разделял скорее политическую платформу правых, но не согласен с ними в смысле возврата к капитализму. Левых я расценивал также неправыми в своей политике, так как в конечном итоге их политика ведёт к разорению сельское хозяйство. С политикой ЦК ВКП(б) я также не согласен в вопросах раскулачивания и в сроках выполнения пятилетки, так как взятые темпы при материальной необеспеченности рабочих непосильны. В листовке изложены мои политические убеждения. У Кожевникова собирались Уханов, Шиляев, Курицин. Во время этих встреч мы говорили о Маяковском, Есенине и высказывали свои политические взгляды» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.36099, т.2, л.55-55об).

После ареста своих товарищей Шиляев подготовил ещё одну листовку, в которой писал: «Товарищи рабочие и работницы! Поднимая производительность труда, мы не видим того, что нам нужно. Мы остаёмся слепы. Над нами смеются и издеваются. В наших газетах много пишут про террор в капиталистических странах, но ни одна газета не пишет о терроре в Советском Союзе, в частности в Надеждинске, где ГПУ произвело многочисленные аресты, а сейчас выпытывает с тех рабочих то, что они не знают. Коммунист Касатухин в 1929 году при выступлении оказался правым оппортунистом, но наша власть на местах ему простила всё, сейчас ему дали место по подготовке во ВТУЗ. А сейчас, если же рабочий что скажет наперекор, то его безо всяких забирают и сажают. Вот и сейчас забрали ни за что шесть человек, если не больше. Нам, рабочим, сейчас не дают вздохнуть. Если в капиталистических странах работают 12 часов, то мы работаем по 24 часа в сутки. В домне и ряде других цехов бывает отработаешь смену, да потом ещё посылают работать. Сейчас мы должны заявить: «Долой красный террор! Мы не за это проливали свою кровь в боях! Посажённых рабочих надо освободить» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.36099, т.2, л.63).

Шишкин, Шиляев и Кожевников вёли себя как оппозиционеры, большевики-ленинцы, открыто выступающие за исправление ошибок партии. Они были убеждены в том, что сталинское руководство ведёт страну к экономическому разорению, а партию к политическому краху, что и пытались донести до сознания рабочих масс. На суде Кожевников говорил: «В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю. По существу его поясняю: мою квартиру посещали многие товарищи, как лично мне знакомые, так и знакомые моих

братьев, Сергея и Павла. Говорили о пятилетке. Я говорил о том, что первые её годы не предусматривают развития лёгкой промышленности, благодаря чему рынок абсолютно не имеет товаров, что грозит срывом тяжёлой индустрии. В этом вопросе я считал политику ЦК партии неправильной. Говорили о недостатках надеждинской профсоюзной и партийной организаций. Касаясь партийного руководства страны, я доказывал нецелесообразность исключения из ЦК Бухарина и Рыкова, как больших фигур и незаменимых работников. О Бухарине я отзывался как о великом экономисте». Шишкин и Шияев также в контрреволюционной деятельности виновными себя не признали, считая, что в партии должны присутствовать многообразие мнений и свобода критики.

21 июля за недостаточностью улик у следствия в отношении обвиняемых Уханова Александра Владимировича и Курицина Сергея Прокопьевича дело было прекращено и их освободили из-под стражи. Особое совещание при Коллегии ОГПУ 13 декабря 1930 года приговорило Шишкина Петра Ивановича к заключению в ИТЛ (Верхне-Уральский политизолятор) на 3 года, Шияева Аркадия Михайловича к высылке в Среднюю Азию сроком на 3 года, Кожевникова Николая Аркадьевича к заключению в ИТЛ сроком на 3 года.

После отбытия наказания решением Особого совещания при Коллегии ОГПУ 27 апреля 1933 года Кожевников был выслан в Западно-Сибирский край (город Бийск) на 3 года. За троцкистскую деятельность 2 апреля 1934 года заключён в ИТЛ сроком на 5 лет, наказание отбывал в Ташкенте и УхтПечлаге. 4 января 1938 года в период отбывания наказания осуждён Тройкой УНКВД по Архангельской области к высшей мере наказания за контрреволюционную деятельность. Приговор приведён в исполнение 30 марта 1938 года. Поводом к вынесению смертного приговора послужило письмо, направленное Кожевниковым отцу из мест заключения. В нём он писал: «Дорогой отец! Шлю крепкий привет. Получил твою записку от Бориса, ты пишешь, что русская оппозиция большевиков-ленинцев должна высказаться по вопросу о IV-м Коммунистическом Интернационале и признать необходимость его создания. Принципиально я не против IV-го Интернационала мирового коммунистического движения, но дело в том, что поднимать этот вопрос сегодня и внедрять его в сознание пролетарских масс СССР ещё рано. Для русского рабочего класса ещё требуется

некоторое время хронического давления кризиса, для того чтобы этот кризис (голод, террор, каторга труда, дифференциация внутри аппарата советской бюрократии) по настоящему мог разгорячить население и, в первую голову, рабочий класс. Если же мы выступим с IV-м Коммунистическим Интернационалом сегодня, когда рабочий класс ещё раздроблен, пассивен, у него нет единства действий для борьбы, то нас рабочий класс не поймёт. Он примет нас за секту политиканов, поэтому я считаю – выдвигать лозунг IV-го Коммунистического Интернационала несвоевременно. Кроме того, нельзя считать, что борьба за III-й Коммунистический Интернационал уже совсем кончилась. Борьба продолжается, но шансов на победу в III-ем Интернационале становится всё меньше и меньше, но они ещё не исчезли. Теперь о реформе. Ты считаешь, что сегодня дело идёт уже не о реформе, а о втором Октябрьском восстании, что наш путь теперь лежит не через мирное завоевание, а через разговор пулемётов. Я, отец, опять не отрицаю того, что нам не миновать гражданской войны, что сталинизм не уступит свой власти рабочему классу добровольно. Однако, наш основной курс всё-таки заключается в тактике реформы. Но говоря это, мы не выбрасываем за борт возможность гражданской войны. От имени русской оппозиции мы рекомендуем международным левым чаще созывать свои конференции, съезды, на них вырабатывать программу борьбы и ими же давить на сталинцев. Надо использовать всё, что ещё можно для мирного разрешения вопроса, а уже потом, когда и пролетарским массам будет ясно, что без баррикадных боёв не обойтись, тогда мы поднимем знамя прямой классовой борьбы вооружённого восстания за второй Октябрь. Вот пока и всё. Живу по старому, занимаюсь английским языком, читаю Ленина, Маркса. Написал статью по рабочему вопросу – «Как обманывали рабочий класс в первой пятилетке и обманывают во второй» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.36099, т.2, л.217).

Не оставили в покое и соратников Кожевникова. По истечению срока заключения в ИТЛ Шишкину П.И. постановлением Особого совещания при Коллегии ОГПУ 23 мая 1933 года продлили срок заключения ещё на два года, отправив в ссылку в город Минусинск. Спустя некоторое время его перевели в село Колпашево Томской области. В 1935 году Шишкин снова был арестован и отправлен в Беломорлаг. Находясь в заключении, 21 апреля 1937 года был осуждён выездной сессией Военной коллегии Верховного суда СССР

по статье 58 п.8, 11 УК РСФСР (террор и контрреволюционная деятельность) на 10 лет. Умер 18 сентября 1943 года в Ягринлаге (Архангельская область) (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.36099, т.2, л.255).

Шиляев А.М. отбывая ссылку в городе Самарканде, работал бухгалтером в артели «Волокночѣс» и занимался литературной деятельностью. Им были написаны работы «Сталинская бюрократия в тисках», «Левая оппозиция растѣт» и «Действительно ли фашизм победит?», за что был в 1933 году осуждѣн и выслан в Татарскую АССР. Дальнейшая его судьба не известна.

30 апреля 1931 года вновь был арестован С.П.Курицин, студент рабфака «Сталь». Следствие вел уполномоченный Надеждинского горрайотделения ПП ОГПУ по Уралу Агафонов. Сергей Прокопьевич обвинялся по статье 58 п.11 УК РСФСР за организацию троцкистской группы из студентов рабфака «Сталь» и рабочих завода. В обвинительном заключении, утверждѣнном начальником горрайотдела ОГПУ Макаровым говорилось: «В начале апреля 1931 года, воспользовавшись перебоем в снабжении хлебом рабочих и населения Надеждинска, Курицин сгруппировал вокруг себя своих единомышленников и совместно с ними создал контрреволюционную группу, всецело направленную к подрыву устоев пролетарского государства путѣм антисоветской агитации и пропаганды среди рабочих и студентов. Группа ставила своей целью обострить взаимоотношения рабочих с партией и правительством, вызвать среди рабочих массовое недовольство к проводимой партией и правительством политике по экономическому развитию и укреплению СССР». По версии следствия членами группы состояли студенты С.П.Курицин и Василий Иванович Федотов, рабочие металлургического завода Сергей Васильевич Камашев (19 лет, уроженец города Надеждинска, друг Кожевникова), Аркадий Иванович Шишкин (бывший член ВКП(б), исключѣн из партии за правый уклон, родной брат П.И.Шишкина) и Георгий Васильевич Тихонов (19 лет, уроженец города Надеждинска). Их деятельность рассматривалась следствием как продолжение деятельности ликвидированной ранее троцкистской группы, так как все обвиняемые имели тесные связи с троцкистами и проходили по следственному материалу. На суде обвиняемые свою вину не признали. Особым совещанием при Коллегии ОГПУ 12 ноября 1931 года Курицин и Камашев приговорѣны к высылке в Восточную Сибирь сроком на три года, Тихонов – в Нижегородский край на три года, Федотов – в

Северный край на три года, Шишкин – в Казахстан на три года (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.36643, л.89).

3 сентября 1936 года был арестован Ларьков П.К., также ранее проходивший по делу троцкистской организации в Надеждинске. Пётр Константинович родился 14 августа 1897 года, в посёлке Белохолуницкого завода Слободского уезда Вятской губернии. В 1905 году в связи с закрытием завода семья переехала в Надеждинск. Здесь он закончил начальное училище и поступил учеником в мартеновский цех. Работал помощником машиниста на электроразливочной тележке, позже – машинистом разливочного крана. Член ВКП(б) с 1917 года. В декабре 1917 года вступил добровольцем в красногвардейский отряд. Участвовал в подавлении восстания атамана Дутова, воевал на Туркестанском, Восточном и Южном фронтах. В 1919 году за взятие Оренбурга отмечен денежной премией в размере 1200 рублей. За время войны получил две сильных контузии. В 1921 году вернулся в Надеждинск и вновь поступил на работу в мартеновский цех. Из-за частичной потери зрения ушёл с завода и работал мастером-десятиником в строительной конторе (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.23119, т.2, л.28).

В 1921 году осуждён к двум годам лишения свободы по подозрению в причастности к ограблению хлебного магазина и исключён из партии. Срок отбывал в Турьинском исправительном доме. Через 8 месяцев был амнистирован. В партии восстановлен в 1929 году решением областной контрольной комиссии. Активно занимался общественной деятельностью. В 1925-1930 г.г. – корреспондент газеты «Уральский рабочий», в 1930-1931 г.г. – член редколлегии газеты «Пролетарий». В декабре 1928 года в газете «Комсомольская правда» Ларьков опубликовал статью «Расследуйте надеждинское дело» с критикой работы горкома партии. В 1929-1934 г.г. – начальник стройконторы горсовета. В 1933 году награждён премией за работу в гражданстрое в размере полуторамесячной зарплаты. 29 ноября 1934 года постановлением президиума горсовета освобождён от занимаемой должности. До ареста в сентябре 1936 года работал директором гостиницы (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.23119, т.1, л.114).

Следствие по делу Ларькова вёл сержант госбезопасности городского отдела НКВД Кулаков. В обвинительном заключении говорилось: «Ларьков – троцкист с 1928 года, входил в контрреволюционную троцкистскую организацию и принимал

активное участие в контрреволюционной деятельности. Являясь корреспондентом газеты «Уральский рабочий», доставил в город Надеждинск из Свердловска контрреволюционные троцкистские листовки в количестве 300 штук, которые были разбросаны в ночь на 19 ноября 1928 года по цехам металлургического завода. В последующие годы, оставаясь на старых троцкистских позициях, разделял террористические методы борьбы с советским правительством и вёл активную контрреволюционную агитацию. На основании изложенного выше, обвиняется в совершении преступления, предусмотренного статьёй 58, п.8,10,11 УК РСФСР. Подлежит рассмотрению Военной коллегией Верховного суда СССР с применением закона от 1 декабря 1934 года» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.23119, т.1, л.119-120). В предъявленном обвинении Ларьков виновным себя не признал. В закрытом судебном заседании в городе Свердловске 29 мая 1937 года рассмотрев дело Ларькова выездная сессия Военной коллегии Верховного суда СССР в составе председателя диввоенюриста Н.М.Рычкова, членов: бригавоенюристов Г.А.Алексеева, М.И.Добржанского при секретаре военюристе 1-го ранга А.А.Батнер приговорила Петра Константиновича к тюремному заключению сроком на 8 лет, с поражением в политических правах на 5 лет, с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества. Приговор окончательный и обжалованию в кассационном порядке не подлежит (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.23119, т.1, л.124-125).

Срок заключения Ларьков отбывал в Севвостлаге, работал на строительстве электростанции. Семья проживала в Верхотурье, куда он приехал после освобождения в августе 1946 года. В 1949 году переехал в город Молотов. 26 мая 1950 года УМГБ по Молотовской области был арестован повторно. Решением Особого совещания при МГБ СССР от 7 октября 1950 года Ларьков за принадлежность к антисоветской троцкистской организации сослан на поселение в Новосибирскую область. Проживал в деревне Новый Тарташ Венгеровского района (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.23119, т.1, л.131). Реабилитирован 2 ноября 1956 года.

По делу Ларькова проходил Вещев Сергей Васильевич, 1903 г.р., уроженец города Надеждинска, из рабочих, образование начальное. С 1928 года – служащий торговых организаций, депутат городского Совета. Работал заведующим складом Южно-Заозёрского приискового управления. Арестован НКВД 24 октября 1936 года за связь с троцкистом Ларьковым П.К. и хранение контрреволюционной

литературы. Обвинялся по статье 58 п.10 УК РСФСР (антисоветская пропаганда и агитация). Специальной судебной коллегией Свердловского областного суда 13 апреля 1937 года приговорён к пяти годам лишения свободы с поражением в правах сроком на три года. Вещев с приговором судебной коллегии не согласился и написал кассационную жалобу. При повторном рассмотрении дела в Военном трибунале Уральского военного округа 16 мая 1939 года Сергей Васильевич был оправдан за недоказанностью преступления и освобождён из-под стражи (НСА СИМ. Д.40, л.46).

В 1936 году УНКВД по Свердловской области было сфальсифицировано дело о троцкистско-зиновьевской контрреволюционной организации на Урале, к которой Надеждинским горотделом НКВД был причислен Казанцев Б.А., помощник главного инженера завода №76. Борис Александрович родился 6 августа 1902 года в Серебрянском заводе Верхотурского уезда Пермской губернии в семье рабочего. В годы Гражданской войны служил в Красной армии. Окончил Сибирский технологический институт в Томске, по специальности – инженер-механик. В Надеждинске с 1930 года. Член ВКП(б) с 1929 года, исключён из партии в 1936 году за связь с троцкистами и идеологическую неустойчивость. Арестован 9 декабря 1936 года. Казанцев обвинялся по ст.58 п.п.8,9,11 УК РСФСР. В обвинительном заключении говорилось: «Казанцев Б.А., будучи студентом Томского технологического института, в 1927 году вступил в контрреволюционную организацию. С 1927 по 1930 год участвовал в нелегальных троцкистских собраниях, обсуждавших контрреволюционную борьбу с партией. С 1935 года по день ареста входил в контрреволюционную троцкистскую группу, существовавшую на заводе №76. Казанцев совместно с другими участниками группы проводил подрывную вредительскую работу на заводе, в результате чего программа по военной продукции не выполнялась. Систематически выпускался большой процент брака. Станки и оборудование завода были доведены до аварийного состояния, а стахановское движение дезорганизовано. В первом квартале 1936 года производственный брак составил по снарядам 11383 штуки или 32%, что привело к убытку 753 тысячи рублей. В результате вредительской работы Казанцева и других завод №76 только за четыре месяца 1936 года имел убыток в сумме 1,5 млн рублей. Казанцев вместе с другими участниками контрреволюционной

троцкистской группы проводил в жизнь вредительский приказ Пятакова о снятии с производства снарядов №01044, вследствие чего изготовленные для Красной армии орудия оказались без снарядов» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.32276, л.47-48). На суде Казанцев виновным себя не признал. Большой процент бракованной продукции он объяснял низкой квалификацией рабочих и недостатком опытных кадров среднего звена. Военная Коллегия Верховного Суда СССР 22 марта 1937 года приговорила Казанцева Б.А. к высшей мере наказания с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества. Приговор приведён в исполнение 23 марта 1937 года. Реабилитирован 25 сентября 1963 года.

По делу Казанцева к группе троцкистов якобы действовавшей на заводе №76 следствие пыталось причислить:

Верецагина Степана Семёновича – работал представителем военного ведомства, исключённого из партии как троцкиста,

Хотулева Константина Петровича – бывшего директора завода, работавшего в Москве в Народном Комиссариате Обороны,

Друкера Романа Борисовича – бывшего начальника цеха №3, впоследствии начальника ОТК, в прошлом троцкиста,

Ростовского В.А. – инженера завода,

Шулятьева А.А. – начальника заводской лаборатории.

Из приведённого списка аресту подвергся только Друкер Р.Б. Однако, пробыв несколько месяцев под следствием, он был освобождён из-под стражи за недостаточностью улик.

Глава 3. «Надеждинское дело».

Первая пятилетка, наряду с успехами в промышленном строительстве, была ознаменована многочисленными случаями срыва планов, производственными авариями, поломками дорогостоящего оборудования, росту которых объективно способствовали неподготовленность кадров, форсирование темпов индустриализации. Вину за происходившие неудачи руководство страны зачастую перекладывало на всевозможных «вредителей», как правило буржуазных специалистов, по мнению власти не желавших строить социализм в СССР в силу своей контрреволюционности. Так, в мае-июле 1928 года состоялся показательный суд над вредителями в угольной промышленности – «Шахтинское дело», по его следам в

феврале 1929 года было сфабриковано «Надеждинское дело». Власть использовала первый громкий процесс для доказательства того, что в каждом регионе есть свои вредители из числа старых специалистов.

В результате следствия на Надеждинском комбинате синдиката «Уралмет» было «доказано», что в 1922-23 годах здесь сформировалась вредительская группа во главе с бывшим директором бароном Е.А.Таубе. В качестве примеров вредительства приводились затопление медных рудников, закрытие входивших в состав комбината Богословского и Сосьвинского заводов, дезорганизация геологической разведки, торможение рационализаторской работы на производстве. В обвинении говорилось, что группа ставила своей задачей дискредитировать возможность эксплуатации Надеждинского комбината силами и средствами государственного Богословского треста, входившего в синдикат «Уралмет».

В составе треста находились предприятия бывшего БГО: 1) Надеждинский сталерельсовый завод с рудниками, 2) Сосьвинский чугуноплавильный завод, 3) Богословский медеплавильный завод с Турьинскими рудниками, 4) Богословские медные месторождения, 5) Богословские буро-угольные копи. До 1917 года основными акционерами БГО кроме детей Половцовых были директор Азово-Донского банка Каминка, Р.Ф.Цейдлер – директор-распорядитель правления акционерного общества БГО, А.А.Постников – главноуправляющий БГО, Е.А.Таубе – директор Надеждинского завода, И.В.Поносов – заведующий доменным цехом, А.П.Чернецов – заведующий прокатным цехом, В.В.Воробьев – заведующий мартеновским цехом, В.Н.Савицкий – управляющий БГО, С.Я.Александров – заведующий газозлектрическим цехом, Янушкевич – заведующий огнеупорной фабрикой. Председателем акционерного общества был А.А.Половцов. На предприятиях БГО трудились инженеры: И.И.Субботин, В.Н.Волков – директор Богословского медеплавильного завода, М.А.Черкасов – директор Сосьвинского завода, Ю.А.Будилович, В.В.Кисельников – директор горных предприятий БГО, М.М.Романов – заведующий снарядами мастерскими (ГААОСО. Ф.1, оп.2, д.43941, т.8. л.2). Многие из них, вернувшись из эвакуации после гражданской войны, продолжали работать на предприятиях треста в 20-е годы.

Из 16-ти специалистов, проходивших по Надеждинскому делу, суду было предано 9 человек: Таубе Евгений Александрович, Поносов Илья Васильевич, Воробьев Василий Васильевич, Субботин Иван

Иванович, Романов Михаил Михайлович, Соколов Николай Владимирович, Яргин Александр Павлович, Мурзин Анатолий Михайлович, Поляков Лев Николаевич.

Таубе Евгений Александрович родился в 1872 году в городе Витебске в семье потомственного дворянина барона А.Таубе, инженер-металлург. Окончил Александровский кадетский корпус (1890 год) и Горный институт в Петербурге (1895). С 1895 по 1897 год работал инженером на Видлицком чугунолитейном заводе в Олонецкой губернии, 1897-1907 – начальник доменного отдела Донецко-Юрьевского металлургического общества, 1907-1917 – директор Надеждинского сталерельсового завода, после Февральской революции – занимал ответственный пост в Комаровском обществе в Петрограде, 1918-1919 – инженер научно-технического управления Высшего Совета Народного Хозяйства, 1919-1923 – заместитель начальника технического отдела Главного угольного комитета (Главуголь), 1923-1929 – член правления синдиката «Уралмет» и консультант Госплана. С 1922 года – представитель Богословского треста в Москве. Проживал по адресу: ул. Большая Молчановка, д.32, кв.2. (ГААОСО. Ф.1, оп.2, д.43941, т.8, л.15об).

До 1917 года Евгений Александрович владел денежными вкладами, акциями БГО и другими ценными бумагами в Азово-Донском банке на общую сумму 300 тыс. рублей, вместе с двумя братьями был совладельцем имения Речица около Брест-Литовска, разрушенного во время Первой мировой войны, а вместе с сестрой С.А.Гравис владел дачей в селении Бровск Лужского уезда.

8 мая 1929 года Таубе был арестован и взят под стражу. 3 июня начальник Первого отдела экспертно-криминалистического управления ОГПУ Фельдман предъявил ему обвинение в государственных преступлениях, предусмотренных статьями 58-7 и 58-11 УК РСФСР. В постановлении следствия говорилось: «Будучи приверженцем монархического строя, что вытекает из его воспитания, а также понеся из-за революции крупные материальные потери, Таубе в 1922-1923 годах в контрреволюционных целях создал на предприятиях БГО контрреволюционную группу из бывших акционеров и крупных служащих общества, по преимуществу инженеров, как-то: Субботина И.И., Воробьева В.В., Шадрина Н.В., Поносова И.В., Мурзина А.М. и других. Указанные лица по прямому предложению Таубе при посредничестве инженера Субботина заняли ряд административных должностей на предприятиях Надеждинского

комбината, а впоследствии и «Уралмета». Сам же Таубе занял пост сначала представителя комбината, а затем консультанта «Уралмета» в Москве, одновременно состоя научным сотрудником промсекции Госплана. Поддерживая сношения со своими бывшими совладельцами гражданин Таубе в общих с ними целях через организованную контрреволюционную группу на предприятиях проводил вредительские акты, приведшие к сокрытию недр от эксплуатации, нарушению правильного функционирования цехов, разрушению группы Богословских предприятий, к повышению себестоимости продукции, к заведомо неправильному капитальному переоборудованию и т.д. Эти действия должны были привести Надеждинский завод и Богословские предприятия к сдаче в концессию, где Таубе и его соучастники получили бы большие должности. В 1926 году Таубе Е.А., будучи в металлокомиссии промсекции Госплана, исключительно в контрреволюционных целях провёл окончательную ликвидацию ряда предприятий Богословского общества, находившихся на консервации и имевших всё необходимое для своей дальнейшей эксплуатации. Имея намерения оказать активную помощь внешним врагам Советского Союза Таубе Е.А. одновременно входил в контрреволюционную организацию инженеров Госплана, поставившей своею задачей вредительство в планировании промышленности с конечной целью полного расстройства народного хозяйства и подрыва обороноспособности Республики». (ГААОСО. Ф.1, оп.2, д.43941, т.8, л.67)

По существу предъявленного обвинения Таубе дал следующие показания: «Решение о ликвидации ряда предприятий бывшего БГО было принято Главметаллом ВСНХ СССР по представлению Уральского отделения Совета народного хозяйства. Мотивы ликвидации были следующие: 1)Группа Турьинских медных рудников ликвидировалась по причине почти полной выработки в них руды. 2)Богословский медный завод - в связи с отсутствием у него рудной базы, которой являлись Турьинские рудники и отсутствием электролитного завода, уничтоженного пожаром. 3)Сосьвинский завод ещё в 1918 году был остановлен из-за отсутствия сырья и ввиду большей целесообразности применения древесных углей Сосьвинского завода на Надеждинском заводе, что стало возможно с момента приведения в порядок строившейся в 1916-1917 годах железной дороги Сосьва – Надеждинский завод. Таким образом, принятое решение Главметаллом о ликвидации некоторых

предприятий бывшего БГО я считаю вполне целесообразным и правильным» (ГААОСО. Ф.1, оп.2, д.43941, т.8, л.51)

Что касается Сосьвинского завода, то история его ликвидации такова. В 1918 году Северный Урал переживал продовольственный, транспортный и денежный кризис. Богословский Горный Округ находился в очень тяжёлом положении. Практически не было фуража, имелись большие долги рабочим, служащим, учреждениям и торговым компаниям. В сложившихся условиях доменный и мартеновский цеха прекратили работу из-за недостатка руды, рабочих этих цехов перевели в Надеждинск. После закрытия основных цехов прекратил свою деятельность и прокатный цех. Решением администрации БГО прокатчиков отправили на строительство Сосьвинской железной дороги. Работу продолжали только два цеха: механический и строительный. 15 ноября 1919 года на совещании администрации управления округом с председателем Уральского бюро ЦК металлистов Розенталем было принято решение подтвердить правильность принятого ранее постановления о закрытии основных производств Сосьвинского завода. В заседании участвовали члены администрации округа Петров, Калмыков, Семёнов, Кожевников, Андреев, Золотин, Шевченко (АОАСГО. Ф.Р-20, оп.6, д.77, л.135). В апреле 1920 года в обмен на кокс, уголь и продовольствие, необходимые округу, администрация БГО передала оборудование Сосьвинского завода в распоряжение правления Объединённых копей Сибири. Постановление подписал председатель управления БГО Н.Ф.Преображенский. Для нужд Кузнецкого бассейна были переданы: паровая машина с паропроводами, четыре паровых котла, прокатные станы с запасными частями, механические пилы и ножницы, чугунный пол, арматура печей с дымной трубой и вентиляторами, валкотокарные станки. Все работы по разборке и погрузке механизмов осуществлялись представителями Объединённых копей Сибири (АОАСГО. Ф.Р-20, оп.6, д.153, л.28). Углевыхигательные печи перешли в собственность Верхотурского райлескома. С апреля 1923 года Сосьвинский завод работал как вспомогательный цех Надеждинского завода по производству гаек и ремонту местного оборудования. По постановлению Уральского отделения Совета Народного Хозяйства от 1925 года и согласно протокола заседания управления Надеждинского комбината от 7 января 1925 года Сосьвинский завод, как утративший промышленное значение, был закрыт. В заседании принимали участие директор Надеждинского

комбината Зеленцов, его заместитель Туманов, технический директор (главный инженер Вавилов), главный бухгалтер комбината Другов, начальник коммерческого отдела Алексеев, заведующий Сосьвинским заводом Скобцев (АОАСГО. Ф.Р-20, оп.6, д.633, л.2).

Кроме того, в течение 1924-1925 годов по решению Уральского Совнархоза были закрыты, как утратившие промышленное значение, Богословский медеплавильный завод, медные рудники – Фроловский, Васильевский, Богословский, Никитинский. В первую очередь разбирались оборудование и строения, которые могли быть использованы в целом виде на действующих предприятиях или в виде лома, как полупродукт в переплавку, а также ветхие строения, угрожающие разрушением. По причине недостатка в чугунном и железном ломе такое решение в производственно-техническом отношении в то время являлось вполне целесообразным, почему его и поддержали в ВСНХ СССР.

Что касается обвинения Таубе в намерении принять участие в концессии, то эти действия не противоречили существовавшему в то время законодательству СССР. Более того, при участии советского правительства с представителями шведской фирмы обсуждался вопрос о выделении группы промышленных предприятий бывшего БГО в концессию. От шведской фирмы переговоры вели Гарриман и бывший директор Богословского акционерного общества Р.Ф.Цейдлер, проживавший после 1917 года в Финляндии. Планировалась следующая схема управления концессией: за границей располагалось управление компанией во главе с Гарриманом и Цейдлером, в Москве находился директорат во главе с бароном Таубе, а непосредственно в Надеждинске работал управляющий, на эту должность предполагалось назначить инженера Субботина (бывшего в то время главным инженером Надеждинского завода). На должности начальников цехов предлагались следующие кандидаты: доменный – Поносов, горный – Блажевич, Мурзин или Поляков, мартеновский – Воробьёв, прокатный – Шадрин, механический – Романов, электрический – Пантелеев, лесной – Потоцкий или Куделенский, техническое бюро – Соколов. В 1923 году концессия правительством была отклонена по причине жёстких требований, предъявляемых Цейдлером, вплоть до создания собственной вооружённой охраны, которая бы находилась в распоряжении концессионеров, на что советское правительство пойти не могло. Кроме того возникли опасения, что руководство концессией перейдёт в руки бывших

акционеров БГО и позволит им вернуть ранее утраченные капиталы. Впоследствии этот фактор будет использован следствием в качестве одного из основных мотивов обвинения Таубе в контрреволюционной деятельности.

Первым из группы обвиняемых арестовали начальника доменного цеха Илью Васильевича Поносова. В 1928 году резко упала производительность доменного цеха. В работе находилось пять печей, но плана они не выполняли, выплавка чугуна держалась на уровне 500 тонн в сутки вместо 600 по плану. «Кто только у нас тогда не перебивал, - вспоминал позже доменщик Мухаркин. – Все местные организации, вплоть до горотдела ГПУ и редакции городской газеты «Пролетарий» сутками дежурили в цехе. Организовывали всевозможные шефства. Но ничто не помогало. Доменный продолжал топтаться на месте, даже ухудшил работу...Ковшовое хозяйство и подъёмные средства не могли обеспечить выплавки больше чем 500 тонн чугуна в сутки. Два маломощных вертикальных подъёмника не справлялись с подачей руды и флюсов. Два маленьких паровозика-«кукушки», выпуска 1870 года, два чугуновозных и восемь шлаковозных ковшей ёмкостью по два с половиной куба – вот весь транспорт, которым располагал цех. Устаревшее оборудование не позволяло выполнять план. Этого никто не хотел понять, а всякий требовал форсированного хода домен. Сказать что-либо против было нельзя – немедленно пришивался ярлык оппортуниста».

Не лучше обстояли дела в огнеупорном, мартеновском и других цехах. Положением дел на заводе заинтересовалось Тагильское окружное ОГПУ. 8 февраля 1929 года после ареста И.В.Поносова началось следствие по «Надеждинскому делу», в ходе которого были арестованы: 12 февраля - горный техник Поляков Л.Н., 17 марта – инженеры Яргин А.П., Мурзин А.М., 7 мая – Романов М.М., 11 июля – Субботин И.И., Соколов Н.В. (находился под подпиской о невыезде), Воробьёв В.В. Всем арестованным предъявлялось обвинение в контрреволюционной деятельности по статье 58-7 УК РСФСР. Следствие вели помощник начальника Тагильского окружного отдела ОГПУ Покальнетов, старший уполномоченный экспертно-криминалистического управления ОГПУ Гуров, уполномоченные 1-го отдела ЭКУ ОГПУ Тарнуев и Колесников, уполномоченный экспертно-криминалистического отдела Тагильского окружного отдела ОГПУ Спиридонов (ГААОСО. Ф.1, оп.2, д.43941, т.1, л.4).

Поносов Илья Васильевич родился в 1868 году в Александровском заводе Пермской губернии в семье мастеровых. С 16-ти лет работал чертёжником на Александровском, Невьянском и Суксунском заводах. С 1894 года на строительстве доменных печей Надеждинского завода, после их пуска – смотритель цеха. В 1905-1916 годах заведующий доменным производством. В 1907 году после убийства Прахова до приезда барона Таубе несколько месяцев исполнял обязанности директора Надеждинского сталерельсового завода. С 1916 года – заведующий хозяйственным отделом БГО. Владел акциями Богословского общества на сумму 20 тыс. рублей, имел в частной собственности дом в Перми. Член партии кадетов. Был церковным старостой Спасо-Преображенского собора. Эвакуировался с белыми в Томск. В 1920 году вернулся в Пермь, работал заведующим доменным отделом Пермского металлургического треста. В 1923 году по приглашению председателя Богословского треста М.К.Ошвинцева Илья Васильевич снова приехал в Надеждинск на должность начальника доменного цеха. Проживал по адресу: ул. Загородка, д.18, кв.2.

Воробьёв Василий Васильевич родился в 1874 году в Покровской слободе Самарской губернии в семье мещанина. В 1894 году окончил Саратовскую мужскую гимназию, в 1899 году – физико-математический факультет Петербургского университета, а в 1904 году – Горный институт. Инженер-металлург, специалист в области мартеновского дела. С 1904 по 1907 год работал заведующим мартеновским цехом Кулебакского завода в Нижегородской губернии и Сулинского завода на Дону. С января 1908 года по апрель 1917 года заведовал мартеновским цехом Надеждинского завода. Входил в число акционеров БГО. Имел дом в Екатеринбурге. Состоял членом кадетской партии. Как опытный специалист был приглашён на службу в Кузнецкое каменноугольное и металлургическое общество («Капикуз») на строительство Кузнецкого металлургического завода. С 1922 по 1926 год – на Надеждинском заводе в должности заведующего мартеновским цехом. В 1926 году перешёл в Уралтипромет, где участвовал в проектировании Магнитогорского металлургического завода. Проживал в Свердловске по адресу: ул. Белинского, д. 10, кв.11.

Субботин Иван Иванович родился в 1878 году в деревне Зелень Кимрского уезда Тверской губернии. Окончил Политехнический институт в Петербурге, инженер-металлург. Депутат 1-й

Государственной думы. В 1915 году работал на Путиловском заводе в Петербурге ассистентом профессора Беляева, приглашён правлением БГО в Надеждинск как специалист по броневой стали на должность заведующего закалочными мастерскими снарядного производства. С 7 марта 1917 года заместитель председателя Надеждинского Комитета общественной безопасности, с 29 марта – его председатель. Лидер местных кадетов. С октября 1918 года – заведующий мартеновским цехом. Эвакуировался с белыми в Томск. В апреле 1920 года вернулся в Надеждинск, занимал должность технического руководителя (главного инженера) завода. Способствовал возвращению на завод старых специалистов, опираясь на которых удалось восстановить предприятие. В марте 1924 года Субботин переехал в Москву на завод «Серп и молот».

Романов Михаил Михайлович родился в 1860 году в Тамбовской губернии в семье зажиточного крестьянина. Инженер-механик. С 1910 года заведующий снарядными мастерскими Надеждинского завода. Состоял в рядах кадетской партии. После Февральской революции покинул Надеждинск. В 1922 году по приглашению администрации Богословского треста Романов вернулся обратно, занимал должность главного механика завода. С января 1925 по 1928 год работал в Москве заведующим штамповочным отделением на заводе «Серп и молот», главным механиком на восстановлении Константиновского завода в Донбассе и на Одесском металлургическом заводе, после чего был заместителем начальника механического цеха завода «Андре-Марти» в Николаеве. В годы НЭПа владел банями и домом в городе Николаеве. В ноябре 1927 года арестован Одесским ОГПУ по обвинению в бесхозяйственности, пять месяцев содержался под стражей, после чего был освобождён. В ноябре 1928 года опять вернулся в Надеждинск, работал заведующим кузнечно-механическим цехом. Проживал по адресу: ул. Загородка, д. 15, кв. 2.

Соколов Николай Владимирович родился в 1885 году в Новгороде в семье учителя. Инженер-металлург. С 1910 по июль 1919 работал заведующим техническим бюро Надеждинского завода. Член кадетской партии. Эвакуировался с белыми в Томск. Работал инженером в «Капикуз». После падения власти Колчака «Капикуз» преобразован в «Сибуголь». В 1922 году вернулся в Надеждинск на прежнюю должность. С 1925 года в Уралгипроме. Участвовал в проектировании Магнитогорского металлургического завода. Проживал в Свердловске.

Яргин Александр Павлович родился в 1891 году, в семье дворянина. Горный инженер. Зять Таубе. Во время учёбы проходил стажировку в мартеновском цехе Надеждинского завода. С 1926 года заведующий мартеновским цехом.

Мурзин Анатолий Михайлович родился в 1878 году. До 1917 года техник горных предприятий, управляющий каменноугольными копиями БГО. Эвакуировался с белыми в Томск. Был уполномоченным правительства Колчака на каменноугольных коях в Сибири, работал горным техником в «Капикуз». В 1923 году вернулся в Надеждинск и был назначен на должность технического директора горных предприятий Надеждинского комбината.

Поляков Лев Николаевич родился в 1875 году в Турьинских рудниках. Окончил Турьинское горное училище. До 1917 года заведующий Ауэрбаховским рудником. Эвакуировался с белыми. В 1921 году вернулся в Надеждинск. Был принят на работу в Богословский трест заведующим техническим отделом горных предприятий Надеждинского комбината. Проживал по адресу: Турьинские рудники, ул.Максимовская. в своём доме.

В ходе дознания следствием выдвигались самые нелепые обвинения во вредительстве и контрреволюционной деятельности. Так, например, утверждалось, что сразу же после Октябрьской революции владельцами БГО, в частности Цейдлером, были даны директивы о затоплении рудников и выводе из строя заводов. На основании этих директив были подожжены снарядный цех, агломерационная обогатительная фабрика, угольные склады, остановлены на так называемую «сухую» консервацию Турьинские медные рудники и Богословский медеплавильный завод.

После разгрома Колчака и национализации предприятий, ранее принадлежавших БГО, с развёртыванием НЭПа и концессионной политики, бывший акционер и директор Надеждинского завода барон Таубе создаёт в 1923 году подпольную контрреволюционную организацию из бывших акционеров и служащих БГО Воробьёва, Соколова, Шадрина, Романова, Яргина, Поносова и других, главной целью которой было дезорганизовать производство на Надеждинском комбинате и доказать новой власти невыгодность восстановления и эксплуатации предприятий, ранее принадлежавших БГО, сохранение недр и подготовка предприятий для сдачи на восстановление бывшим хозяевам БГО.

По заданиям бывших акционеров Воробьёва и Шадрина в 1920-1921 годах были разрушены прокатные цеха Сосьвинского завода, а в 1925 году производство на заводе окончательно остановлено. До своей ликвидации Сосьвинский завод выпускал от 1 млн до 1 млн 200 тыс пудов чугуна, себестоимость которого была меньше, чем на Надеждинском заводе.

В 1924 году, когда Советским правительством был поставлен вопрос об использовании производственных возможностей законсервированных предприятий, рабочими рудников и медеплавильного завода по собственной инициативе возбуждается вопрос о восстановлении медного дела в бывшем БГО. В ответ на это дезорганизаторы форсируют свою деятельность. Разрушаются до основания все сооружения и здания на медных рудниках, металлические части отправляются в мартеновский цех как лом. У паровых и электрических установок первоначально разбираются здания, взрываются динамитом вытяжные трубы и все установки остаются под открытым небом. Оборудование быстро приходит в негодность, а в 1927-1928 годах паровые котлы в количестве 15 штук отправляются в Надеждинский завод как лом.

Перед Уральским совнархозом доказывается выработанность медных рудников. В 1925 году начинается разрушение медеплавильного завода, который ещё накануне Первой мировой войны был хозяевами капитально переоборудован по последнему слову техники, после чего выплавка меди достигла 300 тыс пудов в год при себестоимости гораздо ниже, чем на других предприятиях. Период 1925-1928 годов характеризуется интенсивным и последовательным разрушением медеплавильного завода, находившегося до этого в хорошем рабочем состоянии, и рудников. Сейчас на их месте остались одни развалины.

Помимо этого, одной из основных задач организации являлось сокрытие от Советской власти имеющихся в пределах бывшего БГО месторождений полезных ископаемых: железных и медных руд, каменного угля, золота, платины. В результате дезорганизаторской деятельности были законсервированы Турьинские медные рудники, Покровское, Троицкое и Самское месторождения железных руд. Работу доменного цеха Надеждинского комбината Поносов запроектировал на 50% на привозной руде. Руда, из месторождений, принадлежащих комбинату, не использовалась. Яргин производил постройку металлургических печей из кирпича плохого качества.

Воробьёв и Яргин сознательно держали работу мартеновских печей на «голодном» газовом пайке, что замедляло мартеновский процесс и понижало производительность мартеновских печей (ГААОСО. Ф.1, оп.2, д.43941, т.1, л.203-204).

Как уже было сказано выше, вопросы о закрытии предприятий и рудников принимались советскими хозяйственными организациями исходя из экономической целесообразности. Однако следствием эти факты во внимание не принимались. Таким образом, процесс носил сугубо политический характер в угоду развернувшейся в стране кампании по дискредитации буржуазных специалистов, «виновных» по мнению власти в срыве планов первой пятилетки.

В обвинительном заключении от 19 июля 1929 года говорилось: «Таубе, Воробьёв, Соколов, Субботин, Романов, Поносов, Яргин, Мурзин, Поляков будучи убеждёнными противниками Советской власти входили в состав вредительской контрреволюционной группы в Надеждинском комбинате, созданной бывшим акционером бароном Таубе в целях борьбы с социалистической системой ведения хозяйства. Персонально эти лица совершили следующие контрреволюционные действия:

Таубе Е.Н. – будучи приверженцем монархического строя, понеся из-за революции крупные материальные потери, в 1922-1923 годах создал контрреволюционную группу, которая под руководством Таубе разрушила рентабельные заводы Богословского общества. Совершил действия, предусмотренные статьями 58-7 и 58-11 УК РСФСР. Виновным себя признал.

Воробьёв В.В. – вёл систематическую пропаганду среди отдельных инженеров в целях внесения дезорганизации в производство. Путём ряда неправильных технических решений и заведомо вредительских указаний внёс разложение в производство мартеновского цеха. Совершил действия, предусмотренные статьями 58-7 и 58-11 УК РСФСР. Виновным себя признал частично.

Соколов Н.В. – по заданию одного из участников контрреволюционной группы Романова дал заведомо ложное техническое заключение о состоянии медеплавильного и чугуноплавильного заводов, что послужило основой ликвидации предприятий. Совершил действия, предусмотренные статьями 58-7 и 58-11 УК РСФСР. Виновным себя признал.

Субботин И.И. – благодаря своему антисоветскому настроению содействовал организации контрреволюционной группы в

Надеждинском комбинате, куда вошёл и сам. По директиве Таубе сохранял богатейшие залежи ископаемых Ауэрбаховского и Покровского рудников. Уходя с завода в 1923 году, видя ряд вредительских актов не сообщил в соответствующие инстанции. Совершил действия, предусмотренные статьёй 58-7 УК РСФСР. Виновным себя признал.

Романов М.М. – за время работы в Надеждинском заводе усиленно вёл пропаганду среди технического персонала завода по подготовке его к восприятию вредительских идей, вовлекая в круг контрреволюционной организации. Давал вредительские директивы другим членам контрреволюционной группы. Так, по директиве Романова в 1924-1925 годах были ликвидированы заведомо жизнеспособные предприятия: Богословский медеплавильный и Сосьвинский чугуноплавильный заводы, имевшие перспективу в работе и промышленное значение. Совершил действия, предусмотренные статьями 58-7 и 58-13 УК РСФСР. Виновным себя не признал.

Поносов И.В. – в целях сохранения недр бывшего БГО, как заведующий доменным цехом, искусственно ограничивал приёмку руды местных рудников, переводя работу доменного цеха более чем на 50% на привозных рудах. В этих целях давал вредительские директивы заведующему горным отделом Полякову и Мурзину о сохранении руд местных рудников и консервации известных рудных месторождений. Зная от геолога округа Стратановича о богатейших залежах полезных ископаемых на восточном склоне Северного Урала, скрыл эту информацию от Советской власти. Совершил действия, предусмотренные статьями 58-7 и 58-11 УК РСФСР. Виновным себя признал.

Яргин А.П. – в контрреволюционных целях вёл разлагающую работу в мартеновском цехе, производя технически неверно ремонт печей. В целях увеличения брака выпускаемой продукции по директиве Воробьёва делал шире нормального предела газовые пролёты. Производил перегрев металла в печах. Ослаблял трудовую дисциплину среди технического персонала и рабочих предприятия. Совершил действия, предусмотренные статьёй 58-7 УК РСФСР. Виновным себя признал.

Мурзин А.М. – по директивам бывшего акционера БГО Поносова не производил в нужных размерах разработку рудников. Совершил

действия, предусмотренные статьями 58-7 и 58-13 УК РСФСР. Виновным себя признал частично.

Поляков Л.Н. – будучи противником Советской власти и социалистической системы ведения хозяйства, по директивам бывшего акционера БГО Поносова производил вредительскую работу в горных предприятиях Надеждинского комбината. До осени 1928 года умышленно законсервировал, не пуская в работу, Троицкий рудник. В 1926 году законсервировал Покровский рудник, а в 1928 году – Самский, чем закрыл путь к дальнейшему развитию промышленности на Северном Урале. Всё это делал с определённой целью – сохранить недра для бывших владельцев БГО. Совершил действия, предусмотренные статьёй 58-7 УК РСФСР. Виновным себя не признал».

Не смотря на то, что предъявляемые обвинения были во многом надуманными, подследственные, признавая себя виновными, надеялись смягчить свою участь. Коллегия ОГПУ, рассмотрев обвинительное заключение Тагильского окружного отдела ОГПУ, 30 июля 1929 года вынесла постановление заключить осуждённых в концентрационный лагерь: Таубе Е.А. сроком на 10 лет, Романова М.М., Поносова И.В., Мурзина А.М. – на 8 лет, Воробьёва В.В., Соколова Н.В., Яргина А.П., Полякова Л.Н., Субботина И.И. – на 5 лет. В отношении Субботина приговор был условным, учитывая ценность его работы на заводе «Серп и молот» (ГААОСО. Ф.1, оп.2, д.43941, т.8, л.218-220). Впоследствии, с 1931 года, Субботин по приглашению наркома Тевосяна работал главным инженером во Всесоюзном объединении заводов качественных сталей и ферросплавов «Спецсталь», а с 1936 года – в Главном управлении броневой промышленности.

Романов, Поносов, Мурзин, Воробьёв, Соколов, Яргин, Поляков отбывали срок в Карелии в городе Кемь. В январе 1933 года Поляков по распоряжению главного управления лагерей был переведён в Башкирию (Башлаг) для использования по специальности (ГААОСО. Ф.1, оп.2, д.43941, т.8, л.253). Где отбывал свой срок заключения Таубе и как сложилась судьба этих людей в дальнейшем на сегодняшний день пока неизвестно.

Глава 4. Дело о «вредителях» на Богословско-Сосьвинской железной дороге.

Отголоском «Надеждинского дела» стало сфабрикованное в мае 1931 года органами ОГПУ дело о вредительской организации на Богословско-Сосьвинской железной дороге (БСЖД). Следствие вёл следователь ОГПУ Норицин. К этому времени техническое состояние дороги было крайне неудовлетворительным, что приводило к многочисленным авариям, простоям и срывам графиков перевозок.

Причину участвовавших аварий следственные органы видели не в технической отсталости дороги, а в контрреволюционной деятельности группы вредителей из числа старых специалистов. По версии следствия данная организация развернула свою работу с 1925 года и являлась ответвлением раскрытой в 1929 году контрреволюционной вредительской организации инженеров и техников на Надеждинском заводе. Организация охватывала своей деятельностью все важнейшие отделы железной дороги. Действия её сводились к развалу хозяйства БСЖД и приведению железной дороги в неработоспособное состояние с целью срыва производственной программы и реконструкции Надеждинского завода, как имеющего важное значение для народного хозяйства страны. По делу о вредителях на БСЖД органами ОГПУ были арестованы:

Двинянинов Алексей Сергеевич – технический руководитель БСЖД. Родился в 1879 году в Вятской губернии. Из крестьян. Инженер, окончил Томский технологический институт. До 1917 года работал заведующим газово-бензольным заводом в Казани. Эвакуировался в Сибирь с белыми. В 1922-1929 г.г. – управляющий БСЖД.

Писарев Владимир Николаевич – начальник службы пути БСЖД. Родился в 1872 году в Казани. Из мещан. По образованию – техник. До 1917 года – начальник участка пути частой Кольчугинской дороги.

Ивановский Александр Аркадьевич – инженер для поручений при начальнике БСЖД. Родился в 1885 году в Нижнем Тагиле. Из мещан. По образованию – техник. До 1917 года – начальник заводского депо Надеждинского завода. Эвакуировался с белыми.

Цехановский Павел Иванович – начальник отдела тяги БСЖД с 1929 года. Родился в 1898 году в селе Шаргородское Подольской губернии. Из рабочих. Окончил техническое железнодорожное

училище. В годы Гражданской войны служил у белых машинистом бронепоезда. Эвакуировался в Сибирь.

Асташев Борис Иванович – техник отдела тяги. Родился в 1889 году в Вологде. Из мещан, отец владел сапожной мастерской. До 1917 года – поездной машинист на БСЖД.

Бржезинский Иосиф Филиппович – начальник вагонного парка БСЖД. Родился в 1884 году на станции Молодечино Либаво-Роменской железной дороги Минской губернии. Из дворян. Окончил двухклассное училище. До 1917 года – старший распределитель вагонов Полесских железных дорог. Состоял в кадетской партии. В 1927 году по постановлению Особой комиссии при Народном комиссариате путей сообщения выслан как политически неблагонадёжный из пограничной полосы. С этого времени проживал в Надеждинске.

Сенников Павел Львович – начальник службы пути БСЖД с 1930 года. Родился в 1888 году в Богословском заводе пермской губернии. Из рабочих. Окончил Турьинское горное училище. В 1905-1908 г.г. – ученик слесаря, 1908-1909 – десятник строительных работ, 1909-1912 – дорожный мастер, 1912-1914 – старший дорожный мастер. В 1914 году мобилизован в армию, окончил офицерские курсы. Командир роты, штабс-капитан, участник Первой мировой войны. В феврале 1918 года демобилизован, вернулся в Богословск. В ноябре 1918 года мобилизован в Белую армию сроком на шесть месяцев, служил командиром роты в 16-м Ишимском Сибирском стрелковом полку. В 1919-1921 г.г. служил в Красной армии, командир полка 1-й Красноуральской дивизии, демобилизован по болезни. В 1921-1923 г.г. – делопроизводитель в исполкоме Богословского завода, 1923-1925 – дорожный техник Богословских копей. С 1925 года работал техником на БСЖД. Проживал в Надеждинске по адресу: Новый посёлок, 2-я линия, дом №14 (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.41456, т.2, л.316).

Буткеев Николай Васильевич – начальник транспортного цеха Нижнетагильского металлургического завода. Родился в 1882 году в городе Красный Смоленской губернии. Из мещан. По образованию – техник. До 1917 года работал ревизором участка тяги Пермской железной дороги. Эвакуировался с белыми. В 1925-1929 г.г. – начальник участка тяги БСЖД.

Прошин Михаил Евграфович – помощник начальника отдела эксплуатации БСЖД. Родился в 1888 году в селе Боровое Рязанской

губернии. Из крестьян. Окончил 4 класса реального училища. До 1917 года – помощник начальника станции Москва-Товарная Александровской железной дороги. В 1922-1930 г.г. – помощник начальника отдела эксплуатации БСЖД (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.41456, т.2, л.117, 181, 199).

Обвиняемым были предъявлены многочисленные факты их контрреволюционной и вредительской деятельности. Двинянинов обвинялся в том, что являясь непримиримым врагом Советской власти, образовал в 1925 году контрреволюционную вредительскую организацию на БСЖД, поставив себе целью способствовать скорейшему свержению Советской власти, путём развала хозяйства и дезорганизации работы железной дороги по всем отделам и срыва производственной программы Надеждинского металлургического завода. Он вербовал членов в образованную им организацию и давал им указания по вредительству.

Писарев и Сенников, действуя по директивам Двинянинова, задерживали замену Богословской линии с узкой колеи на широкую, несвоевременно заготавливая для этого материал. Укладывали заводские пути не по габариту с целью поломки подвижного состава и затруднения маневренной работы. Для ослабления пропускной способности и вызова крушений не устанавливали сигнализационных указательных устройств (семафоров, стрелочных фонарей, дисков, уклоноуказателей, радиусных столбиков).

Для ухудшения качества ремонта паровозов Буткесев перевёл ремонтные мастерские из Богословска в Надеждинск, не приспособив последние для соответствующих работ, сроки ремонта искусственно увеличивались. Для ухудшения условий труда по распоряжению Буткесева в депо были установлены негодные вытяжные трубы.

Ивановский приобретал негодные для работы паровозы, а новые умышленно включал в программу капитального ремонта, не проводил рационализаторских мероприятий.

Цехановский и Асташев задерживали подачу паровозов под поезда, ухудшали состояние паровозного парка, умышленно допуская недоброкачественный ремонт.

Прошин дезорганизовывал работу отдела эксплуатации дороги, халатно относился к ведению графиков движения поездов, не вёл учёт наличия свободных вагонов.

Бржезинский умышленно ослаблял контроль над погрузочно-разгрузочными работами с целью увеличения времени

непроизводительного простоя вагонов, неправильно использовал вагонный парк, что приводило к недостатку специальных вагонов (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.41456, т.2, л.245).

Обвиняемые виновными себя не признали. На самом деле перебои в работе дороги были связаны не с деятельностью группы вредителей, а с технической отсталостью БСЖД, о чём в ходе следствия говорил Двинянинов: «Состояние дороги было недостаточно удовлетворительное, не проводилась реконструкция транспорта, которая должна была начаться в 1928 году, что предполагалось Уралметом и Уралпиромезом. Но только в 1930 году, и то частично, была разрешена перешивка главной линии для пропуска ширококолейных паровозов, которая до сих пор не закончена. По состоянию полотна дороги основной недостаток – недостроенность пути, особенно Самского, Покровского и Сосьвинского участков. Как результат – это большие подъёмы и уклоны. Результат недостроенности линий – безобразное состояние сигнализации, которая почти отсутствует и осталась примитивной. Отсюда большая аварийность на железной дороге. Полностью отсутствует механизация погрузочно-разгрузочных работ. До последнего времени в этом направлении ничего не сделано. Постройка зданий и прокладка путей на металлургическом заводе осуществлялась без соблюдения габаритов, что создавало иногда прямую угрозу в работе, так как габарита на заводском участке вообще не существовало. В 1928 году Самская линия была переведена на консервацию, что задержало её достройку. Отсутствие сигнализационных установок способствовало крушению поездов. Задержка постройки сортировочной станции в заводе осложняло маневровые работы и вызывала простой вагонов. Начатая в 1926 году постройка северо-восточной ветки для вывоза лесных материалов и дров для завода общей протяженностью 90 км была проложена в спешке по топкой и болотистой местности, которая чрезвычайно затрудняла её постройку. В течение четырёх лет проложили лишь 31 км путей. Намеченный план 1925-1926 г.г. по развитию паровозного и вагонного парка, а также мест ремонта и стоянки паровозов оказался не выполнен, что естественно сегодня создаёт трудности в вопросах перевозки для завода сырья и топлива. Отсутствие смягчения подъёмов на линии Богословск-Надеждинск не позволяло увеличить количество грузовых вагонов в составе. Передача в 1928 году крупного ремонта паровозов машиностроительному отделу завода только ухудшило состояние

паровозного парка. Более того, многосерийность паровозного парка усложняла ремонт и эксплуатацию локомотивов, так как паровозы приходилось специализировать по отдельным участкам работы. Рабочий парк паровозов снабжался углём безобразно плохого качества, что приводило к простоям поездов на перегонах и преждевременному выходу паровозов из строя. Отсутствие механизации погрузочно-разгрузочных работ на заводе значительно уменьшало оборот вагонного парка, что приводило к простоям вагонов, как БСЖД, так и НКПС, за что в 1930 году был уплачен штраф 140 тысяч рублей в пользу Пермской железной дороги. Снабжение запчастями и материалами производилось несвоевременно, в недостаточном количестве и плохого качества. Это задерживало ремонт подвижного состава. Отсутствовала соответствующая подготовка кадров по всем отделам железной дороги. БСЖД требовалась модернизация, которая могла повысить её эффективность, однако из-за отсутствия средств она не проводилась» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.41456, т.2, л.137).

Однако, эти объективные причины во внимание не брались. Следствие, в большей степени, устраивала версия, объясняющая беспорядки на железной дороге действиями врагов народа, на которых можно было возложить вину за экономические просчёты и неудачи в годы первой пятилетки. Коллегия ОГПУ 3 ноября 1931 года приговорила Двинянинова А.С. к пяти годам заключения в концлагерь, Писарева В.Н. к трём годам заключения в концлагерь, Сенникова П.Л., Буткеева Н.В., Ивановского А.А. и Цехановского П.И. к заключению в концлагерь на три года условно, с освобождением из-под стражи в залс суда, Прошина М.Е. и Бржезинского И.Ф. к одному году лишения свободы условно. Асташеву Б.И. зачли в наказание срок предварительного заключения (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.41456, т.2, л.246).

17 мая 1937 года органами НКВД вновь был арестован Сенников П.Л. поводом для ареста послужила его служба офицером в 16 Ишимском полку Белой армии. По версии следствия он являлся участником контрреволюционной организации правых в Надеждинске. 2 августа 1937 года Военной коллегией Верховного суда СССР Сенников Павел Львович был осуждён по статье 58-7, 8, 11 УК РСФСР и приговорён к расстрелу. Приговор приведён в исполнение в этот же день. Реабилитирован в 1958 году.

Глава 5. Спецпереселенцы.

В 1928 году советское правительство берёт курс на окончательное уничтожение капитализма в сельском хозяйстве. Это означало ликвидацию хозяйственной самостоятельности крестьян и создание колхозов. Поводом к расправе над крестьянством послужил хлебозаготовительный кризис 1928 года, когда крестьяне отказывались сдавать зерно по низким закупочным ценам. 12 августа 1929 года ЦК ВКП(б) принял решение о начале сплошной коллективизации. Вопрос ставился так: если ты не колхозник – ты враг Советской власти. Не согласные с политикой коллективизации крестьяне стали жертвами очередной волны репрессий. В северные и восточные районы страны в массовом количестве высылались так называемые спецпереселенцы, в основном это были раскулаченные, единоличники и члены их семей. Резкому обострению ситуации способствовало принятое 30 января 1930 года постановлению Политбюро ЦК «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». Оно отменяло действие принятого ранее закона об аренде земли и применении наёмного труда, предписывая конфисковывать у кулаков средства производства, скот, хозяйственные и жилые постройки, предприятия по переработке продукции, продовольственные, фуражные и семенные запасы. Кулаки делились на три категории. Первая, «контрреволюционный актив», подлежала заключению в концлагеря, а организаторы терактов и повстанческих организаций – расстрелу. Вторая, «элементы кулацкого актива», высылались в отдалённые районы данного края и за его пределы. В третью входили кулаки, проживавшие на территории данного района. Они переселялись за пределы колхозных массивов на менее плодородные и неудобные земли. В январе 1932 года первый заместитель председателя ОГПУ Ягода докладывал Сталину, что в спецпосёлках Урала, Сибири, Европейского Севера и Казахстана расселено 1,4 млн крестьян.

Основная волна спецпереселенцев в Надеждинске пришлась на 1930-1931 г.г. Именно в это время в городе появляется несколько спецпосёлков. На правом берегу реки Каквы, недалеко от Мякоткино возник посёлок Новая Каква, в обиходе больше известный как посёлок Чкаловский. 1 января 1934 года на территории Каквинского посёлка была образована неуставная сельскохозяйственная артель (колхоз)

«Разработка Урала». Общим собранием колхозников 5 января 1939 года артель перевели в уставную и переименовали в колхоз имени В.Чкалова. Здесь имелась своя начальная школа №14 и клуб. В Новой Какве жили в основном выходцы с Украины, из областей: Киевской, Донецкой, Днепропетровской, Харьковской, Бердичевской, Винницкой, Полтавской, Херсонской, Ворошиловградской, Черниговской, Запорожской, Житомирской, Одесской и Крымской АССР. Жители посёлка работали в Новокаквинском биржевом хозяйстве, на лесозаготовках, Каквинском углежжении и строительстве лесозавода. Другой спецпосёлок – Новая Кола, располагался на восточной окраине города. В нём проживали немцы из Крымской АССР, АССР Немцев Поволжья, украинцы из Черниговской, Киевской, Донецкой, Винницкой, Одесской, Харьковской, Житомирской областей, крымские и казанские татары, граждане РСФСР из Ставропольского, Азово-Черноморского, Орджоникидзевского краёв, Чувашской АССР, Воронежской, Ростовской и Ленинградской областей. Жители этого посёлка в основном трудились на Новоколинском углежжении, обслуживающем металлургический завод. В 1931 году горно открыло на Новой Коле начальную школу для обучения детей спецпереселенцев (впоследствии школа №21). С закрытием в 1936 году исправительно-трудовой колонии на её территории организовали ещё один спецпосёлок, где проживали уроженцы Черниговской, Бердичевской и Донецкой областей Украины, немцы из Крыма, а с осени 1939 года – выходцы с Западной Украины и Белоруссии. Следующий спецпосёлок располагался на Первом разъезде. Здесь работала заведующей врачебным участком А.Т.Опальная, впоследствии заслуженный врач РСФСР, известный в городе отоларинголог. Об этом времени Анна Терентьевна вспоминала так: «Население разъезда размещалось в бараках и «коттеджах». Бараки были двухэтажные. Они представляли собой деревянные здания, в центре были коридоры, а по бокам – комнаты. Некоторые семьи жили в отдельных домиках, называемых коттеджами. В них обитали железнодорожные рабочие и горожане, работавшие в заводе. Население бараков в то время состояло из крестьян, высланных сюда из донских и кубанских станиц во время коллективизации. Кроме кулаков сюда были высланы и не желавшие вступать в колхозы. Они приехали целыми семьями с жёнами и детьми. Их называли спецпереселенцы. Они жили здесь уже не первый год. И вот почти вместе со мною прибыли новые жители

моего участка. Это были люди разных национальностей, нелегально перешедшие нашу границу из соседних стран, ища политического убежища в Стране Советов. Они называли себя политэмигрантами, в горькие их тоже так называли, а комендант и некоторые жители называли себя перебежчиками. Связаны были эти нелегальные переходы наших границ с наступлением фашизма и ростом репрессий в близлежащих странах – Польше, Полесской Белоруссии, Финляндии, Швеции, Германии. Больше всего было польских евреев и финнов. Управление этим контингентом на участке осуществлялось так называемой комендатурой: комендантом Поткиным и двумя помощниками. Спецпереселенцы тоже были в ведении комендатуры. Сложность моей работы была в том, что общаться на приёме больных с перебежчиками нужно было через переводчиков, так как большая часть их ещё не говорила по-русски. К моему огорчению оказалось, что в ведении амбулатории входили ещё и барак, находившиеся к востоку через овраг, примерно в одном километре от амбулатории. Их называли «бароновскими», построены они были ещё при бароне Таубе для рабочих завода. В зиму 1933-1934 г.г. были очень сильные морозы и тут я хлебнула горя с амбулаторией и со всем участком. Нужные нам дрова и уголь были запасены недостаточно и их хватило только до середины декабря. Обратилась в комендатуру, так как обеспечение нашего участка топливом возлагалось на неё. Комендант обещал заняться этим вопросом. Шли дни, а топить было нечем. И вот я 19 декабря 1933 года написала заявление главврачу Капоруллину Н.В.: «Настоящим прошу снять с меня должность зав. амбулаторией 1-го разъезда. Я работаю в особых условиях, обслуживаю свыше 2000 людей, не знающих, большей частью, русского языка. Амбулатория совершенно не отвечает требованиям лечебных учреждений. Мои заявления в комендатуру повисают в воздухе.хлопоты по работе остаются без последствий, значит врач здесь не нужен, а, поэтому, ещё раз прошу освободить меня от работы на 1-м разъезде. После моего заявления был сделан кое-какой ремонт и завезены дрова. Однако, неприятности с работой увеличились. Виноват был в этом комендант Поткин. Комендант на жалобы финнов отвечал: «Ладно, ладно, разберусь», но ничего не предпринимал. Оказалось, что в бараках тоже не топят и окна не в порядке и ещё какие-то неполадки с водой. Я сходила, проверила, потребовала устранения недостатков и однажды услышала от коменданта: «Да чёрт с ними!». Тогда я не стерпела и написала о его поведении в горисполком, так как он

подрывал веру в справедливость Советской власти. Узнали об этом и в НКВД. Работу комендатуры проверили, нашли много нарушений и отдали виновных под суд, так как очень многое они присвоили. Суд приговорил Поткина и его помощников (один скрылся) к трём годам и шести месяцам лишения свободы, сняв предварительно с работы. Узнав об этом финны пришли и говорили «спасибо». (НСА СИМ. Д.159, л.42-44).

Подавляющая часть спецпереселенцев направлялась в Надеждинский район, где возникла целая сеть спецпосёлков, построенных руками самих ссыльных. К числу таких посёлков относились Северный Крым, Заречный, Галка, Белая Речка, Северо-Самский, Канатка, Красный Яр, Тота, Баяновка, Весёлый Бор, Симоновский, Новая Еловка, Зелёная Украина, Берёзовый Падун, Еловый Падун, Красный Лангур, Перерождение, Покровский и другие. Труд спецпереселенцев использовался, прежде всего, на тяжёлых физических работах – лесозаготовках, лесосплаве, в рудниках и на промышленных предприятиях. Из числа ссыльных создавали сельхозартели, которые должны были обеспечивать продовольствием самих поселенцев и близлежащие населённые пункты.

Условия жизни в посёлках были очень трудными. Вспоминает Устинья Ивановна Нечепуренко: «Сосланы из Крыма. Отца репрессировали в начале 1930 года. Приехали на Урал 15 апреля 1930 года, мать и восемь детей. Старшему брату 16 лет, младшей девочке 3 года. Вблизи деревни Старая Еловка на разъезде №2 остановился поезд, из вагонов стали прыгать люди, ни одного дома, кругом лес. Жить было трудно, постоянного посёлка ещё не было. В лесу стояли отдельные избушки, в них и жили люди. В 1931 году началось строительство бараков. Сами строили себе жильё, заготавливали лес, на лошадях вывозили его с разработок. Бараки сдавались с недоделками, не было окон, дверей. Продуктов не хватало. Ходили в город, меняли вещи на продукты. А почему пешком? Билеты на поезд ссыльным не давали. Коренные жители нас не любили, кричали вслед обидные слова. Сильно давили налоги государству. Сдавали молоко, мясо, яйца, масло. Иногда смеялись сквозь слёзы – есть куры или нет, а яйца сдавай! Покупали и сдавали. Все жили дружно, горе объединяло людей. А мы всё ждали возвращения отца. Потом мама умерла. Вскоре я вышла замуж, муж тоже был переселенец из Крыма» (из архива автора).

Тяжёлое положение переселенцев отмечали и местные органы власти. В докладной записке председателя райисполкома Лаптева и секретаря Райкома ВКП(б) Крайнова, направленной в обком партии и облисполком, отмечалось: «Надеждинский район во 2-м и 3-м квартале 1931 года переживал и переживает самое напряжённое состояние в деле продовольственного снабжения спецвыселенцев. На почве нерегулярного снабжения мы имсли некоторые политические осложнения, выступления спецвыселенцев в августе. 3 августа на Северо-Восточной ветке БСЖД спецпереселенцы, до 600 семей, организовали массовый уход с участка в город Надеждинск с требованием выдачи им хлеба или отправки их на прежнее место жительства. Причиной, побудившей их к уходу, является отсутствие продовольствия. Так на общее число 3600 семей, из расчёта существующих норм снабжения питанием, требовалось муки 97100 кг, а получено было 32640 кг. Это напряжённое состояние заставляло местные организации ставить решительно вопрос об упорядочении снабжения перед областными снабженческими организациями. Но, однако, положительных результатов не добились. Систематические перебои в снабжении продолжались. Неоднократные выезды специальных комиссий из области для обследования этого вопроса не внесли до сего времени улучшения в снабжении. Наши обращения к областным снабженческим организациям очень часто остаются без ответа, из этого явствует, что областные организации слабо реагируют на сигналы с места. Мы даже зимой ставили вопрос о том, что в условиях Надеждинского района на отдельные участки нужно забросить 6-7-месячный запас продовольствия в зимнее время, потому что летом и особенно в ненастную погоду с этими участками отсутствует всякое сообщение. Запасов этих заброшено не было. В результате на 195-м участке 400 семей от 8 до 12 суток сидели совершенно без хлеба. Позднее «обозом» в несколько десятков человек доставили хлеб с ближайшего склада котомками по 20 фунтов на человека. По заключению врача Ковалёвой, присланной Облздравотделом для санитарного обследования посёлков спецпереселенцев в районе, живые переселенцы были настолько обессилены, что были не в состоянии хоронить умерших, то есть лежали вповалку от истощения. В результате питания одними грибами вызывались массовые желудочно-кишечные заболевания, что также способствовало в отдельных случаях развитию сыпного тифа. На всём протяжении 2-го и 3-го кварталов наблюдались систематические

перебои в снабжении продовольствием. Они заключались не только в том, что значительное количество продовольствия (до 50%) не получали, но и эта чрезвычайно урезанная порция получалась крайне неравномерно: в начале месяца по 2-3 вагона в день, позднее перерывы в несколько дней (доходящие до 10-12 дней) и в конце месяца обычно хлеб поступал более или менее значительными партиями. Но в конечном итоге хлеб систематически из месяца в месяц не досылается. В июле и августе из полагающихся для трудоспособных и нетрудоспособных спецвыселенцев 2411 тонн мы не получили 799 тонн. При этом нам приходилось маневрировать фондами, из фонда нетрудоспособных кормили трудоспособных. В результате никуда негодного снабжения продовольствием мы имели факты массовых невыходов на работу, например 28 августа в посёлке Мотовилиха Петропавловского леспромхоза, где из-за отсутствия питания в течение пяти дней спецпереселенцы в количестве не менее 300 человек не вышли на работу. До 5000 человек сбежало в июле и августе, имеется ряд случаев грабежей, с исключительной целью только попасть в тюрьму. Ряд вспышек эпидемии брюшного и сыпного тифа, увеличение смертности, массовая продажа обуви и одежды и обмен её на хлеб и овощи, перебои в снабжении понижают выполнение производственных заданий. Такое состояние даёт плодотворную почву для особо антисоветски настроенных элементов вести агитацию среди переселенцев за невыход на работу, побег из ссылки и т.п. Спецпереселенцы ведут агитацию среди местного населения такого порядка: «Вот нас раскулачили, теперь очередь за вами». Естественно, эта агитация осложняет общее политическое состояние района. Вымирание взрослых трудоспособных порождает беспризорных детей. Это обстоятельство ставит перед нами задачу организации детских домов. В области снабжения мы категорически настаиваем на немедленном улучшении продовольственного снабжения спецпереселенцев, на регулярном поступлении хлеба в пределах его нормальной потребности. Одновременно настаиваем на снабжении одеждой и обувью, так как с наступлением холодов положение сильно осложнится. Увеличатся невыходы на работу, заболеваемость и смертность, борьба с которыми потребует новых расходов. И то и другое ставит под непосредственную угрозу выполнение промплана.

На тревожные запросы со стороны горздравотдела о высылке подкрепления в медперсонале и медикаментах для борьбы с

вспыхивающими то там, то здесь эпидемиями сыпного и брюшного тифа. Облздравотдел в конце концов отвечает: «Напрасно вы бьёте тревогу, напрасно беспокоитесь. Ваш район более благополучен, чем многие другие в отношении наличия медперсонала» и посылает врача по охране материнства и младенчества для обследования санитарного состояния спецпоселенцев в районе, ограничивая срок командировки одной неделей. Действительное положение таково: за последний год население района за счёт спецссылки увеличилось почти на 100%, количество же медперсонала осталось то же, что было год тому назад, за исключением фельдшеров среди переселенцев. Для медобслуживания спецпереселенцев у нас нет врачей, акушеров и квалифицированных фельдшеров, так как фельдшера-спецпереселенцы с крайне низкой квалификацией. Эпидемическая заболеваемость не прскращается вот уже долгое время. Сыпной тиф за последние месяцы имеет рост: январь – 2, февраль – 22, март – 35, апрель – 63, май – 16, июнь – 63, июль – 47, август – 79. Из всех случаев за восемь месяцев 75% падает на спецпереселенцев. На борьбу с эпидемическими вспышками мы высылали медперсонал исключительно за счёт медобслуживания кадровых рабочих и коренного населения района. В области финансирования медобслуживания спецпереселенцев вопрос до сих пор остался открытым, если не считать переведённых в последнее время 30000 рублей и 10000 рублей в 1930 году. И в этой части медицинское обслуживание проводилось также за счёт страховых отчислений на обслуживание кадровых рабочих и их семей. Сейчас нами производится строительство базовых больниц при производственных участках, по предложению Облздравотдела, из расчёта 1 койка на 1000 человек. Такой расчёт мы считаем крайне недостаточным и не обеспечивающим мало-мальски сносное обслуживание. Мы настаиваем на расширении больниц минимум из расчёта 2 койки на 1000 человек. Просим направить в район дополнительно: врачей – 8, фельдшеров – 10, акушеров – 7 и разрешить, наконец, вопрос финансирования.

Не говоря о почти отсутствующем культурном обслуживании взрослого населения, мы выдвигаем перед вами вопрос культурного обслуживания детей школьного возраста, которых среди спецпереселенцев по проведённой нами переписи насчитывается 10380 человек, из расчёта 50 человек учеников на одного преподавателя. Нам требуется свыше двухсот учителей. На сегодня

мы не имеем ни одного. Это обстоятельство побуждает нас поставить перед вами вопрос о возложении на Облоно укомплектования нашего района 170-ю преподавателями, высказаться за использование 25-ти учителей-спецпереселенцев, хотя бы в начальных классах школы 1-й ступени, под соответствующим контролем, обеспечив необходимое финансирование» (АОАСГО. Ф.Р-1, оп.3, д.42, л.2-5).

Несмотря на неоднократные обращения местной власти к областному руководству с просьбой о помощи в разрешении возникающих проблем, положение не менялось, о чём свидетельствует служебная записка начальника горрайотдела ОГПУ Вайварина. Документ был адресован начальнику Отдела спецпоселений ОГПУ по Уралу Мовшензону. В нём говорилось: «В 1932 году Надеждинский район почти всё время имел большие перебои в снабжении. За весь год ссылка была снабжена продуктами питания примерно на 60%. Завоз продуктов в район проходил весьма нерегулярно. Примерно с мая месяца до 20 сентября, за исключением неполного количества муки, почти ничего не поступило. Особенно тяжёлое положение с продовольствием было в июне и июле, когда спецпереселенцы употребляли мох, дерево и разный суррогат, что приводило к инфекционным заболеваниям и истощению. По данным снабженческих организаций за 1932 год поступило для спецпереселенцев лесной и горной промышленности: муки – 7788943 кг, крупы – 518097 кг, рыбы – 450555 кг, сахара – 451918 кг, масла растительного – 27434 кг, что составило в среднем на человека: муки – 127 кг, крупы – 8,5 кг, рыбы – 7,8 кг, сахара – 7,5 кг, масла растительного – 4,75 кг. При этом надо учесть, что размер пайка для работающих в горной промышленности не зависит от выполнения производственной программы, в то время как в лесной промышленности норма пайка может быть уменьшена за невыполнение производственной нормы. Отсюда следует, что фактическое потребление продуктов в лесной промышленности понизится в среднем на 50%. Регулярное недоснабжение приводило к высокой смертности среди спецпереселенцев. За 1932 год умерло 8265 человек, что составило 12% от общего числа. Особо высоких размеров смертность достигла в летний период: май – 990 человек, июнь – 838, июль – 910, август – 1182. С некоторым улучшением заброски продуктов питания смертность несколько снизилась: октябрь – 423 человека, ноябрь – 551, декабрь – 268. Из общего количества умерших 30% умерли от инфекционных заболеваний, 70% - от истощения. За

первые три месяца 1933 года умерло 3062 человека или 37% от 1932 года. По месяцам это выглядит так: январь – 548 человек, февраль – 1298, март – 1233. Увеличение смертности было связано с повышением норм выработки в лесной промышленности при отсутствии надлежащего продовольственного снабжения. Чтобы выполнить план по лесозаготовкам в лес были направлены 1200 коммунистов, работавших там на протяжении двух месяцев. С увеличением норм выработки ссыльные бросились в бегство. Но так как бежавшие в большинстве своём находились в истощённом состоянии, к тому же не имели возможности приобрести себе питание, они стали умирать на дорогах, в населённых пунктах района и, в особенности, в городе Надеждинске, что создавало неблагоприятную обстановку среди рабочих и колхозников. Из числа бежавших удалось вернуть в места проживания в январе 677 человек, феврале – 1099, марте – 902. Поскольку положение со снабжением в лесу не улучшилось, эти люди возвращались обратно в город. С приездом начальника 1-го отделения ОСП ПП ОГПУ по Уралу т.Князева была взята иная установка, более решительная. В первую очередь были приняты меры к очистке от бродяжества города Надеждинска и наиболее крупных населённых пунктов района. Были разработаны мероприятия, увязывающие борьбу с побегами с улучшением материально-бытовых условий ссыльных. За период с 31 марта по 5 апреля изъято из города и района 733 человека, которые сконцентрированы при этапно-пересыльном пункте. Из числа задержанных 40% нуждаются в длительном лечении до одного месяца, 50% - в усиленном питании и только 10% можно использовать для работы сейчас же. Было принято решение лиц, совершающих повторные побеги, водворять в отдалённый посёлок Усть-Шегультан Петропавловского леспромхоза. Все наши намеченные мероприятия будут безусловно проведены полностью, но если не будет надлежащего подкрепления в снабжении работающих спецпереселенцев в лесной промышленности, то положение ссылки в части смертности и бегства не улучшится. Одно мероприятие, которое проведено нами по Богословскому леспромхозу в части перевода детей ссыльных на общественное питание, дало положительные результаты. По предварительным данным, смертность детей сократилась за март месяц 1933 года до 40%. Упитанность детей повысилась. Этот опыт будет применён с 15 апреля с.г. по всей лесной промышленности» (АОАСГО. Ф.Р-1, оп.3, д.42, л.6-11).

Такое бедственное положение спецпереселенцев было вызвано разразившимся в Советском Союзе в 1932-1933 г.г. голодом, ставшим следствием коллективизации, в ходе которой большая часть собранного урожая продавалась за границу с целью получения средств для приобретения промышленного оборудования. В стране вводились карточки на продукты питания, в первую очередь продовольствием обеспечивалось население городов, а потом все остальные. Даже в трудные голодные годы работники партийного аппарата и НКВД получали в месяц муки – 18 кг, рыбы – 3 кг, сахара – 2,5 кг, масла – 1 кг, печенья – 2 кг. Кроме того, обязательно выдавался паёк на иждивенцев. В месячном пайке сотрудников НКВД в 1932 году было 42 наименования разных продуктов питания, в том числе 7,5 кг мяса, 3 кг свежих яблок, 1 кг творога, 21 кг картофеля, 2,5 кг моркови, 30 огурцов и др. (История Урала с древнейших времён до наших дней. Екатеринбург, 2003. С.353).

Помимо тяжёлых материально-бытовых условий спецпереселенцы были лишены гражданских прав, документов, свободы передвижения. Они жили в специальных посёлках под наблюдением комендатуры. В период массовых политических репрессий большинство из них оказалось в застенках НКВД и ГУЛАГе. Остановимся на судьбах некоторых из них.

Храпаков Артамон Иванович, 1887 г.р., уроженец станицы Тимиргоевская Краснодарского края, русский, беспартийный, образование начальное, из крестьян. Работал печником на металлургическом заводе, проживал по адресу: город Надеждинск, спецпосёлок 1-й разъезд. Был арестован органами НКВД 5 января 1938 года с санкции прокурора города по подозрению в шпионаже. Постановление на арест вынес сотрудник Надеждинского ГО НКВД Белоногов, утвердил начальник ГО НКВД Трубочёв. Следствием ему было предъявлено необоснованное обвинение в том, что он является участником диверсионно-повстанческой организации, в которую завербован в 1936 году. По заданию польской разведки выявлял лиц, враждебно настроенных по отношению к Советской власти. Особой тройкой при УНКВД Свердловской области 15 ноября 1938 года приговорён к заключению в ИТЛ сроком на 8 лет по статье 58 п.6. Обвинительное заключение утвердили зам. начальника УНКВД по Свердловской области Варшавский и прокурор УрВО Петровский. До 29 декабря 1938 года содержался в Нижнетуринской тюрьме, затем был выслан на Беломор-Балтийский канал. Отбывая наказание, в

1940 году подал жалобу на необоснованность его осуждения, указав, что на следствии в 1938 году подписал протокол допроса «с признанием вины» по уговору следователя. Проверкой установлено, что показания Храпакова были сфальсифицированы следователем Ожгихиным. Кроме этого, никаких других компрометирующих материалов на Храпакова в архивах УКГБ по Свердловской области не обнаружено. Из анкетных данных арестованного установлено, что в Надеждинский район Храпаков был выслан в 1930 году вместе с родственниками, как раскулаченный. Реабилитирован 29 сентября 1956 года. Из материалов дела дату и место смерти Храпакова А.И. установить не представляется возможным (НСА СИМ. Д.40, л.45).

Калус Илья Андреевич, 1909 г.р., уроженец деревни Бугас Волновахского района Донецкой области, образование – начальное, грек, из крестьян. Работал грузчиком Каквинской углехимлесобиржи, проживал в спецпосёлке Новая Каква, дом 33, квартира 2. В 1931 году выслан из Донецкой области как крестьянин-кулак. По анкетным данным имел 16 га земли, двух коров, двух лошадей, двух быков. 17 декабря 1937 года арестован по обвинению в преступлении, предусмотренном статьёй 58 п.6. Обвинялся в том, что является агентом немецкой разведки, в которую был завербован Фишером Эммануилом Михайловичем. Обвинительное заключение утвердил начальник Надеждинского ГО НКВД Трубачёв. Следственное дело 21 декабря 1937 года направлено в ГУ ГБ НКВД для внесудебного рассмотрения. Постановлением комиссии НКВД и прокуратуры СССР от 14 января 1938 года осуждён к высшей мере наказания. Приговор приведён в исполнение 21 февраля 1938 года. Анализом материалов дела и документальной проверкой установлено, что Калус был привлечён к ответственности по обвинению в разведывательной деятельности необоснованно. 11 июля 1958 года определением Военного трибунала УрВО реабилитирован (НСА СИМ. Д.40, л.76).

Божко Михаил Карпович, 1901 г.р., уроженец деревни Киста Дивенского района ставропольского края, украинец, образование – 3 класса. Работал чернорабочим в транспортном цехе металлургического завода, проживал в спецпосёлке бывшей колонии, дом 8, квартира 16. В 1930 году выслан вместе с семьёй как раскулаченный. В хозяйстве имел 48 десятин земли, 3 лошади, 8 волов, 8 коров, 10 голов мелкого рогатого скота. Арестован органами НКВД 6 января 1938 года. Согласно обвинительному заключению признан виновным в том, что с 1936 года являлся агентом польской

разведки и членом контрреволюционной организации «Польская организация войскова» (ПОВ). В интересах буржуазной Польши проводил контрреволюционную деятельность. Постановление на арест и меру пресечения выдал сотрудник Надеждинского ГО НКВД Иванов, следствие вели следователи Белоногов и Репин. Обвинительное заключение утвердили следователь УНКВД по Свердловской области Варшавский и прокурор УрВО Петровский. Постановлением Особой тройки при УНКВД по Свердловской области от 10 ноября 1938 года Божко М.К. приговорён к 5-ти годам заключения в ИТЛ. По разнарядке ГУЛАГа №1538 направлен 29 ноября 1938 года на Беломоро-Балтийский канал. Произведённой дополнительной проверкой в ноябре 1966 года установлено, что Божко был репрессирован необоснованно. Обвинение основывалось лишь на одних показаниях осуждённого и никаких других доказательств его вины в деле не имелось. 16 декабря 1966 года реабилитирован (НСА СИМ. Д.40, л.32).

Приб Альберт Яковлевич, 1905 г.р., уроженец деревни Аджихмат Джанкойского района Крымской АССР, немец, образование среднее, из крестьян. Отец имел мельницу с газогенераторным двигателем. В 1927-1929 г.г. служил в Красной армии оружием каптенармусом в 45-м стрелковом полку. В 1930 году раскулачен и выслан с семьёй на Урал. Проживал в посёлке Новая Кола. До 1935 года работал рабочим в лесной промышленности, а затем старшим счетоводом Новоколинского биржевого хозяйства. 15 декабря 1937 года арестован НКВД по статье 58 п.6 УК РСФСР. Обвинялся в причастности к разведывательным органам одного из иностранных государств. Постановлением комиссии НКВД от 12 января 1938 года приговорён к высшей мере наказания. Расстрелян 2 февраля 1938 года. 7 февраля 1956 года реабилитирован (НСА СИМ. Д.40, л.44).

Мейстер Яков Самуилович, 1896 г.р., уроженец деревни Акшейх Евпаторийского района Крымской АССР, немец, образование среднее, из крестьян-кулаков. Семья имела 600 десятин земли, 24 лошади, 12 коров, сельскохозяйственный инвентарь. В 1930 году Мейстер Я.С. был раскулачен и выслан с семьёй на Урал. Проживал в посёлке Замарайка, работал счетоводом в совхозе. 15 декабря 1937 года арестован НКВД, обвинялся по статье 58 п.6 УК РСФСР в принадлежности к разведывательным органам одного из иностранных государств. Постановлением комиссии НКВД и прокурора СССР 15 января 1938 года осуждён к расстрелу. Расстрелян 2 февраля 1938

года. Реабилитирован 2 февраля 1960 года определением Военного трибунала УрВО (НСА СИМ. Д.40, л.45).

Зауэр Юрий Ансович, 1871 г.р., уроженец города Риги. Проживал в спецпосёлке бывшей колонии, дом 8, квартира 2. Из рабочих, образование начальное, по профессии – мельник. Работал дезинфектором на металлургическом заводе. В 1935 году был выслан из города Пскова и направлен в Надеждинский район. Арестован НКВД 9 декабря 1937 года, обвинялся по статье 58 п.6,11 за то, что якобы причастен к разведывательным органам иностранного государства. При обыске ничего существенного не обнаружено. Проходил по делу шпионской организации, созданной в Надеждинске агентом латвийской разведки Вильгертом. По версии следствия одним из активных её участников являлся Зауэр Ю.А. Следственное дело вёл оперуполномоченный 3-го отделения Надеждинского ГО НКВД Иванов. В обвинительном заключении говорилось: «В 1935 году Зауэр Ю.А. был завербован в шпионскую организацию. Собирал и передавал латвийскому разведчику Вильгерту сведения шпионского характера о политико-моральном состоянии населения города Надеждинска. Кроме того, Зауэр был связан с другими латвийскими шпионами, проживавшими в Надеждинске». Дело по обвинению Зауэра было направлено в ГУ ГБ НКВД СССР для внесудебного рассмотрения. Комиссией при НКВД СССР осуждён 11 января 1938 года к высшей мере наказания. Расстрелян 8 февраля 1938 года. Реабилитирован в 1958 году (ГААОСО. Ф.Р-1, оп. 2, д.40050, л.1,16).

Быков Григорий Филиппович, 1914 г.р., уроженец Дунинского сельсовета Ближнецовского района Харьковской области. Образование – незаконченное среднее. Украинец, из крестьян-кулаков. Проживал в спецпосёлке бывшей колонии, дом 8, квартира 3. В 1931 году раскулачен и выслан с семьёй в Надеждинский район. В 1931 –1935 г.г. проживал на Северо-Восточном лесоучастке. В 1935 году поступил работать на металлургический завод. В 1936 году окончил учительские курсы, работал учителем в начальной школе №14 в спецпосёлке Новая Каква. Арестован НКВД 22 декабря 1937 года. Обвинялся по статье 58 п.6 УК РСФСР в том, что являлся участником немецкой шпионской организации, в которую был завербован немецким разведчиком Бунке. Вёл следствие начальник 4-го отделения Надеждинского НКВД Смирнов. Обвинительное заключение утвердил начальник Надеждинского ГО НКВД Трубачёв. Дело по обвинению Быкова было направлено ГУ ГБ НКВД СССР для

внесудебного рассмотрения. Комиссией НКВД СССР Быков осуждён 7 февраля 1938 года к высшей мере наказания. Расстрелян 27 апреля 1938 года. Реабилитирован 30 мая 1958 года (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.26726, л.4,12).

Марцюк Иван Сидорович, 1893 г.р., уроженец села Воробьёвка Тарнопольского района Западной Украины, украинец, из крестьян. Гражданин СССР с 1931 года. Образование высшее, по специальности экономист-плановик, работал преподавателем немецкого языка в средней школе №22 и металлургическом техникуме. Проживал по адресу: улица братьев Горшковых, дом 5 «а», квартира 3. С 1921 года жил в Киеве, прибыл туда из города Умань, где в марте был расформирован Галицийский полк, в котором служил Марцюк. Преподавал географию в школе красных командиров. С сентября 1921 по июнь 1926 года – студент Института внешних сношений. После его окончания два года работал на Киевской таможне экономистом. С 1928 по 1932 год трудился старшим научным сотрудником в научно-исследовательском институте пищевой промышленности Украины. В 1932 году осуждён Коллегией ОГПУ на 3 года без права проживания в 12 городах СССР. Выслан на Урал с семьёй, в 1933 году прибыл в Свердловск. В отделе кадров «Востокстали» встретил начальника ОРСа Надеждинского металлургического завода Елохина, который принял Марцюка на работу в ОРС на должность плановика. Арестован НКВД 23 февраля 1938 года. Обвинялся по статье 58 п.6 УК РСФСР в том, что являлся агентом польской разведки, по заданию которой вёл шпионскую деятельность на территории СССР. В августе 1938 года Марцюк направил прокурору СССР Вышинскому следующее заявление: «Надеждинский горотдел НКВД в лице следователя Ожгихина предъявил мне обвинение по статье 58 п.6. Обвинение предъявлено через месяц после моего ареста. Вслед за предъявленным обвинением мне был предложен готовый протокол допроса, составленный в готовых вопросах и ответах самим следователем, и преподнесён мне для подписи с устной мотивировкой следователя, что весь материал, содержащийся в протоколе, является фиктивным, вымышленным им самим, но это нужно для предъявления контррасчёта фашистским государствам. Я заявил, что для пользы Советской власти, если это нужно, я подписал бы любой документ, даже его не читая, при условии, если бы я находился не в заключении. Но условия, среди которых я находился (содержание при неопишуемой скученности арестованных без прогулки и воздуха, без газет, вши,

грубое обращение тюремной администрации), говорили о другом и я отказался от подписи этого фиктивного протокола. Следовательно, просивший вежливо подписать, начал угрожать и перешёл к репрессиям, содержал в холодной камере без верхней одежды, только в рубашке, на протяжении девяти часов. 25, 26 и 27 марта лишал сна и отдыха, применял систему табуретки, без права вставания с неё. Я требовал вызова прокурора и написал последнему заявление о принятии мер относительно издевательств со стороны следователя. В вызове прокурора мне было отказано этим же следователем. В состоянии полного физического, морального истощения и изнеможения, при повышенной температуре (ибо я лёгочный больной) я был вынужден подписать этот фиктивный протокол, надеясь найти правду и справедливость у высших органов власти, которые сумеют восстановить порушенное право свободного человека и поставить издевателей на своё место. Что касается сущности фиктивного обвинения, то его легко опровергнуть. Меня обвиняют в том, что в бытность мою в Киеве во время манёвров, я как будто проник на территорию последних, собрал сведения о техническом оснащении армии и передал их в Польшу. Поэтому поводу заявляю, что во время манёвров я был под арестом в Киевском ОГПУ, о чём можно навести справку. Меня обвиняют во вредительстве в период моей работы в научно-исследовательском институте в Киеве. Да, я работал в Институте экономики пищевой промышленности и по мукомольной промышленности написал две работы – «Комбинирование в мукомольной промышленности» и «Мировой рынок зерна и перспективы экспорта муки из УССР». Обе работы рассмотрены на заседании и приняты институтом. Можно запросить Киев и узнать, если там хотя бы намёк на вредительство. Меня обвиняют в передаче в Польшу сведений о новостроящихся объектах в мукомольной промышленности УССР. Если бы следователь Надеждинского горотдела гражданин Ожгихин был немного поосведомлённее, то он знал бы, что УССР обладает достаточной сетью мельниц и в строительстве новых объектов во 2-й пятилетке почти что не нуждалась. В момент моего ареста 22 ноября 1932 года контрольные цифры по строительству не были ещё утверждены, так что о передаче таких сведений куда-либо не могло быть и речи, потому как отсутствовал сам объект передачи. Наконец, в отношении контрреволюционной организации в Киеве о и шпионаже в пользу Польши. Я сам происхожу из Западной Украины, находящейся в

данное время под оккупацией Польши, которая угнетала и угнетает мой народ, состоящий главным образом, из бедных крестьян. Я тоже из крестьян, воспитывался в ненависти против польских панов, воевал с ними в 1918-19 г.г. девять месяцев. Осуждён заочно польским судом за подпольную работу в пользу Советской власти. В 1920 году, после отступления Красной армии из-под Варшавы, переехал на Советскую Украину с целью набраться опыта для борьбы с панской Польшей. Единственная моя мечта – это вернуться домой и увидеть освобождённым долго угнетаемый мой родной народ, пережить радость народа, вошедшего в великую семью народов Советского Союза. Для кого я мог бы вести шпионскую работу? Для польских панов? Для тех, кто считает мой народ скотом, лишая его всяких маломальских человеческих прав? Следовательно Ожгихин, предъявляя мне несуразные обвинения даже и не подумал, что он совершает, не понимая – какая бездонная пропасть разделяет меня с нынешней панской Польшей, какая возмутительная нелепость. К надеждинскому периоду вымышленной Ожгихиным моей деятельности относится как-будто, моя связь с неким Майзиком. Последнего я никогда не видел и не знаю, кто он такой. В протоколе говорится, что он часто заходил в ОРС завода, где я работал и брал у меня нужные ему сведения. Я убеждён, что никто из орсовских работников его никогда не видел в ОРСе, что можно установить хотя бы по фотографии этой личности. Так какая может быть связь с человеком, который мне не известен? Меня обвиняют, что я выдал этому Майзику или Майзину мой план снабжения населения на случай войны. Кстати, такой план в ОРСе отсутствует, его никогда не было. Так что же было выдано? Дальше меня обвиняют в поджоге дома по 5-й линии Старого посёлка. По наведённым справкам действительно дом сгорел, загорелся от электрической проводки во время, когда я работал в школе №22, что можно проверить по записям в журнале за этот день. И, наконец, меня обвиняют в проникновении на территорию завода №76, получении там каких-то сведений и передаче их Майзику. Заявляю, что я никогда не был на этом заводе, не знаю даже, как туда заходить. Эту фикцию Ожгихина можно проверить по корешкам пропусков этого завода. Я не знаю какую цель преследовал следователь Ожгихин, составив этот несуразный протокол и заставив его меня подписать. Но я знаю одно, подобного рода материал сфабрикован и не может быть полезным для Советской власти. Мне кажется, что следователь Ожгихин не сделал полезного дела, а наоборот. Я прошу принять соответствующие меры

в отношении поруганного человеческого права и достоинства, назначить по моему делу другого следователя и установить истину». По заявлению Марцюка было проведено дополнительное расследование. Улик, изобличающих виновность Ивана Сидоровича в предъявленном ему обвинении, следствие не обнаружило. 22 декабря 1938 года следствие прекращено, Марцюка освободили из-под стражи (ГААОСО. Ф.р-1, оп.2, д.1794, л.4, 8, 17, 18, 33).

По мере решения задач сплошной коллективизации сокращалась численность «кулацкой ссылки». В мае 1934 года спецпереселенцы были восстановлены в гражданских правах, а с января 1935 года – в избирательных. Однако они всё ещё не имели права возвращаться на прежние места проживания и не призывались в армию. Эти ограничения сняли с них только в конце 1938 года, когда все неуставные артели окончательно перевели на обычный сельскохозяйственный устав.

Глава 6. Классово-чуждые элементы.

В 30-е годы кроме спецпереселенцев гражданских прав были лишены бывшие военнослужащие Белой армии, дворяне, чиновники государственного аппарата царской России, служащие полиции и жандармерии, торговцы, служители культа и все те, кто не вписывался в структуру советского общества. В учреждениях и на предприятиях начинаются чистки работников по классовому признаку. Непролетарское происхождение очень часто служило поводом к увольнению с работы и запрету занимать руководящие должности.

Так, например, 16 ноября 1934 года издаётся приказ по Кабаковскому горкомхозу: «Плановик горкомхоза Лаптев в прошлом был белогвардейский офицер и при поступлении в советское учреждение скрыл своё классовое происхождение. Техник по озеленению Бернгард Эдуард Петрович является сыном крупного кулака. При поступлении на работу также скрыл своё классовое происхождение. Предлагаю главному бухгалтеру горкомхоза немедленно выдать окончательный расчёт технику Бернгарду и плановику горкомхоза Лаптеву после приезда его из командировки и представления отчёта за выданную ему подотчётную сумму. Причину увольнения записать в трудовой список. Начальник горкомхоза П.Семёнов» (АОАСГО. Ф.Р-1, оп.3, д.39, л.11).

16 февраля 1935 года на имя директора металлургического завода А.Т.Стедьмаховича поступило распоряжение заместителя управляющего трестом «Востоксталь» Седашова: «В целях ликвидации имевшей место на Вашем заводе засоренности аппарата классово-чуждыми элементами (бывшие белые офицеры, бывшие торговцы), а также лицами, исключёнными из партии за участие в контрреволюционной оппозиции и т.п., и с целью замены таковых в наикратчайший срок, предлагаю Вам немедленно произвести учёт всех лиц которые, по Вашему мнению, подлежат замене и список прислать в специальный отдел Востокстали с указанием имени, отчества, фамилии, занимаемой должности и причины, по которой подлежат замене. Срок исполнения 25 февраля с.г.» (ИПМ СМЗ. Д.7, л.33). В соответствии с этим распоряжением с завода были уволены:

Татков Дмитрий Николаевич, контролёр ОТК, из семьи кулака
Винокуров Пётр Гаврилович, контролёр ОТК, из семьи кулака
Орехов Андрей Петрович, бухгалтер расчётного стола, сын кулака
Шулаков Анатолий Николаевич, конструктор технического отдела, сын кулака

Шулаков Валентин Николаевич, бухгалтер отдела капитального строительства, сын кулака

Ястребов Анатолий Михайлович, техник отдела главного механика, классово-чуждый элемент

Пятков Степан Михайлович, исследователь отдела организации труда, связь с классово-чуждым элементом

Савин Константин Фёдорович, завхоз кузнечно-механического цеха, бывший торговец

Веснин Сергей Иванович, счетовод электростанции, сын служителя культа

Перевалов Иван Николаевич, кладовщик склада, классово-чуждый элемент,

Сосновских Николай Петрович, весовщик крупносортового цеха, классово-чуждый элемент

Поваренных Василий Антонович, старший счетовод заводоуправления, классово-чуждый элемент

Рязанцев Леонид Антонович, завхоз доменного цеха, классово-чуждый элемент

Шевелёв Леонид Иванович, экономист отдела организации труда, классово-чуждый элемент

Моченков Иван Степанович, экономист отдела организации труда, классово-чуждый элемент

Ратьковская Елена Михайловна, лаборантка металлографической лаборатории, дочь священника

Соковнин Яков Иванович, счетовод планового отдела, бывший торговец

Охотникова Татьяна, счетовод заводууправления, дочь торговца

Большакова Александра, машинистка заводууправления, дочь кулака

Чистяков Василий Степанович, ответственный исполнитель отдела снабжения, белый офицер, сын владельца дрожжево-винокурного завода

Кабаровский Пётр Михайлович, заведующий психо-технической лаборатории отдела организации труда, административный ссыльный за связь с националистическими контрреволюционными кругами Украины

Гущин Иван Филиппович, исполнитель отдела найма, сын торговца,

Разумовский Самуил Соломонович, экономист планового отдела, административный ссыльный, троцкист

Субботин Прохор Александрович, машинист электростанции, связь с классово-чуждыми элементами

Коровин Владимир Кронидович, заведующий плановой группы комунхоза, сын священника

Савин П.И., конструктор отдела капитального строительства, бывший торговец

Иконников, котельная теплосилового цеха, сын кулака

Козлов, газопроводчик теплосилового цеха, служил в Белой армии

Харитонов, водопроводчик теплосилового цеха, из семьи кулака

Махаев, машинист котельной теплосилового цеха, из семьи кулака

Хлусов Дмитрий Михайлович, ответственный исполнитель коммунального отдела, бывший маслодел

Желоболов Андрей Михайлович, завхоз автогаража, из кулаков

Кивелев Трофим Павлович, машинист электростанции, из семьи кулака

Сударев Александр Александрович, бригадир крупносортового цеха, из кулаков

Савастьянов Иван Алексеевич, слесарь электростанции, классово-чуждый элемент

Мызников Яков Павлович, счетовод заводууправления, классово-чуждый элемент

Спорышев Пётр Николаевич, лаборант химической лаборатории, классово-чуждый элемент

Кожевников, сменный инженер доменного цеха, связь с братом троцкистом

Путинцев Василий Николаевич, весовщик доменного цеха, бывший священник

Исаев Сергей Александрович, помощник машиниста паровоза, сын кулака

Сысолетин Николай Ефимович, сменный мастер депо, классово-чуждый элемент

Моисеев, диспетчер транспортного цеха, связь с классово-чуждым элементом

Отчихин Фёдор Александрович, помощник машиниста паровоза, лишенец

Подсыанский Леонид Евгеньевич, слесарь депо, лишенец

Рабочие котельной и машинного зала электростанции, классово-чуждые элементы: Ибрагимов Осман, Усков Иван Яковлевич, Усков Вячеслав Яковлевич, Ширяев Гавриил Гавриилович, Чеблов Николай Александрович, Гришечкин Александр Васильевич, Усольцев Сергей Григорьевич (ИПМ СМЗ. Д.7, л.206-206об).

Иногда социальное происхождение становилось препятствием для получения высшего образования. В 1934 году рабочий металлургического завода Глеб Георгиевич Аристов подал документы для поступления в Ленинградский заочный горно-металлургический институт. В результате проверки его биографических данных в институте выяснилось, что он сын священника и бывший военнослужащий Белой армии, за что был в 1929 году отчислен из Ленинградского технологического института. На этом основании заочный институт отказал Аристову в приёме. Примеров подобных проверок, ставших нормой жизни советского общества в 20-30-е годы, можно привести множество. Остановимся на некоторых из них:

«22 февраля 1935 года. Директору металлургического завода имени И.Д.Кабакова. В нашем институте на металлургическом факультете учится Воробьёв Владимир Васильевич, отец которого Воробьёв Василий Васильевич, согласно записи в копии трудового списка с 1906 по 1917 год работал на Надеждинском заводе заведующим мартеновским цехом, а с 1917 по 1922 год на Кузнецком заводе в

Кузнецком бассейне смотрителем мартеновского цеха. Факты, указанные в трудовом списке, документами не подтверждены. По имеющимся у нас неофициальным сведениям его отец служил у белых, а поэтому просим Вас в срочном порядке сообщить, действительно ли он работал на указанных заводах в упомянутое время и по каким причинам уволился с завода. Ответ шлите по адресу: г.Свердловск, Втузгородок, Главный учебный корпус, спецотдел Уральского индустриального института имени С.М.Кирова. Начальник спецотдела Кротких »,

«20 мая 1936 года. Председателю Кабаковского горсовета. Кировская краевая комиссия по спецнабору в школы ВВС РККА высылает Вам анкету спецпроверки на кандидата в школу ВВС РККА т.Соломина Василия Николаевича, 1917 г.р., который родился и проживал вместе с родителями в Вашем городе – 16 линия Старого посёлка, дом 14, квартира 3. Отец кандидата – Соломин Николай, работал машинистом мартеновского цеха Кабаковского металлургического завода. С 1932 года родители кандидата и сам т.Соломин проживают в г.Советске по улице Молотова, дом 51. На основании постановления правительства и ЦК ВКП(б) о спецнаборе в школы ВВС РККА Вы обязаны немедленно проверить все данные, указанные в спецанкете по отношению родителей и родственников т.Соломина. Спецанкета должна быть Вами подписана и заверена печатью РИКа, желательна подпись представителя НКВД. Заполненную и оформленную спецанкету немедленно высылайте спецной почтой по адресу: г.Киров, крайком ВЛКСМ, т.Стрельцову» (АОАСГО. Ф.Р-1, оп.3, д.57, л.29,57),

«19 августа 1935 года. Город Кабаовск. Горсовет. Для выявления социального происхождения гр.Коробейниковой секретная часть треста «Свердлес» просит сообщить необходимые сведения на гр.Коробейникову Надежду Фёдоровну, уроженку г.Кабаовска, проживающую в Новом посёлке по улице Рабочей Молодёжи, дом 21. Нас интересует материальное и социальное положение её родителей, состояние в правах гражданства как близких родственников, так и её самой, о судимости и другие вопросы, дающие полную ясность личности гр.Коробейниковой. Просьба данные материалы направить по адресу: г.Свердловск, Дом промышленности, «Свердлес», спецсектор. Начальник спецсектора треста Кучур». На запрос из горсовета был дан следующий ответ: «Кабаковский горсовет сообщает, что отец Коробейниковой Надежды Фёдоровны –

Коробейников Ф.Ф. до революции был приказчиком у крупного торговца Шадрина, а потом сам имел свой обувной магазин на рынке в Кабаковске. Отец и брат Коробейниковой лишены права голоса»,

«30 мая 1935 года. Председателю Кабаковского райисполкома Свердловской области. Поставленные перед Рабоче-Крестьянской Красной Армией задачи требуют полной изоляции её от классово-чуждого и морально-разложившегося элемента. В призыве текущего года поставлена задача – не допускать в РККА ни одного чужака, ни одного морально-разложившегося. Эта задача может быть выполнена только при активном участии, в деле классового отбора призывников, всей пролетарской общественности. Пермский медицинский институт просит выслать характеризующие данные на гражданина Ковалёва Василия Семёновича, 1917 г.р., происходящего из граждан вашего района и подлежащего призыву, и дать определённое заключение о возможности или невозможности допустить его в ряды Красной Армии. Справку со своим заключением, подписями и печатью выслать по нашему адресу, указанному на штампе, не позднее 25 июля 1935 года» (АОАСГО. Ф.Р-1, оп.3, д.46, л. 590, 591, 610).

Аналогичные запросы отправляли в другие города страны и спецотделы городских предприятий и учреждений: «8 августа 1934 года. Город Нижний Тагил, горсовет, секретная часть. На нашем заводе работает в качестве юристконсульта уроженец г.Н.Тагила Коряков Антон Савич, в отношении которого поступили сведения, что он сын крупного тагильского кулака-торговца, имевшего два дома, три крупных магазина и мать его ещё сейчас хранит иконы в золотой оправе. Прошу выяснить данные обстоятельства и все имеющиеся у Вас сведения, как о самом Корякове, так и его родителях сообщить секретной части завода имени И.Д.Кабакова города Кабаковска. Ответственный исполнитель секретной группы Иванова» (ИПМ СМЗ. Д.7, л.83).

Помимо увольнения с работы бывшие землевладельцы, торговцы, кулаки, дворяне, полицейские, царские чиновники, владельцы частных предприятий, члены оппозиционных политических партий, белые офицеры, нэпманы, служители культа, монахи согласно статьи 69 Конституции РСФСР 1925 года и статей 14-17 Инструкции о выборах Советов, принятой ВЦИКом и опубликованной в ноябре 1926 года в «Известиях ВЦИКа СССР» (№263) лишались избирательного права и устранились от участия в выборах Советов. Списки лишенцев накануне выборов публиковались в бюллетене городской

избирательной комиссии. Статья 27 упомянутой выше инструкции оставляла за ними право в семидневный срок обжаловать это решение. Для восстановления в избирательных правах на лишенцев составлялись характеристики, заверенные местными органами власти. Вопрос о возвращении прав рассматривался на президиуме горсовета. В качестве примера приведём несколько протоколов таких заседаний:

«29 апреля 1934. СЛУШАЛИ: Дело по ходатайству спецпереселенца Бондаренко Ивана Васильевича проживающего в Богословске, от 20 марта 1932 года. Бондаренко И.В. 1893 г.р., жена Анастасия 1894 г.р., сын Виктор 1925 г.р. высланы в 1931 году за своё хозяйство. ПОСТАНОВИЛИ: Как не удовлетворяющему требованиям постановления Президиума ЦИК СССР от 3 июля 1931 года (отсутствие пятилетнего срока нахождения в ссылке) Бондаренко И.В. в ходатайстве о восстановлении избирательных прав отказать» (АОАСГО. Ф.Р-1, оп.2, д.60, л.2),

«7 января 1935 года. СЛУШАЛИ: Дело по жалобе гражданина Зыкова Ивана Ивановича, живущего в посёлке Рябовка Филькинского с/с, работающего в Филькинском биржевом хозяйстве, от 14 декабря 1934 года на неправильное лишение его избирательных прав как бывшего торговца рыбой в городе Кабаковске с 1927 по 6 апреля 1928 года по патенту 2-го разряда с годовым доходом 1230 рублей. ПОСТАНОВИЛИ: Исходя из имеющихся в деле материалов признать, что таковой подлежит лишению избирательных прав по действующей инструкции ВЦИК от 1 октября 1934 года о выборах в сельские Советы, независимо от принятого постановления Гаринского РИКа от 5 июля 1930 года о восстановлении его в избирательных правах, вынесенного в нарушение существующей инструкции ВЦИК от 4 ноября 1926 года о выборах в Советы, но принимая во внимание, что гражданин Зыков И.И. имел торговлю небольшую и непродолжительное время. С 1929 года работал в Зыковской коммуне, а с 1933 года по настоящее время – на Северо-Восточном лесопроизводственном участке лесного отдела металлургического завода, зарекомендовав себя ударником, добросовестно выполняющим производственные задания на 152%. Восстановить гражданина Зыкова И.И. на основании статьи 38 инструкции ВЦИК от 1 октября 1934 года о выборах в Советы в избирательных правах» (АОАСГО. Ф.Р-1, оп.2, д.164, л.8),

«23 января 1935 года. СЛУШАЛИ: Дело по жалобе гражданина Зырянова Андрея Григорьевича и Зыряновой Елизаветы Ивановны,

живущих в городе Кабаковске на улице Братская, дом №7, от 1 декабря 1934 года на не правильное лишение их избирательных прав, каковых они лишены в 1932 году президиумом Надеждинского РИКа по материалам Ольховского РИКа Челябинской области как членов раскулаченного в 1930 году хозяйства, имевших ветряную мельницу с эксплуатацией чужого труда до 500 человекодней в год, постоянных батраков и домработницу, занимавшихся торговлей хлебом в 1928-29 г.г. ПОСТАНОВИЛИ: Поскольку Зыряновыми при своей жалобе доказательств, опровергающих правильность их лишения избирательных прав не представлено, жалобу таковых оставить без удовлетворения (АОАСГО. Ф.р-1, оп. 2, д.158, л.31),

«18 апреля 1935 года. СЛУШАЛИ: Дело по жалобе гражданина Андрияновского с/с Есаулкова Михаила Павловича от 14 декабря 1934 года на неправильное лишение его избирательных прав как члена раскулаченного в 1933 году хозяйства, извлекавшего нетрудовые доходы от эксплуатации сельхозмашин на стороне и содержание батрака. ПОСТАНОВИЛИ: Поскольку имеющимися в деле материалами Горфо и Андрияновского с/с устанавливается, что гражданин Есаулов М.П. до революции и после, вплоть до раскулачивания в 1933 году, имел кулацкое хозяйство: пашни 2 га, сенокоса 5 га, две лошади, две коровы, мелкого скота до 10 голов, сельхозмашины (молотилку, веялку, конные грабли), извлекая в своём хозяйстве нетрудовые доходы от эксплуатации сельхозмашин на стороне и содержание в 1924-26 г.г. батрака, а гражданином Есауловым данные факты документами не опровергнуты, оставить жалобу без удовлетворения» (АОАСГО. Ф.Р-1, оп.2, д.141, л.2),

«10 июля 1935 года. СЛУШАЛИ: Дело по жалобе гражданина Турьинского поселкового Совета Дедюхина Фёдора Фёдоровича от 5 июля 1935 года на неправильное лишение его избирательных прав, как члена раскулаченного в 1931 году хозяйства отца в рабочем посёлке Турьинские рудники, возникшего и существовавшего от крупной торговли до революции и после, до 1927 года. ПОСТАНОВИЛИ: Вследствие того, что из предоставленных Кабаковским горфо и Турьинским поселковым Советом материалов устанавливается, что Дедюхин Ф.Ф. с момента совершеннолетия с 1920 года до момента раскулачивания хозяйства отца в 1931 году за неуплату госналогов по обложению доходов от торговли являлся полноправным членом этого хозяйства, принимая участие в торговой деятельности отца с марта 1923 по ноябрь 1925 года, а все остальное

время участвовал в ведении хозяйства. Представленными документами данные факты не опровергаются. Жалобу гражданина Дедюхина на основании статьи 15 инструкции ВЦИКа СССР от 1 октября 1934 года о выборах в Советы оставить без удовлетворения» (АОАСГО. Ф.Р-1, оп.2, д.108, л.7).

«13 июля 1936 года. СЛУШАЛИ: Дело по жалобе гражданина Угольного поселкового Совета Фомина Сергея Александровича, 1894 г.р., от 25 ноября 1934 года на неправильное лишение в избирательных правах как бывшего белогвардейского офицера и живущего с момента совершеннолетия с 1912 по 1917 год на нетрудовые доходы отца, священника в деревне Цыпиной Слободского с/с Кирилловского района Ленинградской области. ПОСТАНОВИЛИ: Поскольку из представленных гражданином Фоминым С.А. документов устанавливается: 1) что он, будучи офицером старой армии (прапорщик), в белых армиях не служил, а наоборот, с октября 1918 по 10 апреля 1923 года состоял в рядах РККА и принимал участие в походах против белых и 2) что с сентября 1923 по 1 ноября 1935 года состоял на службе Богословского леспромхоза, не участвуя в хозяйстве отца – признать лишение гражданина Фомина С.А. в избирательных правах в соответствии с требованиями статьи 15 и 16 инструкции ВЦИК от 1 октября 1934 года о выборах в Советы произведённым неправильно, а потому таковое отменить и гражданина Фомина из списков лиц, лишённых избирательных прав по Кабаковскому району, исключить» (АОАСГО. Ф.Р-1, оп.2, д.478, л.7)

Практика лишения избирательных прав впервые была применена в 1927 году во время выборов в Надеждинский городской, Тагильский окружной и Уральский областной Совет. В этом году городской избирком лишил права голоса 163 надеждинца. Всего по району от участия в выборах отстранили 560 человек. В декабре 1936 года была принята новая Конституция СССР, провозгласившая победу социализма в стране. Устанавливались всеобщие прямые, равные, тайные выборы в Советы всех уровней. Основным законом отменил исключение из политической жизни каких-либо категорий населения, кроме осуждённых судом и умалишённых. В годы массовых политических репрессий бывшие лишенцы вновь прошли через суровые испытания, многие из них оказались в сталинских лагерях. Судьбы этих людей сложились по разному.

3 октября 1937 года городским отделом НКВД был арестован Сычёв Руф Савельевич, отец известной в городе учительницы Марии Руфовны Сычёвой. Дело вёл помощник оперуполномоченного 4-го отделения Юдин. Сычёв родился 21 октября 1862 года в деревне Дружининская Слободского уезда Вятской губернии в семье крестьянина. Проживал по адресу: Старый посёлок, 9 линия, дом №80. До 1917 года занимался торговлей, имел собственный магазин. После революции жил на иждивении дочери Марии. Руфу Савельевичу было предъявлено обвинение по статье 58-10 УК РСФСР (контрреволюционная агитация и пропаганда). В обвинительном заключении говорилось: «Сычёв Р.С. будучи враждебно настроенным к Советской власти, среди окружающих его лиц систематически проводил контрреволюционную пропаганду, высказывал террористические настроения, дискредитировал руководство партии и Советское правительство. Сычёв говорил: «Рабочие сутками стоят голодные в очереди, материально не обеспечены, а Советская власть продукты отправляет за границу». Высказывал соболезнования врагам народа, осуждённым за убийство товарища Кирова, говоря: «За одного убивают сотни людей. Плохо царское правительство справлялось с коммунистами, нужно было перестрелять всех коммунистов». Сычёв распространял провокационные слухи о скором свержении Советской власти». Следственное дело по обвинению Сычёва было направлено на рассмотрение Тройки УНКВД по Свердловской области. На суде он виновным себя не признал, доказательства вины Сычёва, кроме протокола допросов, отсутствовали. 22 октября 1937 года Сычёв Руф Савельевич был приговорён к заключению в ИТЛ сроком на 10 лет. Реабилитирован в 1989 году (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.19318, л.9, 19). На момент вынесения приговора Руфу Савельевичу исполнилось 75 лет. Из всех надеждинцев, пострадавших в годы политических репрессий, он был самым старшим по возрасту.

Воеводин Алексей Николаевич, родился 17 марта 1892 года в г.Енотаевске Астраханской губернии, из крестьян. Окончил ремесленное училище в Симбирске. Работал слесарем и монтером по двигателям внутреннего сгорания на Гурьевской фабрике в г.Акчурынске. В 1915 году призван на военную службу. В 1916 году окончил Чистопольскую школу прапорщиков, затем направлен в Симбирск младшим офицером в запасной полк. С декабря 1916 года в действующей армии. В апреле 1917 года отправлен в Румынию, в распоряжение начальника инженеров 9-й армии Румынского фронта.

Служил в должности помощника младшего производителя работ в 6-й строительной партии 9-й армии. 13 марта 1918 года со своей частью прибыл в Кишинёв, где её расформировали. В июне вернулся домой к родителям, которые проживали на станции Магино Московско-Казанской железной дороги. С началом Гражданской войны вступил добровольцем в Белую армию, служил младшим офицером в сапёрной роте. В январе 1919 года в городе Кургане в результате переформирования зачислен в 3-й инженерный дивизион. Под Красноярском попал в плен к красным. Пройдя проверку в ВЧК направлен в Екатеринбург, а оттуда в июле 1920 года приехал в Надеждинск и поступил слесарем в кузнечно-механический цех, где проработал 8 лет. С 1928 по февраль 1930 года – заведующий механизацией лесного хозяйства Надеждинского завода, с марта 1930 – механик Надеждинского леспромхоза. Проживал по адресу: Старый посёлок, 1 линия, дом №7, квартира 6. Арестован 7 ноября 1930 года, обвинялся по статье 58-7 в совершении диверсии. В обвинительном заключении говорилось: «Гражданин Воеводин А.Н. будучи антисоветски настроенным специалистом, распространял контрреволюционные идеи среди окружающих его специалистов. С целью затруднения лесозаготовок, срыва выполнения производственной программы и оставления Надеждинского завода без топлива он всячески тормозил развитие механизации лесозаготовок – механизированную валку и возку леса. Кроме того Воеводин состоял членом вредительской контрреволюционной организации, был связан с областным инженерным центром, от которого получал вредительские установки по дезорганизации лесного хозяйства Надеждинского района». 9 января 1932 года уполномоченный 1-го отделения ЭКО ПП ОГПУ по Уралу Перфильев рассмотрев материалы следственного дела по обвинению Воеводина за отсутствием состава преступления постановил дальнейшее расследование приостановить, а Воеводина из-под стражи освободить (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.44859, т.4, л.1, 14, 44, 64, 67). 7 ноября 1932 года Воеводин вновь был арестован. 22 ноября Коллегией ОГПУ по Свердловской области приговорён к пяти годам заключения в ИТЛ.

Клёнов Александр Матвеевич, родился 14 ноября 1886 года в Турьинских рудниках в семье служащего. Окончил Турьинское горное училище. С 1903 по 1918 год работал в мартеновском цехе Надеждинского завода, сначала техником, потом сменным мастером. В 1905 году вступил в группу социал-демократов. В 1917 году

примкнул к эсерам. В августе 1917 года на выборах в волостное земство был избран гласным по спискам партии социалистов-революционеров. Работал заместителем председателя Надеждинской волостной управы. В период пребывания белых в Надеждинске занимал должность председателя волостной земской управы. В июле 1919 года с Белой армией эвакуировался в Новосибирск. В 1920 году вернулся из Сибири в Екатеринбург и поступил работать инспектором в Рабоче-Крестьянскую инспекцию. С 1921 по 1923 год работал в Надеждинске в Богословском тресте поверенным по делам. В 1923-1925 г.г. – начальник отдела по организации труда отделения треста «Уралмедь» в Невьянске, в 1925-1929 г.г. – в Свердловске, в 1929-1932 г.г. – начальник отдела технического нормирования Магнитогорского металлургического комбината, затем помощник начальника отдела строительства, в 1932-1935 г.г. – начальник отдела организации труда на Ревдинском заводе, в 1935-1937 г.г. – начальник отдела организации труда в Турьинских рудниках, с 1937 года работал в должности производителя работ «Востоктеплостроя». Проживал в Свердловске по адресу: улица Октябрьская, дом 57. Находясь по служебным делам в Надеждинске Клёнов 8 марта 1938 года был арестован оперуполномоченным 4-го отделения Надеждинского ГО НКВД сержантом ГБ Юдиным как организатор контрреволюционной эсеровской организации в Турьинских рудниках, созданной в 1936 году для вооружённой борьбы с Советской властью. Обвинялся по статье 58-10,11 (участие в контрреволюционной организации, контрреволюционная агитация и пропаганда). В обвинительном заключении по делу Клёнова говорилось: «В 1934 году Клёнов был вовлечён в контрреволюционную организацию правых в Ревдинском районе участником организации эсером Юдиным А.И. По заданию Юдина проводил вредительскую деятельность на строительстве медеплавильного комбината, увеличивал штаты, перерасходовал фонды заработной платы, срывал ударничество и соцсоревнование, искажал единые всесоюзные нормы расценок. Клёнов А.М. в 1936 году по заданию руководителя надеждинской контрреволюционной организации эсера Борцова в посёлке Турьинские рудники создал эсеровскую организацию из пяти человек. Контрреволюционная организация ставила своей целью борьбу с партией и Советской властью, для этого готовила вооружённое восстание против Советской власти. В 1936-1937 г.г. готовил кадры для вооружённого восстания, вовлекал новых лиц в контрреволюционную эсеровскую

организацию» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.6770, л.38). В ходе предварительного следствия Клёнов виновным себя не признал. Его следственное дело было направлено на рассмотрение Тройки УНКВД по Свердловской области, однако до суда оно не дошло. Из областного управления НКВД в Надеждинский горотдел пришло следующее распоряжение: «Дело на Клёнова нужно прекратить, а его самого из-под стражи освободить, взяв на формулярный учёт по окраске «эсеры». Клёнов нами намечен к вербовке для проработки бывших эсеров» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.6770, л.63). 22 апреля 1939 года Клёнов был освобождён из надеждинского следственного изолятора, где он содержался с момента ареста. Насколько тесно сотрудничал Клёнов с органами НКВД и сотрудничал ли вообще на сегодняшний день неизвестно.

Бабинцев Иван Яковлевич, родился 16 июня 1888 года в деревне Кисели Калачуговского сельсовета Кировской области в семье зажиточного крестьянина. В 1910 году был призван в армию, закончил школу прапорщиков в Риге, остался на сверхсрочную службу, имел звание унтер-офицера. С начала Первой мировой войны в действующей армии, воевал в артиллерии, в начале 1915 года попал в плен, содержался в лагере для военнопленных в городе Клейвинтенберге (Восточная Пруссия). Находясь в плену экстерном закончил школу и получил среднее образование. В конце ноября 1918 года через Латвию вместе с русскими военнопленными отправлен в Советскую Россию. Вернулся домой и работал учителем в начальной сельской школе. С 1924 по 1929 год работал заведующим распределительным складом и магазином в Обществе потребителей. В 1929 году семья была раскулачена, а Ивана Яковлевича за борьбу против организации колхозов осудили по статье 116 УК РСФСР на 3 года. Бабинцев отбывал срок в Мурманском концлагере. После освобождения приехал в Надеждинск, где поступил на работу в ОРС металлургического завода. В 1933 году, как сын кулака вновь осуждён на 3 года ИТЛ по статье 111 УК РСФСР. В апреле 1936 года вернулся в Надеждинск и устроился на завод №76 помощником бухгалтера материальной группы. Проживал по адресу: Новый посёлок, 2 линия, дом 22. 11 апреля 1938 года арестован за причастность к разведывательным органам одного из иностранных государств, по заданию которого проводил шпионскую деятельность (статья 58-6 УК РСФСР). На основании дополнительного расследования, проведённого УНКВД по Свердловской области, улики изобличающих

Бабинцева, не было обнаружено. Поэтому, 28 декабря 1938 года дело прекратили, а самого Ивана Яковлевича освободили из-под стражи (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.1, д.6090, л.1,4,8).

Суслопаров Григорий Ефимович, родился в 1890 году в деревне Вороное Вятской губернии в семье крестьянина. С 1911 года служил в армии. Участник Первой мировой войны, в 1915 году попал в плен, до весны 1921 года содержался в городе Вентенберг (Германия), работал на строительстве автомобильных дорог. После плена вернулся на родину, где занимался хлебопашеством. В 1928 году приехал в Надеждинск и поступил на Каквинское углежжение. С 1931 года работал в заводском комунхозе плотником. Проживал по адресу: Новый посёлок, 1 линия, дом 80. Арестован 11 апреля 1938 года по обвинению в том, что являлся агентом германской разведки. Однако, за недостаточностью улик дело было прекращено. 16 сентября 1938 года Суслопарова освободили из-под стражи (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.1795, л.6-7).

Одним из основных направлений политики государства по отношению к классово-чуждому элементу стало его трудовое перевоспитание. 19 ноября 1928 года Надеждинский исполком принимает решение о создании в составе административной части районного бюро принудительных работ: «В связи с переходом на трудовое исправление преступников путём привлечения их к принудительным работам, дающем больше пользы, чем изоляция, тем более тех категорий преступников, которые осознают свою вину перед рабочими и крестьянами и всемерно стремятся её загладить, организацию районного бюро принудительных работ считать целесообразной и своевременной» (АОАСГО. Ф.Р-1, оп.1, д.160, л.101).

Организацией бюро занимался начальник административной части исполкома Бессонов. Ему поручалось в месячный срок наметить план организации и порядок проведения принудительных работ. К этим работам привлекались лица, осуждённые за административные правонарушения. Для их содержания в марте 1929 года была организована исправительно-трудовая колония открытого типа, расположенная на правом берегу Каквы около автомобильного моста. В колонии содержались также и спецпереселенцы, бежавшие из мест ссылки. Контингент размещался в девяти бараках, для сотрудников построили шесть двухэтажных домов. Осуждённые выполняли общественные работы по благоустройству улиц, ремонту дорог,

строительству. С начала 30-х годов их труд стал активно использоваться на металлургическом заводе. В колонии имелось своё подсобное хозяйство, конный двор, столовая, издавалась стенгазета «Перековка», работал клуб имени Дзержинского. Начальниками ИТК работали Зернин и С.Рослов. В 1935 году колонию передали в ведение НКВД, с этого времени она стала режимной. Новым начальником был назначен Литвиненко Алексей Ефремович, 1904 г.р., уроженец села Александровского Северо-Кавказского края, из крестьян, образование начальное, член ВКП(б) с 1926 года. В 1926-1928 годах служил в кавалерийских частях, затем работал в НКВД. Начальником охраны служил Попов Николай Михайлович, 1909 г.р., уроженец Залазнинского завода Кировской области, образование среднее незаконченное, член ВКП(б), в 1933-1935 годах – младший командир Красной армии.

Летом 1936 года в городе повсеместно проходили собрания трудовых коллективов в знак поддержки приговора, вынесенного лидерам троцкистско-зиновьевской оппозиции. Не остались в стороне и работники колонии. В августе на профсоюзном собрании с докладом о троцкистско-зиновьевском контрреволюционном террористическом центре выступил председатель профкома Катаев. По итогам собрания была принята резолюция: «Общее собрание членов профсоюза ИТК единодушно одобряет приговор Военной Коллегии Верховного Суда СССР о расстреле контрреволюционного троцкистско-зиновьевского центра и их своры. Вынесенный приговор полностью соответствует нашему желанию и желанию миллионов трудящихся нашей страны социализма. Советский Союз не мог решить иначе, не могло быть и не будет никакой пощады убийцам, предательски из-за угла убившим нашего пламенного трибуна С.М.Кирова. Собрание присоединяет свой голос к требованию трудящихся нашей страны о расследовании связей Бухарина, Рыкова, Пятакова, Радека с троцкистско-зиновьевской бандой, чтобы раз и навсегда покончить со всякой нечистью, положить конец посягательствам на счастье нашей Родины, на любимых наших вождей. Мы знаем, как коварны педобитые остатки врага, мы железными рядами окружили нашу ленинскую-сталинскую партию и ни одного гада не подпустим к нашему великому родному Сталину, который ведёт наш 170-ти миллионный народ верной ленинской дорогой к счастливому коммунистическому обществу. Задача каждого члена профсоюза – своевременно вскрывать

и распознавать классового врага, в какой бы он форме не маскировался» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.16580, л.24).

При обсуждении резолюции начальник финансовой части Павел Иванович Бархатов заявил о том, что Троцкий и Зиновьев выступали не против Советской власти, а против руководящего состава ЦК ВКП(б) и не вели никакой контрреволюционной работы.. Это послужило поводом для его ареста. На следствии Бархатов не отказался от своих слов. 14 мая 1937 года Военным трибуналом Внутренней охраны Свердловской области в закрытом судебном заседании в городе Свердловске он был приговорён по статье 58-10 УК РСФСР к пяти годам ИТЛ за контрреволюционную агитацию. Наказание Бархатов отбывал в СевВостЛаге, где скончался 8 января 1938 года.

В декабре 1936 года ИТК ликвидировали, имущество распределили по различным учреждениям, а на её территории разместили посёлок для спецпереселенцев. Начальника колонии Литвиненко перевели на должность начальника Первоуральской ИТК, а персонал в Ивдельские лагеря и тюрьму города Молотов.

Глава 7. Политэмигранты и иностранные граждане.

В 30-е годы, когда велись активные поиски «внутренних и внешних врагов, мешающих построению социализма в СССР», карательные органы не могли не обратить внимание на политэмигрантов и иностранных подданных, проживающих в нашей стране. Репрессии были напрямую связаны с представлениями о враждебности к Советскому Союзу окружающих государств. Отношение власти к гражданам стран вероятных противников было с вызывающей откровенностью выражено 12 апреля 1938 года в издававшейся в Москве для распространения за рубежом газете «Journal de Moscou»: «Не будет ни в коем случае преувеличением, если сказать, что каждый японец, живущий за границей, является шпионом, также как и каждый немецкий гражданин, живущий за границей, является агентом гестапо». 20 июля 1937 года Политбюро ЦК ВКП(б) постановило «дать немедленно приказ по органам НКВД об аресте всех немцев, работающих на оборонных заводах». 30 июля подписывается приказ, касавшийся уже советских граждан немецкой национальности. В августе появились аналогичные решения относительно поляков, а затем и корейцев, латышей, эстонцев, финнов, греков, китайцев,

иранцев, румын. Под нож репрессий попали советские граждане, ранее работавшие на Китайско-Восточной железной дороге, вернувшиеся в СССР после продажи дороги в 1935 году. В приказе НКВД от 20 сентября 1937 года говорилось, что они «в подавляющем большинстве являются агентурой японской разведки». 23 октября был издан приказ в котором делался упор на то, что агентура иностранных разведок переходит границу под видом лиц, ищущих политического убежища, и предлагалось «всех перебежчиков, независимо от мотивов и обстоятельств перехода на нашу территорию, немедленно арестовывать». Предавались суду и профессиональные революционеры, переходившие на территорию СССР. Соображениями государственной безопасности были продиктованы и меры об «очищении» приграничной полосы от населения, этнически родственного народам сопредельных стран.

Много иностранных граждан проживало и в нашем городе. К их числу относились бывшие военнопленные Первой мировой войны, решившие остаться в Надеждинске; немецкие специалисты, приехавшие в период мирового экономического кризиса по приглашению Советского правительства для работы на металлургическом заводе; политэмигранты и перебежчики, незаконно перешедшие границу в поисках лучшей жизни и направленные на работу в Надеждинск, для них в городе на Первом разъезде был организован специальный посёлок, получивший название «городок эмигрантов». Практически все иностранные граждане, проживавшие в Надеждинске, подверглись репрессиям.

С 1915 года в Надеждинске работал бывший военнопленный Домбрус Ян Янович. Он родился в 1891 году в деревне Воля Краковской губернии в Польше, по национальности – поляк. Из крестьян, окончил сельскохозяйственную школу. С началом Первой мировой войны был призван в австрийскую армию. В бою под городом Люблин попал в плен. Содержался в лагере для военнопленных в Томске. В конце 1915 года в лагерь приехал представитель БГО для вербовки из числа пленных рабочих на предприятия округа. Таким образом Домбрус оказался в Надеждинске, поступил работать разнорабочим в службу пути Богословско-Сосьвинской железной дороги. На момент ареста – бригадир 18-й дистанции службы пути. Арестован 14 декабря 1937 года. В обвинении, предъявленном Домбрусу говорилось, что он, работая бригадиром службы пути и будучи враждебно настроенным к

Советской власти и ВКП(б) вёл среди рабочих антисоветскую агитацию о плохой жизни в СССР, восхвалял старый строй, положительно отзывался о жизни за границей, открыто высказывался против займа на оборону страны. Накануне Октябрьских торжеств 1936 года пытался произвести диверсионный акт с товарно-пассажирским поездом №409, оставив на пути деревянную раму для поворота вагонетки. Авария была предотвращена благодаря бдительности машиниста. В целях срыва работы по ремонту пути других околотов Домбрус сознательно задерживал у себя в кладовой остродефицитные материалы. Кроме того, Ян Янович обвинялся в соотрудничестве с польской разведкой, по заданию которой собирал сведения шпионского характера о выработке продукции на Урале, развитии железнодорожного транспорта и его пропускной способности (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.27717, л. 2,5,17). Делом Домбруса занимались следователи дорожно-транспортного отдела УГБ НКВД станции Надеждинск младший лейтенант ГБ Иванов и лейтенант ГБ Яцинюк. В ходе следствия обвиняемый виновным себя не признал. Решением Особой Тройки НКВД 31 марта 1938 года Домбрус приговорён к 10-ти годам ИТЛ по статье 58-6, 9, 10 УК РСФСР. Наказание отбывал в СевВостокЛаге в городе Владивостоке. В следственном деле Домбруса каких-либо материалов, изобличающих его в шпионской деятельности, не содержится. 26 декабря 1958 года Ян Янович Домбрус был реабилитирован за отсутствием состава преступления.

Другой бывший военнопленный австрийской армии Иван Васильевич Андель проживал в Надеждинске с 1918 года. Он родился 15 ноября 1890 года в городе Сатумаре (Венгрия), по национальности венгр, из семьи служащего. В 1914 году был мобилизован в австро-венгерскую армию. В 1916 году попал в плен. С 1916 по 1918 год работал в Богословске на разных работах, в 1918-1923 г.г. – закройщик сапожной мастерской в Надеждинске, в 1923-1924 г.г. – на металлургическом заводе, в 1924-1928 – десятник в Морозковском лесничестве, в 1928-1929 – старший мастер артели сапожников, с 1929 года по день ареста – экспедитор кузнечно-механического цеха металлургического завода. В 1932 году получил гражданство СССР. Иван Васильевич проживал по адресу: Старый посёлок, 4 линия, д.14, кв.4. Арестован 18 февраля 1938 года горотделом НКВД за причастность к немецкой разведке, по заданию которого вёл разведывательную деятельность на территории СССР. Во время

следствия Андель содержался в Нижнетуринской тюрьме. Обвинялся по статье 58-6 УК РСФСР. Произведённым по делу дополнительным расследованием виновность Анделя не подтвердилась, следственное дело было прекращено, а сам он освобождён из-под стражи (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.35357, л.4). 23 июля 1941 года Андель арестован вновь. На этот раз Ивану Васильевичу вменялось в вину, что он среди окружающих вёл контрреволюционную пораженческую агитацию, восхвалял немецкую армию, распространял провокационные слухи о потерях Красной Армии на фронте, кроме того, дискредитировал одного из руководителей партии и Советского правительства, возводил клевету на печать. Следствие вёл старший следователь ГО НКГБ сержант ГБ Подмазов, обвинительное заключение утвердил начальник ГО НКГБ лейтенант ГБ Шумков. Допросы обвиняемого проводились в ночное время. Военным трибуналом войск НКВД Свердловской области 15 октября 1941 года в закрытом судебном заседании, проходившем в помещении Серовского ГО НКГБ в составе председателя Свирина, членов Панова и Усольцева Андель Иван Васильевич был приговорён к расстрелу по совокупности совершённых им преступлений по статьям 58-10 и 121 УК РСФСР. 13 декабря 1941 года приговор приведён в исполнение.

В августе 1916 года судьба забросила в Надеждинский район бывшего солдата австрийской армии Гайста Льва Александровича. Родился он в 1888 году в городе Вене, по национальности – австриец, из семьи рабочего. Закончил торгово-коммерческое училище в Будапеште. С 1907 года работал конторщиком в торговом доме акционерного общества «Вайс и Ко», с 1908 года – в филиале американской насосной фирмы «Виртингтон». В начале Первой мировой войны призван в австрийскую армию. 12 сентября 1914 года под городом Грубешов Волынской губернии был ранен и попал в плен. Два месяца находился на излечении в Новоград-Волынском. С декабря 1914 по июль 1916 года содержался в лагере военнопленных на станции Даурия в Забайкалье. В Надеждинск приехал с партией пленных, завербованных для работы на предприятиях БГО. Работал лесорубом в Надеждинском лесничестве, после революции счетоводом, а с 1921 года по день ареста – заведующим отделом статистики. Проживал по улице Кирова, дом 66. В 1929 году получил австрийский паспорт. В 1931 году выезжал к родственникам за границу в Вену, Берлин и Прагу. В 1938 году Гайст собирался вернуться на родину, но 18 февраля он был арестован как агент

германской разведки. Следствие продолжалось два года. 31 марта 1940 года Особым совещанием НКВД СССР осуждён на 8 лет ИТЛ по статье 58-6 за шпионскую деятельность в пользу Германии. Срок отбывал в Магадане, где скончался в 1943 году (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.28854, л.1,5, 30).

Городским отделом НКВД совместно с УНКВД по Свердловской области в июле-декабре 1937 года были сфабрикованы следственные дела агентов германской разведки в Надеждинске. К их числу относились формовщики чугуно-литейного цеха металлургического завода Ганс Каусман, Карл Лидке, Гуго и Вальтер Штайнкопфы, Рудольф и Вильгельм Мюльпфорте, экспедитор кузнечно-механического цеха Иван Васильевич Андель, мастер сортопрокатного цеха Иосиф Шильган, а также проживавший в Свердловске бывший рабочий Надеждинского завода Эрвин Мюллер – формовщик «Уралмаша». Большинство из них принадлежало к числу иностранных специалистов, прибывших в Надеждинск из Германии в начале 30-х годов по направлению ВСНХ. В это время на металлургическом заводе проходила модернизация производства, поэтому знания и опыт этих людей оказались весьма кстати. С иностранными специалистами подписывался годичный договор, который по истечении срока мог продлеваться или прекращаться по желанию одной из сторон. Приведём текст одного из таких договоров, заключённого в феврале 1935 года:

«Настоящий договор заключён между заводом имени Кабакова треста «Востоксталь» в лице директора завода т.Стельмаховича А.Т., действующего на основании доверенности, выданной Управлением треста от 31.02.1934 года за №43016 – с одной стороны, и группой иностранных рабочих: Мюльпфорте Вилли, Мюллера Эрвина, Штайнкопфа Гуго, Штайнкопфа Вальтера, Каусмана Пауля, Лидке Карла, Мюллера Эмиля, Шпанеля Ганса, Каусмана Ганса, Мюльпфорте Руди, Гаша Августа – с другой стороны, именуемые в дальнейшем: первый – «завод», а вторые – «инорабочие».

1. Инорабочие соглашаются продолжать работу на заводе в качестве: Мюльпфорте Вилли – слесарем, Мюллер Эрвин – столяром-модельщиком, Каусман Пауль – инструктором по машинному литью, Лидке Карл – мастером по литью изложниц, а остальные формовщиками, сроком на один год с момента подписания настоящего договора. Завод инорабочих должен использовать на работах по их специальностям.

2. За выполнение работ завод уплачивает инорабочим вознаграждение на общих основаниях и наравне со всеми работающими в цехе, по существующим нормам и расценкам, за исключением мастера Лидке и инструктора Каусмана Пауля. Мастеру Литке устанавливается оклад в 500 рублей в месяц и премия за качественную выработку по специальной шкале, инструктору Каусману Паулю – оклад 400 рублей в месяц.

3. Вознаграждение инорабочим заводом выплачивается в сроки, установленные коллективным договором, заключённым с Союзом металлургов.

4. За всеми инорабочими завод закрепляет занимаемые ими квартиры, с оплатой со скидкой с существующего тарифа в размере 50%.

5. Завод представляет инорабочим один раз в течение года работы отпуск на общих основаниях, продолжительностью, установленной для каждой профессии КЗОТом и колдоговором.

6. Инорабочие подчиняются правилам внутреннего распорядка, существующим на заводе, условия их труда регулируются Кодексом законов о труде.

7. Для повышения квалификации и политвоспитания инорабочих завод предоставляет помещение в одной из комнат специального назначения в заводском клубе в течение месяца по 4 часа каждый раз.

8. Завод за свой счёт для инорабочих выделяет в городском театре 6 постоянных мест.

9. По прекращению инорабочими за истечением срока договора, завод обязуется оплатить стоимость обратного проезда, как самого инорабочего, так и его семьи, если инорабочий действительно выезжает из СССР за границу по маршруту, указанному заводом и не позднее одного месяца со дня окончания срока договора» (АОАСГО. Ф.Р-20, оп.1, д.230, л.1).

Аресты немецких специалистов начались в июле 1937 года и продолжались до конца декабря. Первым 30 июля был арестован Эрвин Эмильевич Мюллер, 1912 г.р., уроженец Берлина, из потомственных рабочих, образование среднее, владел русским языком. В наш город приехал в июле 1931 года с группой немецких специалистов. В 1936 году получил вид на жительство в СССР. В 1932-1937 г.г. – член ВЛКСМ, исключён за отказ учиться в совпартшколе. По версии следствия Эрвин Мюллер являлся резидентом германской разведки на Северном Урале. Обвинялся по

ст.58 п.6 УК РСФСР. В обвинительном заключении говорилось: «В 1931 году Мюллер вовлечён в Национал-социалистическую партию и завербован гестапо для секретной работы на территории сопредельных государств. По заданию тайной полиции выехал в СССР для шпионско-диверсионной работы и создания фашистских ячеек на промышленных предприятиях Урала. Прибыв в Надеждинск, занимался шпионской деятельностью против СССР» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.38373, л.25). Об аресте Мюллера стало известно его родителям, проживавшим в Берлине. За помощью и содействием они обратились к правительству Германии. Дело приобрело международный характер. От германской стороны в Наркомат иностранных дел СССР поступил запрос о судьбе арестованного. 4 января 1938 года по решению Особого совещания НКВД Мюллер был выслан за пределы СССР.

Остальным повезло значительно меньше. 15 декабря 1937 года арестовали группу немецких специалистов, работавших на заводе, в числе которых были:

Мюльпфоте Вилли Вильгельмович, 1909 г.р., уроженец г.Магдебурга, из семьи потомственных рабочих, образование – 8 классов школы, владел русским языком. В 1936 году получил гражданство СССР. В Надеждинск приехал с братом и отцом в июле 1931 года, отец вернулся на родину в 1934 году. Проживал: ул.Парковая, д.10а, кв.1. Работал слесарем в чугуно-литейном цехе. Постановлением Комиссии НКВД и Прокуратуры СССР осуждён 14 января 1938 года, расстрелян 14 февраля 1938 года (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.42383, л.5)

Мюльпфоте Руди Вильгельмович, 1913 г.р., уроженец г.Берлина, образование – 8 классов школы, владел русским языком. Работал формовщиком чугуно-литейного цеха. С 1936 года гражданин СССР. Имел семью: жена Костылева Антонина Никифоровна, 1912 г.р., токарь завода №76. Проживал – ул.Парковая, д.10а, кв.1. Член ВЛКСМ в 1934-1937 г.г., исключён за связь с резидентом германской разведки Эрвином Мюллером. Осуждён 14 января 1938 года, расстрелян 23 февраля 1938 года (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.39630, л.5)

Лидке Карл Фердинандович, 1892 г.р., уроженец деревни Фаронвальде земли Бранденбург, из семьи потомственных рабочих, проживал по адресу: ул.Богословская, д.10, кв.2. Образование – 8 классов школы. В 1914-1918 г.г. служил рядовым в германской армии. С 1921года член Коммунистической партии Германии, за участие в

демонстрациях в 1921-1923 г.г. неоднократно арестовывался немецкой полицией. В июле 1931 года приехал в Надеждинск. Работал мастером по литью изложниц в чугуно-литейном цехе. Осуждён 15 января 1938 года, расстрелян 4 марта 1938 года (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.43146, л.1)

Каусман Пауль Августович, 1885 г.р., уроженец г.Бранденбург, из семьи потомственных рабочих, имел начальное образование. Член Социал-Демократической партии Германии. Проживал по адресу: ул.Парковая, д.10а, кв.4. Работал формовщиком в чугуно-литейном цехе. Осуждён 12 января 1938 года, расстрелян 2 февраля 1938 года (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.23492, л.4,12,14,16)

Штайнкопф Вальтер Фердинандович, 1905 г.р., уроженец г.Гааген земли Вестфалия, из семьи потомственных рабочих, образование – 8 классов школы. В Надеждинск приехал в июле 1931 года. Работал формовщиком чугуно-литейного цеха. Проживал по адресу: Новый посёлок, 15 линия, д.2, кв.1. В 1932-1935 г.г. – член ВКП(б), исключён в результате партийной чистки. С 1934 года по день ареста – депутат городского Совета (промышленная секция). В 1936 году получил гражданство СССР. Осуждён 14 января 1938 года, даты расстрела в деле нет (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.42385, л.1,5)

Штайнкопф Гуго Фердинандович, 1896 г.г., уроженец г.Гааген, из семьи потомственных рабочих, образование – 8 классов школы. Сменный мастер чугуно-литейного цеха. В 1915-1916 г.г. – рядовой германской армии. В 1931-1933 г.г. состоял кандидатом в члены ВКП(б), исключён в результате партийной чистки. Проживал по адресу: Старый посёлок, 12 линия, д.11. Гражданин СССР с 1936 года. Осуждён 21 января 1938 года, расстрелян 17 февраля 1938 года (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.26881, л.2,7).

Следствие по делу иностранных специалистов вёл оперуполномоченный 3-го отделения ГО НКВД Иванов. Следственные дела иностранных граждан, как впрочем и многие другие, передавались на рассмотрение во внесудебные органы (Особое совещание НКВД, Комиссия НКВД, Особая тройка НКВД). Комиссией НКВД они были признаны виновными по статье 58-6 УК РСФСР в том, что являлись агентами германской разведки и занимались шпионской деятельностью. По делу германских агентов прошли также многие спецпереселенцы немецкой национальности, проживавшие в городе и районе. Большинство из них было расстреляно или получило длительные сроки заключения.

Помимо немцев в Надеждинске проживали поляки, болгары, финны, румыны. В поисках лучшей жизни они нелегально переходили советскую границу, после чего оказывались в лагерях для перемещённых лиц, откуда их направляли на работу в различные города страны. Для перебежчиков в нашем городе был построен специальный посёлок, получивший название «городок эмигрантов». Он находился на Первом разъезде. Один из перебежчиков, Андрусисин Пётр Васильевич, объяснял причины перехода границы так: « В 1920 году умерла моя мать, а в 1921 году – отец. Я остался с сестрой Прасковьей. Нам было очень плохо жить материально, поэтому я решил поехать к своей родной сестре Мякота Анне Васильевне, которая проживала в это время на территории Советского Союза, в городе Одессе, где она оканчивала мединститут. В 1928 году я получил от неё письмо, в котором она приглашала меня к себе. Моя сестра в 1918 году была медсестрой в Красной армии, попала в плен к полякам, освободившись жила в Полтавской области, затем поселилась в Одессе. Я решил во что бы то ни стало попасть в СССР к своей сестре Мякота А.В. Поскольку я жил тогда на территории Польши, я обратился в Советское консульство во Львове с просьбой разрешить мне въезд в СССР. Однако, мне в этом было отказано без указания на мотивы. Несмотря на это, я всё-таки не отказался от своих намерений и решил нелегально перейти границу Польши и СССР. 22 января 1932 года я и Мартыновский Амврозий перешли границу в районе города Гусятин Тернопольской области и на советской стороне были задержаны пограничниками. Мы были переданы органам ГПУ в городе Каменец-Подольском, затем в город Умань, Винницу, Киев. Из Киева нас повезли в Саровский лагерь, расположенный недалеко от Нижнего Новгорода. В 1933 году находящихся в лагере начали вербовать на работу в промышленность. Так я попал в Надеждинск, там я работал на строительстве, потом – на хлебокомбинате и десятником на металлургическом заводе» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.34098, т.9, л.455-456). Пётр Васильевич Андрусисин родился в 1907 году в селе Липица Верхняя Большевецкого района Станиславской области в семье крестьянина. Окончил гимназию в городе Рогатин. Инвалид, в результате несчастного случая в 1916 году потерял ногу. 14 сентября 1937 года был арестован по обвинению к принадлежности к «Польской организации войсковой» (ПОВ). Осуждён на 10 лет, срок наказания отбывал в Усть-Вымлаге Коми АССР. В 1947 году, выйдя из заключения, поселился в городе Бережаны.

В августе-октябре 1937 года городским отделом НКВД были арестованы и привлечены к ответственности 160 перебежчиков из буржуазной Польши по делу «Польской организации войсковой». В действительности ячейки такой антисоветской организации в Надеждинске и районе не существовало. В самой Польше она была распущена в 1922 году. Следственные материалы в отношении ПОВ были сфальсифицированы бывшими работниками УНКВД Свердловской области. Факт фальсификации в отношении указанной организации подтвердили и бывшие сотрудники УНКВД Дьяконов, Ожгихин, Боярский, Иванов и другие. Проводивший следствие по делам многих арестованных Ожгихин в своём объяснении 31 марта 1939 года показал: «В практике работы Надеждинского ГО НКВД по установке представителя УНКВД лейтенанта ГБ Другова и прямому указанию начальника ГО НКВД старшего лейтенанта ГБ Трубочёва в 1937-1938 годах был введён метод обработки арестованных провокационным путём, то есть обманным, писать ложные протоколы, в них указывать факты диверсий, из арестованных создавать вымышленные группы и контрреволюционные организации». Другой сотрудник УНКВД Степанов на допросе 21 июня 1938 года указал: «Следствие велось провокационным методом, то есть методом обмана, использования доверия арестованных к органам НКВД. Арестованных уговаривали дать ложные, выдуманные следователем показания с признанием несуществующей шпионской и диверсионной деятельности. Обещали несмеленно освободить, а потом, получив показания арестованных, на основании приговоров по этим показаниям расстреливали. Сам я также вёл следствие по такому же методу» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.34098, т.9, л.578-579). Следствие проводилось с грубыми нарушениями законности. Обвиняемые с материалами следственного дела не знакомились, показания их не проверялись, большинство обвинительных заключений прокурором не утверждено.

По версии следствия руководителем надеждинской ячейки ПОВ являлся Майзик Антон Самойлович, 1902 г.р., уроженец деревни Санявичи Волковыского уезда Гродненской губернии, по национальности – белорус, перебежчик из Польши. Работал завхозом в детской больнице. Арестован 14 сентября 1937 года. Согласно обвинительного заключения признан виновным в том, что являясь резидентом польской разведки организовал ячейку ПОВ в Надеждинске и районе, куда вовлёл около 40 человек. По решению

комиссии НКВД и Прокуратуры СССР 27 ноября 1937 года Майзик приговорён к высшей мере наказания, расстрелян 8 декабря 1937 года.

Вместе с Майзиком по делу ПОВ проходили 160 человек, из них 138 были расстреляны: Вагость Н.А. (кассир парикмахерской), Фельдман Л.Ш. (портной швейной мастерской), Гаспарович Б.В. (плотник, «Заготзерно»), Гаспарович Э.В. (официантка столовой), Клейман П.И. (рабочая завода фруктовых вод), Аболевич Е.А. (рабочая завода фруктовых вод), Субач Ф.А. (рабочая овощехранилища), Зак Х..Э. (грузчик райторга), Зак Л.И. (швея швейной мастерской), Кейлин Х.И. (рабочий металлургического завода), Корнейко Е.К. (забойщик бокситового рудника), Мандрик И.Б. (слесарь автобазы), Бенза Ф.К. (рабочий-строитель), Ерохович М.Г. (вырубщик металла), Рогач Н.В. (кузнец тракторной базы), Песковой Е.П. (рабочий металлургического завода), Мороз М.Г. (вырубщик металла), Мороз К.Г. (возчик «Главспирта»), Петрович А.И. (грузчик Бокситстроя), Давыдович П.И. (сторож продуктового склада) Журиха П.С. (тракторист Красноярской лесомеханизированной станции), Пилецкий К.И. (техник-нормировщик Надеждинского леспромхоза), Конэ М.Г. (преподаватель немецкого языка), Трабинович С.М. (коласник мясокомбината), Бушак И.А. (бригадир крупносортного цеха), Соломахов А.А. (шофёр продбазы), Путерман Э.И. (маникюрщица треста парикмахерских), Сахар А.И. (грузчик райторга), Жук Н.Н. (калиборщик металлургического завода), Ветренко Н.Л. (домохозяйка), Деркач В.И. (заведующий хлебопродуктовым складом Нарпита), Деркач А.П. (сестра-хозяйка амбулатории), Брегер Б.Б. (уборщица), Лавский А.О. (грузчик Каквинского биржевого хозяйства), Гончар Ф.Л. (грузчик «Заготзерно»), Гордей И.С. (шофёр стройконторы), Кислый К.М. (парикмахер), Ткачук П.П. (грузчик «Заготзерно»), Кельнер Л.Ф. (учащийся металлургического техникума), Вакшаль О.М. (парикмахер РОККа), Локутьевский А.П. (слесарь металлургического завода), Рудозуб В.И. (десятник Надеждинского леспромхоза), Левкович Х..А. (преподаватель немецкого языка металлургического техникума), Воскобойник Ш.А. (уполномоченный КОГИЗа), Московский В.Я. (фельдшер городской больницы), Леневский Я.Е. (сапожник артели «Рабочая обувь»), Розенмутер Ш.Г. (слесарь Богословских угольных копей), Жилковский И.И. (грузчик металлургического завода), Жилковский Н.К. (слесарь «Уралдревлестяжа»), Левчук Г.И. (студент

медицинского техникума), Хаит Л.М. (студент металлургического техникума), Харевич С.П. (шофёр городской больницы), Вигодский Л.Ш. (портной швейной мастерской), Кнорозовский Г.Х. (маляр стройконторы), Адамович З.И. (дорожный мастер комунхоза металлургического завода), Адамович М.Б. (электрослесарь металлургического завода), Войтов Е.И. (рабочий комунхоза металлургического завода), Ильяшевич Х.М. (заведующий швейной мастерской «Трудовик» в Богословске), Сова Г.И. (няня детских яслей), Сова И.И. (грузчик бокситового рудника), Гисич Р.Р. (вырубщик металла), Харевко И.З. (вырубщик металла), Дурович И.С. (кузнец тракторной базы), Скрок М.И. (контролёр клуба имени Тельмана), Лом Т.М. (продавец Сverdпродтреста), Крошкина Л.Ш. (портниха швейной мастерской), Коган В.И. (портниха артели «Трудовик»), Вайда И.Г. (стекольщик горкомхоза), Квяткевич И.И. (рабочий «Заготзерно»), Полищук И.А. (грузчик «Заготзерно»), Полищук Я.М. (электрокрановщик металлургического завода), Клёнов Н.А. (кондитер треста «Нарпит»), Пилипченец В.И. (рабочий металлургического завода), Карпович П.А. (грузчик «Заготзерно»), Гончарук А.А. (шофёр райторга), Новик Е.В. (кочегар металлургического завода), Клафтер Ш.Г. (повар столовой перебежчиков), Побока К.А. (рабочий металлургического завода), Локтик Н.Г. (грузчик «Заготзерно»), Ирха И.А. (моторист завода фруктовых вод), Данилович В.И. (бетонщик горкомхоза), Линник А.Е. (грузчик «Заготзерно»), Сташевский М.Ф. (рабочий Богословского рудника), Кирисская Р.А. (портниха), Желнсрович А.Н. (приёмщик ОТК металлургического завода), Винерляк С.Л. (портной государственной швейной мастерской), Кирионов Т.Е. (сапожник артели «Рабочая обувь»), Клебан А.Н. (электромонтёр треста столовых), Карчевский Н.И. (грузчик треста столовых), Кульгун Ф.А. (грузчик «Заготзерно»), Андреюк Е.Г. (вырубщик металла), Прокопович И.К. (шофёр детской больницы), Модель А.В. (грузчик райторга), Бутько Н.Ф. (грузчик «Заготзерно»), Крутько М.А. (рабочий горкомхоза), Крупич Д.Л. (тракторист Сотринского лесоучастка), Лойша А.А. (котельщик Богословских угольных копей), Лукашевич Г.С. (моторист Петропавловского леспромхоза), Раткевич В.И. (рабочий «Заготзерно»), Крошкин М.Г. (кровельщик «Заготзерно»), Волович А.Г. (грузчик Каквинского биржевого хозяйства), Селявко В.С. (тракторист Петропавловского леспромхоза), Макарьчик А.В. (лесоруб Нижнелангурского лесоучастка), Мирвис

Е.С. (рабочий мясокомбината), Ружевицкий Г.Е. (фотоинструктор Дома пионеров), Послов Я.Г. (закройщик артели «Рабочая обувь»), Точинский И.Н. (бригадир стройконторы), Стулла И.Я. (тракторист Петропавловского леспромхоза), Ульрихт Ф.Е. (маляр ОКСа металлургического завода), Волощик Г.К. (машинист пилы металлургического завода), Вавер Х.Л. (портниха государственной швейной мастерской), Кулеш В.И. (прокатчик металлургического завода), Козун Н.Л. (шофёр Петропавловского леспромхоза), Дулевич Я.Г. (контролёр ОТК металлургического завода), Желнерович В.А. (тракторист Петропавловского леспромхоза), Буснюк Д.И. (плотник райторга), Деменюк И.Р. (кладовщик пивного склада), Сенишин Е.Д. (слесарь Богословских угольных копей), Врублевский Ф.Ф. (грузчик «Заготзерно»), Калишер Ш.И. (портной артели «Трудовик»), Аникевич А.С. (разнорабочая овощной базы), Альфер С.С. (водопроводчик Богословских угольных копей), Борис В.Я. (кожегар огнеупорной фабрики), Буйный Б.В. (старатель Южно-Заозёрского приискового управления), Бутер В.Е. (вырубщик металлургического завода), Горонович И.В. (тракторист Петропавловского леспромхоза), Долидович С.И. (счетовод городского радиоузла), Эсманович А.И. (электромонтёр завода №76), Шабович И.Г. (портной артели «Трудовик»), Яскулько Я.И. (сапожник артели «Трудовик»), Шиманько А.Ф. (рабочий хлебозавода), Шихтарев А.В. (штукатур стройконторы), Шупляк Е.Н. (сортировщик металлургического завода), Щупак С.П. (токарь металлургического завода), Ясинский А.С. (рабочий металлургического завода), Загиней А.А. (грузчик бокситового рудника), Богданович Г.А. (радиотехник районного радиоузла). Четверых осуждённых водворили в ИТЛ: Андрусишина П.В., Скрока С.И., Сазановича Ф.Е. – на 10 лет и Соболюк И.В. – 8 лет.

Все они, согласно обвинительному заключению, признаны виновными в том, что являлись агентами разведки буржуазной Польши и участниками ячейки антисоветской «Польской организации войсковой», созданной в Надеждинске и районе резидентом польской разведки Майзиком. Из 160 человек 53 виновными себя в антисоветской деятельности не признали. Показания остальных с признанием своей вины являлись неконкретными, противоречивыми. В протоколах допроса указано, что они для шпионской работы в пользу Польши были завербованы во время проживания в Польше, а затем в 1931-1932 г.г. их перебросили на территорию СССР, где они

установили связь с резидентом польской разведки и руководителем ячейки ПОВ в Надеждинском районе Майзиком. Арестованный в 1937 году Майзик на предварительном следствии никаких показаний в отношении этих лиц не давал и участниками ПОВ их не называл. Бывшие сотрудники УНКВД Дашевский, Гайда, Харин, Котков, Ширинкин, Ерман, Шахов и Боярский, принимавшие участие в расследовании по делу, впоследствии будут осуждены за фальсификацию следственных материалов и незаконные аресты граждан (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.34098, т.9, л.586-598). Определением Военного Трибунала УрВО от 26 августа 1965 года за отсутствием состава преступления осуждённые по делу ПОВ были реабилитированы.

Перебежчики из Польши и члены их семей, проживавшие в Надеждинске, подвергались репрессиям не только по делу ПОВ, но и по стандартному обвинению в работе на разведывательные органы других государств. Расскажем о некоторых из них.

Богданович Галина Александровна, 1914 г.р., уроженка села Хохловка Нижегородской губернии, русская. Родилась в семье служащих. В 1934 году окончила радиотехникум в городе Горьком. По распределению приехала в Надеждинск и работала радиотехником районного узла связи. Проживала по адресу: Новый посёлок, 4 линия, дом 45. В 1936 году Галина Александровна вышла замуж за перебежчика из Польши Мессера Шмуля Гершевича, бригадира швейной мастерской артели «Трудовик». На общественных началах Мессер вёл кружок западно-европейских танцев в ДКМ, где он и познакомился с Богданович. 6 октября 1937 года Мессер был арестован как агент польской разведки и 10 ноября расстрелян. Вслед за мужем 14 ноября арестовали Галину Александровну, которую обвинили в том, что в 1935 году она была завербована своим будущим мужем, агентом польской разведки, собирала сведения о продукции, выпускаемой заводом №76, фотографировала главные цеха завода и железнодорожную станцию. Комиссией НКВД и Прокуратуры СССР 13 января 1938 года по ст.58, п.6,9 приговорена к расстрелу. Приговор приведён в исполнение 8 февраля 1938 года. Реабилитирована 16 января 1989 года (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.41393, л.24, 27).

Дзяловский Мордух Ицкович, 1912 г.р., уроженец г.Лодзь, еврей, беспартийный. До ареста работал нормировщиком надеждинской типографии, проживал на улице Энгельса, 34. 26 декабря 1932 года за нелегальный переход государственной границы СССР арестован

пограничниками. До 17 июля 1933 года содержался в лагере для перемещённых лиц в Саратове, затем направлен в Надеждинск. 5 октября 1937 года арестован горотделом НКВД. Согласно обвинительному заключению он был признан виновным по статье 58-6 УК РСФСР в том, что в 1932 году нелегально переброшен на территорию СССР. Находясь в Надеждинске имел связь с агентами польской разведки, сообщал за границу контрреволюционные измышления о якобы плохом экономическом положении в СССР. В ходе обыска на квартире Дзяловского вещественных доказательств, подтверждающих его вину не обнаружено. Справку на арест, постановление об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения составляли сотрудники горотдела НКВД Иванов, Коробицын, Котков. Обвинительное заключение утвердили следователь УНКВД по Свердловской области Варшавский и прокурор УрВО Шмулевич. По решению Комиссии НКВД и Прокуратуры СССР от 5 ноября 1937 года Дзяловский приговорён к высшей мере наказания. Расстрелян 26 декабря 1937 года, реабилитирован 23 декабря 1958 года.

Рехес Роза Соломоновна, 1903 г.р., уроженка местечка Острин Луцкого уезда Виленской губернии, еврейка, из семьи кустика, по профессии – портниха. До ареста работала заведующей детским садом. Проживала по адресу: Новый посёлок, 4 линия, дом 8, квартира 2. Незадолго до ареста получила гражданство СССР. Арестована горотделом НКВД 21 октября 1937 года по статье 58-6 УК РСФСР. Следствием обвинялась в том, что в 1933 году она была завербована польской разведкой в городе Вильно и нелегально переброшена в СССР для шпионской деятельности. Отбыв срок в лагере для перемещённых лиц, в порядке общего размещения польских перебежчиков направлена на жительство в Надеждинск, где работая заведующей детским садом ожидала специального задания от польской разведки. Дело по обвинению Рехес было направлено на внесудебное рассмотрение в ГУ ГБ НКВД СССР. Особое Совещание при Народном Комиссаре внутренних дел СССР 1 апреля 1938 года рассмотрев дело Рехес, приговорило её к заключению в ИТЛ сроком на 10 лет. Наказание Роза Соломоновна отбывала в Карагандинском лагере. Освободившись из лагеря она проживала в Караганде (ГААОСО. Ф.Р.-1, оп.2, д.24723, т.1, л.3,9,10,26)

Савицкий Иосиф Филиппович, 1889 г.р., уроженец деревни Кивье Деснинского уезда Виленской губернии, поляк, из крестьян,

образование начальное. До ареста работал мастером сортопрокатного цеха. Проживал по адресу: Старый посёлок, ул.Луначарского, дом 32. Арестован горотделом НКВД 14 декабря 1937 года, обвинялся по статье 58-6,7,8,11 УК РСФСР в том, что с 1935 года являлся агентом германской разведки. Следствие по делу Савицкого вёл оперуполномоченный 3-го отделения Иванов. В обвинительном заключении, утверждённом начальником горотдела НКВД Трубачёвым говорилось: «В конце 1937 года УНКВД по Свердловской области на территории Надеждинского района была вскрыта и ликвидирована разветвлённая контрреволюционная повстанческая шпионско-диверсионная и террористическая организация, созданная по заданию германской разведки. Одним из активных её участников являлся Савицкий Иосиф Филиппович. Организация ставила перед собой задачу осуществления террористических актов над местными представителями власти, ведения разрушительной и подрывной работы в промышленности, подготовки кадров для вооружённого восстания против Советской власти в момент начала войны». Дело по обвинению Савицкого было направлено в ГУ ГБ НКВД СССР для внесудебного рассмотрения. 14 января 1938 года Комиссией НКВД Иосиф Филиппович приговорён к высшей мере наказания. Приговор приведён в исполнение 23 ноября 1938 года. В 1989 году Савицкий И.Ф. был реабилитирован (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.28670, л.5,22,23).

Кроме перебежчиков из Польши в городе проживали граждане Болгарии, Румынии и Финляндии, незаконно перешедшие границу СССР. Многие из них, наряду с поляками, были также подвергнуты необоснованным репрессиям. Для примсра приведём несколько фамилий.

Курвинен Аллан-Фридрих Иванович, родился 20 марта 1908 года в городе Гельсингфорс (Финляндия), из рабочей семьи. По национальности – финн. Образование неполное среднее. По профессии – дорожный строитель. С 1926 по 1930 год состоял в рядах финского комсомола, за что в 1927 году арестовывался финской полицией. В 1928-1929 г.г. служил в финской армии рядовым сапёрного батальона. В 1932 году по политическим мотивам нелегально перешёл советскую границу, но был арестован органами НКВД и заключён в фильтрационный лагерь, откуда его направили на работу в Надеждинск. В нашем городе Курвинен женился на Анне Терентьевне Опальной, впоследствии Заслуженном враче РСФСР.

Семья проживала по адресу – Больничный городок, дом 2, квартира 8. Фридрих Иванович работал старшим десятником дорожного строительства в стройконторе горсовета. 25 мая 1937 года он был арестован горотделом НКВД. Следствие вёл оперуполномоченный 3 отделения Иванов, в допросах участвовали начальник 3 отделения Пулов и начальник горотдела НКВД Катков. Курвинен обвинялся по ст.58 п.6 УК РСФСР в том, что будучи завербован финской разведкой, в 1932 году переброшен на территорию СССР с шпионскими заданиями. В обвинительном заключении по делу говорилось: «Курвинен Аллан, проживая в 1927 году в городе Гельсингфорс, Коммунистической партией Финляндии был привлечён для выполнения отдельных поручений партийной организацией города Гельсингфорса. Вскоре Курвинен с группой финских коммунистов был арестован финской охранкой по подозрению в коммунистической деятельности. В ходе допросов Курвинен дал согласие сотрудничать с финской разведкой и в августе 1932 года нелегально проник в СССР» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.33963, л.34). В ходе предварительного следствия Курвинен дал показания о том, что его действительно пытались завербовать представители финской охранки во время арестов в 1927 и 1930 г.г., но он отказался сотрудничать с ними. Однако, они не были приняты следствием во внимание. Тройкой ГУ ГБ НКВД СССР 27 ноября 1937 года Курвинен Аллан-Фридрих Иванович приговорён к расстрелу. 14 декабря приговор приведён в исполнение. Решением Военного трибунала Уральского военного округа 10 августа 1965 года реабилитирован.

Лефтеров Лефтер Александрович, родился в 1906 году в городе Варна (Болгария) в семье рабочего. По национальности – болгарин. Имел начальное образование. Служил восемь месяцев рядовым в болгарской армии. В 1932 году нелегально перешёл границу СССР, за что был арестован. В 1933 году направлен на работу в Надеждинск. Работал слесарем в Госшвеймастерской. Проживал по адресу: 4-я линия Старого посёлка, дом 17, квартира 5. Арестован 15 декабря 1937 года, обвинялся по ст. 58-7, 58-11 УК РСФСР в том, что являлся агентом болгарской разведки и участником контрреволюционной шпионско-диверсионной и террористической организации, возглавляемой Готиевским, по заданию которого вёл вербовку новых членов в организацию, предназначенную в момент начала войны совершать диверсии на промышленных предприятиях оборонного значения и террористические акты против представителей местной

власти (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.40233, л.17). Дело по обвинению Лефтерова было направлено горотделом НКВД для рассмотрения во внесудебную инстанцию. Тройкой ГУ ГБ НКВД СССР Лефтеров Лефтер Александрович 15 января 1938 года приговорён к Высшей мере наказания. Расстрелян 23 февраля 1938 года.

Готиевский Георгий Николаевич в разработке городского отдела НКВД проходил как резидент болгарской разведки на Северном Урале. Данное дело вёл оперуполномоченный 3 отделения Иванов. Готиевский родился 25 сентября 1907 года в селе Болгарейн в Болгарии. По национальности – болгарин, выходец из крестьянской семьи. Воспитывался в семье отставного генерала болгарской армии Готиевского Николая Стасовича. В 1928 году служил в инженерно-строительной части болгарской армии, затем окончил юнкерское училище в Софии. Вместе с Лефтеровым Л.А. в июле 1932 года на рыбацкой лодке нелегально прибыл в Одессу. Здесь был арестован и направлен в Саровский лагерь для перемещённых лиц. В 1933 году в порядке общего размещения перебежчиков направлен в Надеждинск. Работал вальцовщиком в крупносортном цехе. Проживал по адресу: Старый посёлок, 13 линия, дом №17. Жена Александра Алексеевна работала в прачечной городской больницы. Арестован 15 декабря 1937 года. Обвинялся по ст.58 п.п.6,7,8,11 УК РСФСР в том, что в 1929 году полковником Белой армии Андрищенко Леопольдом Сергеевичем был вовлечён в организацию Российского Общевоинского Союза (РОВС), а в 1930 году завербован агентом болгарской разведки Харлаковым для нелегальной работы в СССР с целью создания боевых шпионско-диверсионных групп. Находясь в Надеждинске создал повстанческую террористическую организацию, в которую вовлёл 11 человек кулаков-спецпереселенцев. В феврале 1936 года установил связь с Уральским повстанческим центром (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.39515, л.36). Дело по обвинению Готиевского было направлено в ГУ ГБ НКВД СССР для внесудебного рассмотрения. Комиссией НКВД и Прокуратуры СССР 15 января 1938 года приговорила Георгия Николаевича к расстрелу. Приговор приведён в исполнение 23 февраля 1938 года.

Заплешный Евгений Иванович, родился в городе Елизаветполь в 1917 году, русский. В 1918 году с родителями переехал в Бессарабию. Будучи 15-летним юношей в феврале 1933 года нелегально перешёл румыно-советскую границу. После предварительного заключения в Саровском лагере, как политэмигрант в 1934 году направлен в

Надеждинск, где учился в театральной студии, а затем работал в Уральском рабочем реалистическом театре начинающим актёром (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.21384, т.2, л.156). 13 декабря 1937 года арестован горотделом НКВД. Обвинялся по ст.58-6 УК РСФСР в том, что являлся агентом разведывательных служб Румынии, собирал материал о политико-нравственном состоянии рабочих металлургического завода. Комиссией НКВД СССР 15 января 1938 года Заплешный Е.И. приговорён к 10-ти годам ИТЛ.

Как правило, все эти следственные дела были сфальсифицированы городским отделом НКВД. Люди, проходившие по ним, никогда не являлись агентами иностранных разведок и, тем более, никакой опасности для Советской власти не представляли.

Глава 8. В духе времени.

29-31 мая 1937 года состоялся очередной пленум городского Совета. Незадолго до этого был объявлен «врагом народа», снят с должности и арестован первый секретарь Свердловского обкома ВКП(б) И.Д.Кабаков, чьё имя носил наш город. По всей области прокатилась волна митингов и демонстраций, участники которых беспощадно клеймили вредителей, пробравшихся в руководство партии и государства. На местах начались поиски пособников Кабакова. Лейтмотивом выступлений на пленуме стали слова депутата горсовета Юрганова: «Наш пленум собрался в тот момент, когда трудящиеся нашей области и района глубоко возмущены предательской диверсионной работой врагов народа Кабакова, Хороша, Иконникова и отвечают на это предательство сплочением вокруг партии с готовностью ликвидировать последствия вредительства». Докладчики приводили многочисленные факты вредительской деятельности в городе.

Представитель горно Фёдоров: «Как могло получиться, что мы и вы, сидящие с нами вместе, президиум городского Совета, горком партии просмотрели группу врагов народа, которые несколько лет работали на наших участках – культурном, промышленном и советском. Как хорошо и точно были расставлены вредительские кадры, руководителями которых был Кабаков, которого мы чуть на руках не носили, и его сообщники – Головин, Пшеницын, Щербина, возглавлявший руководство на таком большом металлургическом заводе, носивший ранее имя врага народа Кабакова. Бывший

заведующий облоно Перель сейчас враг народа, который находился на одном из основных участков политико-воспитательной работы области и очень много навредил. Я ещё раз вернусь к указаниям товарища Сталина там, где говорится о воспитании кадров, которым должно уделяться много внимания, и как этот вопрос проводится у нас на месте. Газета «Правда» много говорила о подхалимстве, чинопочитании и угодничестве, а это имеется и у нас в аппарате городского Совета. Возьмём к примеру бывшего заведующего горono Мочалова, присланного Перелем. К нему обращались не товарищ Мочалов, как принято у советских работников, а Виктор Николаевич. Жену его, находящуюся на пионерской работе, называли Дорой Леонтьевной. Благодаря нашей невнимательности, нашему ротозейству и чинопочитанию в школах появилась троцкистская литература, а дети, например, говорили: «Буду учиться как Троцкий», играли в Троцкого, Зиновьева, Рыкова».

Депутат Овчинников: «Товарищ Фёдоров рассказал, что шайка бандитов, орудовавших в областных организациях, не обошла и дело народного образования. Он показал, как по линии политпросветработы осуществлялось вредительство, я скажу о школах. Партия и правительство постоянно заботятся о создании условий для школ, повышая бюджет на народное образование, пионерскую работу, детские учреждения. Вредительство шло не по линии увеличения бюджета, а по линии распределения его по статьям. В прошлом году мы получили на строительство двух новых школ 960 тысяч рублей. Недоделки в школах оцениваются в 200 тысяч рублей, перерасходы на школьное строительство составили 260 тысяч. За эти деньги можно было построить ещё две школы. Вот где усиленно поработала рука вредителей и конкретные исполнители этого сщё на свободе. В частности, здесь указывали на Куфтырева. Нехватка школ сильно ощущается в городе и районе, мы не имеем ни одной школы, где бы проходили занятия в одну смену, тогда как по постановлению правительства все школы должны быть переведены на односменную учёбу. Когда мы получили контрольные цифры бюджета, мы поставили вопрос о дополнительном ассигновании на доведение новых школ до эксплуатационной годности, однако в области об этом и слушать не хотели. Враг народа Перель не дал нам на это дополнительных средств и послал нас к Хорошу, он знал к кому послать. Хорош ответил, что раз Перель ничего не может дать, то и у меня денег нет. И только когда я сказал, что мы будем обращаться в

Наркомпрос и ЦК, Перель выделил 50 тысяч рублей. Сегодняшний пленум не должен соглашаться с выделенными фондами на ремонт школ, необходимо требовать дополнительных ассигнований. Школа №2 около безцементного завода выстроена всего только 2-3 года тому назад, в ней обучается 1200 учащихся. Она должна была быть оборудована центральным отоплением и водопроводом, однако ни того ни другого в школе нет. В ней отсутствуют даже уборные. Надо осудить практику недорасходования бюджета на такое важнейшее мероприятие, как народное образование».

Депутат Караваев: «Строительство профтехкомбината идёт уже 5 лет, говорят что не отпускают средства на строительство, а по моему здесь есть вредительство, как и в части нового жилищного строительства. Его совершенно не видно. За 1937 год ещё ни один квадратный метр не введён в эксплуатацию. А что вы думаете – на жилищное строительство не отпускается средств? Средства отпускают, но горсовет и завод их не могут освоить. Горсовет совершенно оторвался от рабочих масс и это говорит за то, что мы ещё все близоруки, не умеем распознать врагов. Теперь о бане. Здесь в своём выступлении Треногин сказал, что наша баня построена вредительски. Это правда. Я был несколько раз с обследованием в бане – она действительно построена вредительски. Стены сложены очень тонко. Зимой, когда на улице стоит очень низкая температура, а в бане высокая – в результате такой разности в температуре стены лопаются».

Шамин – железная дорога имени Кагановича: «На пленуме горсовета большей частью говорят о врагах народа на металлургическом заводе, совершенно не говоря о творящихся вредительствах в области транспорта. У нас на железной дороге тоже немало вредителей, разоблачённых врагов народа. Характерно то явление, что на пленуме городского совета никогда не видно представителей политотдела железной дороги, а также начальника. Все творящиеся дела на транспорте в области вредительства остаются не освещёнными и проходят мимо пленума городского Совета, а вместе с тем мы знаем, что железная дорога это главнейший нерв нашего народного хозяйства. Мы технически выросли, а политически слабо ещё подкованы. Это является результатом, что у нас под носом работают вредители, шпионы и мы их не замечаем, а подчас даже объективно способствуем их деятельности. Голова (руководство) Свердловской области протухла, но и хвосты идут по этой же линии.

На транспорте вредители, диверсанты свили себе крепкое гнездо. У начальника дороги имени Кагановича на глазах работали вредители: Турок и другие и он не замечал их преступную работу. Недавно к нам приезжал начальник железной дороги и совершенно не интересовался, как обстоит дело с вредительством в нашем отделении, не поинтересовался даже нашей бдительностью, нашей политической подкованностью. Мы являемся свидетелями, что корни всех вредительских мероприятий, как ни странно, исходили из обкома и облисполкома. На днях сгорел цех на металлургическом заводе, но спрашивается: как отнёсся горсовет к этому вредительскому акту? Ответ можно дать один — спокойно, как будто бы ничего сверхъестественного не случилось».

Новиков — заместитель начальника коммунального хозяйства металлургического завода: «Все действия врагов народа, сидевших в Свердловской области, в лице Кабакова, Головина, Пшеницина и других больше всего отразились на нашем металлургическом заводе. Если возьмём состояние жилищного фонда и посмотрим, что произошло за последние 5-6 лет, то увидим, что на новое строительство не отпускалось средств, за исключением ремонта. Надо сказать, что и ранее отпускаемые средства расходовались не экономно, вредительно, а именно: занимались перестраиванием конюшен и приспособлением всякого рода построек для жилья. Сейчас насчитывается очень много семей не имеющих квартир. Наши квартиры в большинстве своём не благоустроены. Особенно плохо обстоит дело с жилищным фондом на Первом разъезде, где бытовые условия рабочего не нормальны. Эти недостатки по части жилого фонда и бытовых условий рабочего являются, безусловно, действием рук врагов народа. Наш завод является крупнейшим заводом Урала, снабжающий качественной сталью ответственные участки нашей промышленности, а поэтому вполне ясно — почему вражья рука была направлена именно на этот участок обслуживания культурно-бытовых нужд трудящихся. Следует сказать, что по бюджету, рассматриваемому пленумом, не учтена статья «Самый грязный город на Урале», по итогам которой облисполкомом была организована комиссия под руководством Головина, врага народа, не давшая никаких результатов. Город остаётся грязным и неблагоустроенным. Те мероприятия, которые всё же проводятся, настолько мизерны, что в общем благоустройстве города становятся совершенно незаметными. Из доклада начальника горкомхоза Треногина видно, что в этом году

очень мало средств вложено в дело благоустройства города. Но если мы посмотрим, как тратятся эти минимальные средства, то увидим, что и здесь проявляется неэкономное расходование денег. Тратим деньги на строительство деревянных тротуаров, которые не могут удовлетворять требованиям трудящихся. А потому надо перейти к строительству капитальных тротуаров, которые отвечали бы всем требованиям. Заводоуправление, в лице директора Щербины, на коммунально-бытовые запросы трудящихся не отпускало соответствующих средств. Когда дело касалось ассигнования средств, то здесь действовала рука врага народа и ставила крест на законные требования комхоза металлургического завода об отпуске средств для ремонта рабочих жилищ. Сейчас у нас насчитывается до 970 заявлений от трудящихся, не имеющих квартир. Есть у нас и такие моменты, когда на 8 квадратных метрах живут по 8-10 человек, что является крайне ненормальным. Сейчас особенно чувствуется разрыв между ростом металлургического завода и ростом жилищного фонда. Это не случайное явление, к этому привели враги народа» (АОАСГО. Ф.Р-1, оп.1, д.408, л.1-13).

Также на пленуме депутатами был поднят вопрос о переименовании города. Выступающие говорили о невозможности сохранения прежнего названия Кабаковск. Итоги пленума подвёл председатель городского совета Д.К.Козырьков. В заключительном слове он сказал: «В своём докладе я допустил ряд политических ошибок, как-то: 1) Поставил узко-делячески вопрос о переименовании города, не осветив предварительно полностью всей вредительской деятельности троцкистов, в частности Кабакова, тогда, когда необходимо было бы предать этому вопросу политический характер. 2) Я очевидно оговорился, когда выразился, что Кабаков действовал под флагом ЦК ВКП(б), из чего можно было сделать заключение, что Кабаков действовал по указаниям ЦК. Пропшу считать, что я хотел выразить следующую мысль: Кабаков, проводя свои вредительские установки, ссылался, на то, что ему во всех действиях ЦК доверяет, а это значит, что Кабаков обманывал партийные организации области и всех трудящихся, клеветал на ЦК ВКП(б). 3) Моей ошибкой было то, что я как член пленума облизполкома, зная об исключении из его состава врагов народа Хороша, Шлипермана, Иконникова, Кабакова, Пшеницина, Жуковицкого, Седашева и Переля не довёл эту информацию до сведения участников настоящего пленума. Это является грубой политической ошибкой. По существу всех остальных

вопросов, затронутых в прениях, касающихся работы президиума, будут приняты меры как мною лично, так и президиумом в целом. Сейчас необходимо разрешить вопрос о переименовании города. Моё предложение – присвоить городу название Североуральск (АОАСГО. Ф.Р-1, оп.1, д.408, л.2).

Участники пленума 29 мая приняли следующее постановление: «Пленум городского Совета, заслушав сообщения о деятельности врага народа Кабакова постановил:

1) Снять имя врага народа Кабакова с города и района, металлургического завода, железнодорожной станции и со всех социально-культурных и хозяйственных организаций и учреждений города и района.

2) Переименовать город Кабаковск в город Североуральск, Кабаковский район – в Североуральский район, станцию Кабаковск – в станцию Североуральск.

3) Поручить президиуму горсовета немедленно телеграфно возбудить ходатайство перед Свердловским облисполкомом и ВЦИКом о переименовании города, района и железнодорожной станции в соответствии с п.2 настоящего постановления» (АОАСГО. Ф.Р-1, оп.1, д.408, л.58).

А ведь всего три года назад большинство из этих людей рапортовали первому секретарю Свердловского обкома И.Д.Кабакову следующее: «Дорогой Иван Дмитриевич! Пленум Кабаковского городского Совета шлёт тебе – стойкому руководителю свердловских большевиков, пламенный пролетарский привет. Мы гордимся, что наш город и район носит славное имя одного из лучших соратников и талантливых учеников товарища Сталина. Под твоим непосредственным руководством наш Кабаковский район меняет своё лицо. Металлургический завод катает теперь не простое железо, а хромистое и конструкционные стали. Домны годовой план закончили 21 декабря и дадут сверх плана 6000 тонн чугуна. Сортопрокатчики уже прокатали сверх плана 11000 тонн качественной стали. Крупносортопрокатчики дали 1500 тонн сверх годового плана годного проката. Освоено производство калибровочной стали в новом штанго-волочильном цехе. Развёртывается борьба за ликвидацию отставания мартена. Восстановлены, работают и полностью выполнили свою годовую программу две медные шахты в Турьинских рудниках. Золотоплатиновые прииски ещё в октябре досрочно закончили годовой план по добыче металлов, на угольных копях готовится к

освоению новый мощный Лапчинский участок. Начато освоение бокситов, строится Сосьвинский деревообделочный комбинат. Пахотные площади в районе с 8 тысяч в 1931 году увеличены до 10 тысяч га в 1934 году, 80% трудового крестьянства объединены в колхозы. План хлебосдачи выполнили в числе первых по Свердловской области. Но это только начало. Мы знаем, что главное в трудовой работе впереди. Пленум городского Совета даёт тебе слово ликвидировать позорное отставание по стали, обеспечить завод топливом, полностью и в срок выполнить план лесозаготовок. Главнейшей обязанностью считаем выполнение указаний Сталина и Молотова по ликвидации отставания в культурном строительстве. Эти указания подняли активность всей общественности. Под руководством партийной организации к установленному сроку в районе подготовлена база хлебопечения, сеть магазинов. Берёмся по боевому биться за культуру, за ликвидацию отставания в культурно-бытовом строительстве и преобразовании города Кабаковска в образцовый передовой пролетарский центр. Твоя повседневная помощь, твоё испытанное руководство является для нас верным залогом того, что мы сдержим своё пролетарское слово и успешно разрешим эти боевые задачи. Пленум городского Совета со всей партией, рабочим классом скорбит о безвременной потере пламенного трибуна революции, лучшего соратника и друга товарища Сталина, любимейшего вождя Сергея Мироновича Кирова и в ответ на тяжёлый выстрел гнусных подонков контрреволюционной зиновьевской оппозиции мы ещё более поднимем классовую бдительность, производственную активность. Ещё более тесно сплотимся вокруг ВКП(б), её ленинского ЦК и любимого вождя партии и пролетариата родного Сталина. Классовые враги убийством Кирова рассчитывали внести расстройство в ряды большевистской стальной партии, но наши ряды никому не удастся поколебать. Партия крепка, едина, монолитна, неизменно ведёт нас от победы к победе. Нет места в наших рядах врагам революции, нет и не будет им никакой пощады. Да здравствует наш Великий вождь Сталин! Да здравствует верная опора Ленинского Центрального Комитета – боевой отряд Свердловских большевиков! Да здравствует руководитель Свердловских большевиков, один из лучших учеников Сталина товарищ Кабаков!» (АОАСГО. Ф.Р-1, оп.1, д.498, л.54об).

Ходатайство городского Совета о переименовании Кабаковска в Североуральск удовлетворено не было. Постановлением президиума

ЦИК СССР от 22 июля 1937 года городу Кабаковску вернули прежнее название – Надеждинск. Вскоре после пленума, в июле 1937 года, Д.К.Козырьков был освобождён от занимаемой должности. Обязанности председателя городского Совета временно исполнял его заместитель Прозоров Гавриил Антонович. Из членов президиума горсовета за связь с классово-чуждыми элементами были выведены Щербина В.Т. (директор металлургического завода), А.Ф.Треногин (заведующий горкомхозом), Т.Н.Рожкова (заведующая горздравотделом), В.Н.Мочалов (заведующий гороно). В частности, в отношении Рожковой пленум вынес следующее решение: «Отвести Рожкову Т.Н. из состава членов президиума и пленума Надеждинского городского совета за связь и пособничество врагам народа, засоренность медицинских учреждений чуждо-классовыми элементами, замазывание преступлений, разгон медицинских кадров, срыв сроков окончания строительства и растраниживание государственных средств (29000 рублей) по детской больнице. С должности заведующего горздравотделом снять и привлечь к судебной ответственности» (АОАСГО. Ф.Р-1, оп.1, д.408, л.67). В связи с произошедшими событиями изменился состав ответственных работников городского Совета. В сентябре Свердловский областной комитет ВКП(б) назначил на должность председателя президиума Надеждинского городского Совета Данилова Ивана Васильевича.

Глава 9. Дело контрреволюционной диверсионно-террористической организации «правых».

Арест 22 мая 1937 года первого секретаря Свердловского обкома ВКП(б) И.Д.Кабакова послужил началом процесса над «право-троцкистским центром» на Урале. По этому делу проходили крупные партийные, советские и хозяйственные работники Свердловской области. Дело контрреволюционной диверсионно-террористической организации «правых», сфабрикованное городским отделом НКВД, явилось продолжением дела «право-троцкистского центра» на Урале. Его суть заключалась в том, чтобы выявить в городе Надеждинске разветвлённую сеть уральской контрреволюционной организации «правых» и связать её с деятельностью Кабакова, как одного из руководителей этой организации. Следствие велось по заранее подготовленному сценарию, в котором органами НКВД уже был

определён круг обвиняемых, обозначены совершённые ими преступления и составлены протоколы допросов. В расследовании дела принимали участие оперуполномоченный 3 отделения ГО НКВД сержант ГБ Козлов, начальник 3 отделения ГО НКВД младший лейтенант ГБ Пулов, его заместитель младший лейтенант ГБ Коробицын, начальник 4 отделения ГО НКВД старший лейтенант ГБ Смирнов, начальник ГО НКВД старший лейтенант ГБ Котков, заместитель начальника 3 отделения УГБ УНКВД капитан ГБ Кричман, следователь 3 отделения УГБ УНКВД старший лейтенант ГБ Литваков, заместитель начальника УГБ УНКВД капитан ГБ Чистов. Обвинительное заключение утверждали помощники начальника УГБ УНКВД по Свердловской области капитаны ГБ Варшавский и Боярский. Окончательный приговор подсудимым выносился в закрытом судебном заседании Военной Коллегии Верховного Суда СССР в городе Свердловске. К осуждённым применялся закон от 1 декабря 1934 года, согласно которому их приговаривали к смертной казни с конфискацией личного имущества. Причём, приговор был окончательным и обжалованию не подлежал.

26 мая 1937 года на своей квартире был арестован директор Надеждинского металлургического завода В.Т.Щербина. Василий Тихонович родился в 1890 году на хуторе Осинная Балка Таганрогского района Азово-Черноморского края, украинец. В 1932 году окончил Промышленную академию, после чего работал директором Нижнетагильского металлургического завода. В мае 1936 года переведён в Надеждинск. Проживал по адресу: ул.Загородка, 7. В предъявленном Щербине обвинении говорилось, что он является активным членом Уральской организации «правых» и руководителем «правых» на Надеждинском металлургическом заводе. Находясь под арестом, Щербина под давлением следствия вынужден был подписать заранее написанный следователем Пуловым текст своего признательного заявления, с которого и началось раскручивание дела «правых» в Надеждинске. В нём говорилось: «Ввиду полного провала контрреволюционной организации правых, я вижу, что моё заpiresательство не имеет никакого смысла. Поэтому я решил дать следствию откровенные показания. Я являюсь членом контрреволюционной организации правых, действовавшей на Урале под руководством Кабакова и Пшеницына. По своей контрреволюционной деятельности я был непосредственно связан с участником руководящего ядра организации правых на Урале

Седашовым, управляющим «Востокстали». Мною по директиве Уральского центра правых была создана контрреволюционная организация на Надеждинском металлургическом заводе, где я являлся директором. 24 мая сего года по моему указанию был совершён поджог теплосилового цеха с целью вывода из строя котельной и взрыва газопровода, питающего газом наиболее важные цеха. Указанный поджог был совершён членом нашей организации харбинцем Лошкарёвым совместно с начальником теплосилового цеха Чекановским и кочегаром Цапаевым. Этот диверсионный акт был организован мною по директиве руководящего ядра правых переданным мне из Свердловска Седашовым. Он должен был явиться политической демонстрацией в ответ на разгром и аресты участников уральской организации правых, в частности, ответом на арест руководителя организации правых Кабакова. О практической контрреволюционной деятельности организации и её участниках я дам подробные показания» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.23148, л.7).

Дальше приведём протокол допроса:

ВОПРОС: Что Вам известно об Уральском центре контрреволюционной организации правых?

ОТВЕТ: Мне известно, что Уральский центр контрреволюционной организации правых во главе с Кабаковым руководил всей борьбой против партии и Советской власти в Свердловской области, имел разветвлённую сеть своей организации в промышленных городах области, как на промышленных предприятиях, так и в советских учреждениях. Под руководством Уральского центра на предприятиях и в учреждениях систематически проводилось вредительство. Помимо того, Уральским центром осуществлялась диверсионная деятельность на крупных предприятиях промышленности, где имелись контрреволюционные организации.

ВОПРОС: Когда и кем Вы были вовлечены в контрреволюционную организацию правых?

ОТВЕТ: В организацию меня вовлёк Седашов – управляющий «Востокстали» - в феврале 1933 года, с которым мы учились вместе с 1929 года в Промышленной академии в Москве.

ВОПРОС: Цели и задачи организации?

ОТВЕТ: Основной задачей, со слов Седашова, являлось создание крепких кадров организации правых на крупных промышленных предприятиях. Организация ставила своей целью насильственное

устранение руководителей ЦК ВКП(б) и правительства, вплоть до террора.

ВОПРОС: Назовите всех известных Вам членов Уральского центра контрреволюционной организации правых.

ОТВЕТ: Из членов Уральского центра мне известны следующие лица:

Кабаков Иван Дмитриевич – бывший 1-й секретарь обкома ВКП(б),

Пшеницын Константин Фёдорович – 2-й секретарь обкома ВКП(б),

Чудновский – бывший председатель областного суда,

Догадов – бывший уполномоченный Комиссии советского контроля по Свердловской области,

Седашов Константин Гаврилович – управляющий «Востокстали»,

Хорош – заместитель председателя Свердловского облисполкома,

Жуховицкий – редактор газеты «Уральский рабочий»,

Беликов Алексей Алексеевич – технический директор «Востокстали»,

Федораев – управляющий трестом «Уралмедьруда»,

Стельмахович – работник Наркомлеса в Москве, до меня директор Надеждинского завода.

ВОПРОС: Кто входил в состав контрреволюционной организации в Надеждинске?

ОТВЕТ: В Надеждинске в состав организации входили:

Носов Н.А. – технический директор Надеждинского завода, завербован в организацию лично мною,

Чекановский Виктор Леонидович – начальник теплосилового цеха, завербован мною,

Клепиков Пётр Иванович – диспетчер завода, завербован Носовым, рекомендовавшим мне его как своего человека,

Сенников Павел Львович – техник ОКСа Надеждинского завода, был связан с Носовым,

Смирнов Михаил Степанович – 1-й секретарь Надеждинского горкома ВКП(б), он мне передавал ряд директив от Уральского центра по контрреволюционной работе,

Аверин Сергей Иванович – парторг Надеждинского завода.

ВОПРОС: Вы возглавляли контрреволюционную организацию правых в Надеждинске?

ОТВЕТ: Да, я являлся руководителем контрреволюционной организации. Вместе с участниками организации секретарём горкома

ВКП(б) Смирновым и секретарём парткома Авериним проводил работу по вербовке людей в нашу организацию.

ВОПРОС: Какие указания по практической контрреволюционной деятельности Вы получали от Уральского центра?

ОТВЕТ: Указания сводились к следующему:

1)Вовлекать в контрреволюционную организацию людей, недовольных политикой партии и Советской властью.

2)Организовывать вредительскую деятельность на предприятиях, заключающуюся в срыве производственной программы, выработке недоброкачественной продукции, создании неудовлетворительных бытовых условий для рабочих и ИТР с целью вызова политических недовольств.

3)Организовывать диверсионные акты с целью вывода из строя наиболее важных цехов и агрегатов.

ВОПРОС: Что конкретно было Вами сделано в исполнение директив Уральского центра?

ОТВЕТ: Умышленно с переборами снабжались древесным углём, флюсами и рудой домны. Это приводило к тому, что в домнах часто имелось недостаточное количество газа, что срывало нормальную работу мартеновского и прокатных цехов. Бывали случаи, когда эти цеха останавливались и простаивали по несколько часов, в результате чего производственная программа завода выполнялась на 80% и государство несло крупные убытки.

ВОПРОС: Кто персонально принимал участие в осуществлении этого вредительского акта?

ОТВЕТ: Помимо меня вредительство по этой части осуществлялось членом нашей контрреволюционной организации Носовым.

ВОПРОС: Как достигалась выработка недоброкачественной продукции?

ОТВЕТ: В мартеновском цехе умышленно производилась отливка недоброкачественных слитков. Это приводило к увеличению брака в прокатных цехах. Мы умышленно не проводили контроля в прокатном и мартеновском цехах, что создавало благоприятные условия для выработки брака. Вредительство в этой части осуществлялось мною совместно с Носовым. В 1937 году нами умышленно не было завезено дров, в результате домна №7 простояла полтора месяца.

ВОПРОС: В чём заключалось умышленное ухудшение бытовых условий рабочих завода?

ОТВЕТ: Несмотря на то, что отпускались специальные средства на жилищное строительство, мы умышленно не использовали их и строительство не проводилось. Это мотивировалось, якобы, недостатком рабочих рук и материалов.

ВОПРОС: От кого Вы получили задание произвести диверсию – поджог завода?

ОТВЕТ: От Седашова, когда был в Свердловске на производственном совещании. По возвращению в Надеждинск я стал готовиться к проведению диверсии.

ВОПРОС: В чём заключалась эта подготовка?

ОТВЕТ: Я вызвал Лошкарёва, помощника начальника теплосилового цеха, входившего в нашу контрреволюционную организацию, и дал ему поручение подыскать такого человека, который мог бы совершить поджог.

ВОПРОС: Почему Вы остановили свой выбор на Лошкарёве?

ОТВЕТ: Мне было известно, что Лошкарёв является харбинцем, агентом японской разведки, весьма озлобленным против Советской власти. Поэтому я считал его подходящим для организации диверсии.

ВОПРОС: Как дальше развивались события?

ОТВЕТ: В середине мая Лошкарёв доложил мне, что нашёл исполнителя поджога завода в лице кочегара Цапаева, который согласился произвести поджог за вознаграждение в сумме трёх тысяч рублей. Далее он указал, что лучше всего произвести поджог теплосилового цеха, ибо одновременно с этим может произойти взрыв газопровода и это всё вместе произведёт значительные разрушения.

ВОПРОС: Когда и каким образом Вы получили указание совершить диверсию?

ОТВЕТ: 23 мая сего года меня пригласили к телефону. Звонил из Свердловска Смирнов, секретарь Надеждинского горкома ВКП(б). Он сообщил, что говорит по поручению Седашова, что мол арестован Кабаков и другие лица, и что то, о чём Седашов договаривался со мною нужно выполнить 24 мая.

ВОПРОС: Что Вы сделали дальше?

ОТВЕТ: Я сейчас же передал Лошкарёву указание о том, что 24 мая нужно произвести намеченный нами диверсионный акт. В результате, 24 мая в 10 часов вечера была совершена диверсия, в итоге которой сгорел теплосиловой цех.

ВОПРОС: Что Вам известно о контрреволюционной деятельности Смирнова?

ОТВЕТ: О том, что Смирнов Михаил Степанович является членом контрреволюционной организации правых, я узнал в июне 1936 года от Стельмаховича, когда вступал в должность директора завода. После пожара, 25 мая Смирнов одобрил мои мероприятия по поджогу, сказав, что демонстрация против разгрома правых нам удалась и это будет иметь большое значение для правых.

ВОПРОС: Какую роль играл в контрреволюционной организации Аверин С.И.?

ОТВЕТ: Роль Аверина заключалась в том, что он глушил самокритику и многочисленные сигналы, которые исходили от рабочих и служащих по вопросам различных ненормальностей, возникавших в результате нашей подрывной деятельности. Аверин знал о всей нашей вредительской деятельности на заводе.

ВОПРОС: Когда стало известно о самоубийстве Пшеницына?

ОТВЕТ: Точно не помню, об этом мне сказал Аверин.

ВОПРОС: Что Вам известно о контрреволюционной деятельности Носова?

ОТВЕТ: Носову я предложил вступить в организацию в начале июля 1936 года для совместной борьбы с Советской властью. Он согласился. Носов по моему заданию проводил вредительство по капитальному строительству, умышленно затягивал сроки окончания строительства домны №5, что приводило к срыву выполнения заводом производственной программы и заданий пятилетки.

ВОПРОС: Какое участие в контрреволюционной работе принимал Лошкарёв?

ОТВЕТ: Лошкарёв был завербован мною в марте 1937 года. Тогда же он сообщил мне, что по заданию японской разведки ведёт в СССР разведывательную работу. 24 мая организовал поджог теплосилового цеха, в результате цех был уничтожен. В организации диверсии Лошкарёву помогал Чекановский В.Л. – начальник цеха.

ВОПРОС: Какую контрреволюционную деятельность проводил Сенников?

ОТВЕТ: Связь Сенников поддерживал с Носовым. По его заданию проводил вредительство с целью срыва выполнения программы по выпуску спецстали для нужд оборонной промышленности. Сенников знал о поджоге теплосилового цеха (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.23148, л.21-45).

Подписывая заведомо ложные следственные материалы и признавая себя виновным в контрреволюционной деятельности,

Щербина тем самым спасал своих детей от вмешательства в их жизнь карательных органов, которые могли привлечь их к уголовной ответственности в случае его отказа от сотрудничества со следствием. Такая практика в деятельности органов НКВД уже существовала. На закрытом судебном заседании 3 августа 1937 года в Свердловске Военная Коллегия Верховного Суда СССР приговорила Василия Тихоновича Щербину к расстрелу с конфискацией всего принадлежащего ему имущества. Приговор приведён в исполнение в этот же день. Реабилитирован 5 июля 1957 года.

Чекисты, получив необходимые показания о наличии контрреволюционной организации «правых» в городе, приступили к активному раскручиванию дела. В период с 26 мая по 15 сентября 1937 года было взято под стражу большинство руководящих работников городских предприятий и учреждений. В их числе оказались инженеры и техники металлургического завода, завода №76, служащие железнодорожного транспорта, работники сельского хозяйства, леспромхоза, МТС, мясокомбината, хлебокомбината, Наршита, треста столовых, гороно, горкомхоза, типографии, горздравотдела, ответственные партийные работники, журналисты.

26 мая вечером были арестованы Лопкарёв В.Ф. и Клепиков П.И. Лошкарёв Владимир Филиппович родился 28 июля 1908 года в городе Харбин (Китай). Сын рабочего. Окончил Харбинский политехнический институт. В 1930 году по визе Генерального консульства СССР в Харбине выехал в Советский Союз. В 1931 году призван в Красную армию, служил в пулемётной роте 106-го Сахалинского стрелкового полка. В 1932 году демобилизовался и уехал в Москву, где поступил на работу в Теплотехнический институт. Работал в отделении института в Самаре. В октябре 1933 года переведён в Уралэнерго и направлен начальником Копейского сетевого участка. В апреле 1934 года получил новое назначение в Пермь на должность инженера Пермской ГЭС. В августе 1934 года арестован УНКВД по Челябинской области, обвинялся в шпионской работе в пользу Японии. Из-за отсутствия улик в ноябре 1934 года дело в отношении Лошкарёва прекратили. С декабря 1935 по декабрь 1936 года – инженер спирто-водочного завода в городе Кашин Калининской области. В декабре 1936 году жена Лошкарёва, окончив Куйбышевский индустриальный институт, по линии Наркомтяжпрома была направлена в Надеждинск на металлургический завод, где получила должность инженера. Вместе с женой Еленой Георгиевной в

наш город приехал и Лошкарёв. В феврале 1937 года его приняли помощником начальника теплосилового цеха. Семья проживала по ул.Братьев Горшковых, д.2а, кв.8. С 1931 года – член ВКП(б), в 1935 году при проверке партийных документов из партии исключён с формулировкой «чуждый элемент». Прожив полгода в Надеждинске, Лошкарёв снова оказался в поле зрения органов НКВД и был арестован в числе других участников организации «правых». На этот раз Владимир Филиппович обвинялся по ст.58 п.п.6,7,8,9,11 УК РСФСР в том, что будучи членом контрреволюционной организации, 24 мая 1937 года подготовил и совершил поджог котельной теплосилового цеха Надеждинского металлургического завода, чем причинил предприятию материальные убытки на сумму более 100 тысяч рублей (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.26026, л.1,5,16-18,34). На суде Лошкарёв виновным себя не признал. 31 июля 1937 года Военной Коллегией Верховного Суда СССР приговорён к высшей мере наказания с конфискацией лично ему принадлежащего имущества. Расстрелян в тот же день. Реабилитирован в 1957 году.

Клепиков Пётр Иванович родился 10 июня 1886 года в деревне Клепиково Котельнического уезда Вятской губернии, из крестьян. Окончил начальную школу. Проживал по адресу: проспект Ленина, д.2, кв.2. Работал диспетчером в службе движения металлургического завода. Обвинялся по ст.58 п.п.8,9,11 УК РСФСР в том, что являясь членом контрреволюционной организации «правых», 24 мая участвовал в поджоге котельной теплосилового цеха с целью вывода из строя завода (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.26915, л.5,19,53). На суде виновным себя не признал, от своих показаний на предварительном следствии отказался, считая их ложными, так как никакой контрреволюционной организации в Надеждинске не существовало. 31 июля 1937 года Военной Коллегией Верховного Суда СССР приговорён к высшей мере наказания с конфискацией всего принадлежавшего ему имущества. Расстрелян 31 июля. Реабилитирован в 1957 году.

27 мая 1937 года следователь ГО НКВД Пулов произвёл арест начальника теплосилового цеха Чекановского В.Л., проживавшего по адресу: ул.Загородка, д.22, кв.2. Виктор Леонидович родился 15 июня 1906 года в Воронеже, имел средне-техническое образование. Находясь в застенках НКВД, под давлением следствия Чекановский был вынужден написать признательное заявление следующего содержания: «Многое передумав во время пребывания под арестом, я

решил быть правдивым перед следственными органами до конца. Я являюсь участником контрреволюционной организации правых на Урале, в которую был вовлечён директором металлургического завода Щербиной, руководителем контрреволюционной организации правых в Надеждинске. Поджог котельной теплосилового цеха был организован по заданию Щербины» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.26114, л.7). На допросе Чекановский дал следующие показания: «В организацию правых я был вовлечён в 1936 году директором завода Щербиной. Указания, полученные от Щербины, как руководителя контрреволюционной организации в Надеждинске, заключались в следующем:

1)Вовлекать в контрреволюционную организацию людей, недовольных Советской властью, и вообще всех озлобленных, не останавливаясь даже перед привлечением шпионов и уголовников.

2)Систематически срывать производственную программу по выработке продукции, создавать условия, ухудшающие быт рабочих, с тем, чтобы вызвать их недовольство.

3)Выводить из строя агрегаты, недоброкачественно производить ремонт и доводить механизмы до аварийного состояния» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.26114, л.12).

В обвинении, выдвинутом следствием, Чекановский обвинялся в том, что являлся активным участником антисоветской диверсионно-террористической организации «правых», ставившей целью свержение Советской власти. Работая в должности начальника теплосилового цеха на Надеждинском металлургическом заводе, он проводил вредительство, направленное на вывод из строя агрегатов теплосилового цеха, срывал выполнение правительственной программы по выплавке и прокатке качественных сталей, имеющих оборонное значение, нанося тем самым громадные убытки государству. В результате этих действий он совершил преступление, предусмотренное ст.58 п.п.8,9,11 УК РСФСР. 31 июля 1937 года в закрытом судебном заседании Военной Коллегией Верховного Суда СССР Чекановский В.Л. приговорён к высшей мере наказания с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества. Расстрелян 31 июля. Реабилитирован в 1957 году.

1 июня 1937 года арестовали секретаря парткома Надеждинского завода Аверина С.И. Сергей Иванович родился 5 июля 1892 года в деревне Вытизово Богородского уезда Нижегородской губернии, из семьи рабочего. Окончил начальную школу и два курса

Промышленной академии в Москве. Член ВКП(б) с 1916 года. В 1931-1933 годах – секретарь Липецкого горкома ВКП(б). С ноября 1933 по август 1935 года – секретарь парткома Макиевского металлургического завода, после чего ЦК ВКП(б) направлен секретарём парткома на Надеждинский металлургический завод. Жена Татьяна Николаевна – заведующая детскими яслями. Сын Фёдор (22 лет) служил в Красной армии, часть располагалась в Белорусском военном округе в городе Быхов. Второй сын Павел – учащийся. Аверин обвинялся по ст.58 п.п.8,11 УК РСФСР в том, что являясь активным членом контрреволюционной организации «правых», проводил подрывную деятельность на Надеждинском металлургическом заводе, 24 мая 1937 года был непосредственным участником диверсионного акта поджога теплосилового цеха (ГААОСО, Ф.Р-1, оп.2, д.23028, л.10). 3 августа 1937 года Военной Коллегией Верховного Суда СССР приговорён к высшей мере наказания с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества. Расстрелян 3 августа. Реабилитирован в 1957 году.

1 июня в Свердловске арестовали первого секретаря Надеждинского горкома ВКП(б) М.С.Смирнова. Михаил Степанович родился 13 октября 1904 года в деревне Снегирёво Старицкого уезда Тверской губернии. По профессии – литейщик. Член ВКП(б) с 1920 года. В мае 1934 года назначен И.Д.Кабаковым на должность первого секретаря Надеждинского горкома ВКП(б). Проживал по адресу: ул.Загородка, д.19, кв.1. Обвинялся по ст.58-9,11 в том, что являлся активным членом контрреволюционной организации «правых» и по её заданию проводил подрывную деятельность, принимал участие в организации поджога теплосилового цеха Надеждинского металлургического завода. Под давлением следствия Смирнов написал заявление, в котором полностью признавал свою вину: «Осознав бессмысленность и недопустимость дальнейшего заpiresательства, я решил дать правдивые показания о своей контрреволюционной деятельности и оказать помощь следствию в окончательном разгроме контрреволюционной организации правых. Я являлся активным членом организации правых, осуществлявшей под руководством Уральского центра в составе Кабакова, Седашова и Хороша вредительскую и диверсионную работу. В организацию правых я был вовлечён Кабаковым, бывшим секретарём Свердловского обкома, в апреле 1934 года и по заданию Уральского центра осуществлял подрывную и вредительскую деятельность. По их

директиве в мае 1937 года был организован поджог теплосилового цеха Надеждинского металлургического завода. Это рассматривалось, как своего рода демонстрация против ареста Кабакова. Мне также известны факты вредительской и диверсионной работы ряда членов Уральской организации правых по Надеждинскому району» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.23037, л.8).

В процессе следствия органы НКВД в большей степени были заинтересованы в сборе материалов, изобличающих контрреволюционную деятельность Кабакова, поэтому Смирнова заставили подписать следующий протокол:

ВОПРОС: Как ставился правыми вопрос о подрывной и диверсионной работе?

ОТВЕТ: Кабаков, формулируя конкретные наши задачи, подчеркнул, что свержение нынешнего руководства, помимо применения террористических методов, может быть достигнуто путём организации активной подрывной и диверсионной работы в области народного хозяйства. Мы должны всячески добиваться путём провокационных манёвров, дискредитирования политики ЦК, восстановить против ЦК широкие слои крестьянства, вызвав этим ряд серьёзных волнений и беспорядков.

ВОПРОС: Какая роль отводилась лично Вам, как участнику контрреволюционной организации правых?

ОТВЕТ: Мне отводилась следующая роль – организация подрывной деятельности в области партийной работы, сохранение в партии правых и троцкистов, воспитание партийного актива в духе слепого доверия к областному партийному руководству и, прежде всего, к самому Кабакову.

ВОПРОС: Что говорил Кабаков о значении диверсий, применительно к Надеждинскому заводу?

ОТВЕТ: Кабаков говорил так: «В связи с исключительной взаимозависимостью большинства отраслей народного хозяйства Надеждинского района, учитывая, что большинство предприятий непосредственно связаны и обслуживают металлургический завод (лес, уголь, железная руда, железная дорога), основное внимание по линии вредительской и диверсионной деятельности должно быть сосредоточено на металлургическом заводе (ГААОСО. Ф.Р.-1, оп.2, д.23037, л.19-20).

31 июля 1937 года на закрытом заседании Военной Коллегией Верховного Суда СССР Смирнов Михаил Степанович приговорён к

высшей мере наказания – расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества. Приговор окончательный и подлежал немедленному исполнению. Реабилитирован в июле 1957 года.

Кроме Смирнова из работников горкома были арестованы Поздин П.Г., Бажуков И.А., Туркин И.А. Поздин Пётр Гаврилович, уроженец города Алапаевска Верхотурского уезда, родился 25 июня 1887 года в семье рабочего, по профессии – слесарь. Окончил трёхклассное городское училище. Член ВКП(б) с мая 1917 года. До приезда в Надеждинск занимал должность директора треста «Уралхимлес». В январе 1933 года Уралобкомом направлен в наш город на партийную работу в связи с постановлением ЦК ВКП(б) об укреплении низового аппарата. В горкоме работал помощником заведующего отдела кадров. Проживал по адресу: Старый посёлок, 7 линия, дом 34, квартира 6. Арестован 20 октября 1937 года. Обвинялся по ст.58 п.2,7,11 УК РСФСР в том, что по заданию Смирнова вёл вредительскую работу в подборе и расстановке кадров участников контрреволюционной организации на более ответственные посты и ограждал от провала наиболее активных участников, входил во 2-й Надеждинский повстанческий взвод (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.23649, л.30). 17 января 1938 года Военной Коллегией Верховного Суда СССР приговорён к высшей мере наказания. Расстрелян в этот же день. Реабилитирован 5 июля 1957 года.

Бажуков Иван Александрович родился 25 сентября 1906 года в Юго-Каменском заводе Оханского уезда Пермской губернии в семье рабочего. По профессии – токарь по металлу. Окончил начальную школу. Член ВКП(б) с 1925 года. В 1934-1936 г.г. работал парторгом Богословских угольных копей, затем заведующим отделом школ и политпросвета Надеждинского горкома партии. Проживал – ул.Загородка, дом 1, квартира 2. Арестован 11 сентября 1937 года. Обвинялся по ст.58 п.7,11 УК РСФСР в том, что являлся участником контрреволюционной организации «правых», проводил вредительскую и подрывную работу в партийной организации, был связан с бывшим секретарём горкома ВКП(б) Смирновым, способствовал восстановлению в партии классово-чуждых людей, защищал и срывал их от разоблачения (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.42805, л.24). 21 января 1938 года выездной сессией Военной Коллегии Верховного Суда СССР приговорён к 10 годам ИТЛ с поражением в политических правах на 5 лет. Отбывая срок заключения, 3 апреля

1939 года Бажуков умер в лагере. Реабилитирован 17 февраля 1966 года.

Туркин Иван Арсентьевич, уроженец города Твери, родился 10 октября 1904 года в семье сапожника-кустаря. Окончил городское начальное училище и Коммунистический университет в Свердловске. Член ВКП(б) с 1923 года. В 1933 году по назначению Уралобкома направлен завучем совпартшколы в Надеждинск, позже работал директором Дома ленинской учёбы, член бюро горкома ВКП(б). Арестован 21 июля 1937 года. Обвинялся по ст.58 п.7,9,11 УК РСФСР в том, что являлся участником организации «правых», по заданию которой проводил контрреволюционную деятельность, направленную против руководства партии и правительства. 9 апреля 1938 года постановлением Особого Сопещения при НКВД СССР приговорён к 8-ми годам заключения в ИТЛ. Срок отбывал в СевВостЛаге в Магадане. С 1945 по ноябрь 1946 года Туркин работал слесарем на 5-й авиабазе «Дальстроя» МВД СССР, затем выехал в Калининскую область, где проживал в городе Вышний Волочёк и работал в ЖКО стеклозавода «Красный Май». 2 ноября 1949 года Ивану Арсентьевичу вновь было предъявлено обвинение в принадлежности к контрреволюционной организации «правых» и проведении антисоветской деятельности. Постановлением Особого Сопещения при МГБ СССР 25 марта 1950 года Туркин был сослан на поселение в Красноярский край. 31 августа 1955 года дело в отношении Туркина прекратили и он вернулся из ссылки (НСА СИМ. Д.40, л.5).

13 июня 1937 года был арестован технический директор металлургического завода Носов Николай Андреевич. Он родился в 1903 году в Верхнем Тагиле в семье служащего. В 1929 году окончил Сибирский технологический институт в Томске. Во время учёбы проходил практику на Надеждинском заводе, куда и приехал работать после института. С 1929 по 1935 год Николай Андреевич прошёл путь от начальника смены сортопрокатного цеха до технического директора завода. В 1934 году за хорошую работу премирован автомобилем. В Надеждинске проживал по адресу: ул.Загородка, д.4, кв.2. В 1934-1935 годах избирался депутатом горсовета. Старший брат Носова Алексей Алексеевич и муж его сестры Кузнецов Валерий Николаевич служили в годы Гражданской войны офицерами в Белой армии, на что, конечно же, обратило внимание следствие.

Носов обвинялся по ст.58-8,9,11 УК РСФСР в том, что состоял активным членом контрреволюционной организации «правых»,

осуществившей 1 декабря 1934 года в блоке с троцкистами злодейское убийство С.М.Кирова и готовившей в последующие годы террористические акты против руководства ВКП(б) и Советского правительства, входил в одну из террористических групп названной организации, одновременно выполнял её задания по диверсионно-вредительской работе на Надеждинском заводе, заключавшейся в срыве производственной программы и выработке недоброкачественной продукции (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.23032, л.69). Дело было передано на рассмотрение Военной Коллегии Верховного Суда СССР. Закрытое судебное заседание Коллегии в составе председателя Н.М.Рычкова, членов И.М.Зарянова, Г.А.Алексеева и секретаря Н.В.Козлова состоялось в Свердловске 2 августа 1937 года. На суде Носов виновным себя не признал, показания Щербины о том, что он являлся членом контрреволюционной организации, отверг, как ложные, заявив о том, что о существовании контрреволюционной организации узнал только на предварительном следствии. Тем не менее, суд приговорил Носова Николая Андреевича к высшей мере наказания – расстрелу, с конфискацией всего принадлежащего ему имущества. Приговор привели в исполнение 2 августа 1937 года.

Приведём ещё несколько фамилий металлургов арестованных по делу контрреволюционной организации «правых» в Надеждинске. Свиридов Пётр Иванович, родился 1 февраля 1898 года в Залазнинском заводе Вятской губернии. До революции работал чертёжником. В годы Гражданской войны служил в Белой армии. В Надеждинске проживал по адресу: ул.Загородка, д.11, кв.3. Работал помощником начальника теплосилового цеха по водоснабжению. Арестован 7 июня 1937 года. Обвинялся по ст.58 п.п.7,9 УК РСФСР в том, что будучи активным участником контрреволюционной организации осуществил на заводе ряд диверсионных актов. В частности, в 1933 году во время поджога в крупносортном цехе умышленно задерживал подачу воды, в результате чего цех сгорел. В контрреволюционную организацию был вовлечён бывшим директором завода Рязанцевым (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.23035, л.6,47). 2 августа осуждён Военной Коллегией Верховного Суда СССР к высшей мере наказания с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества. Расстрелян 2 августа 1937 года. Реабилитирован в июле 1957 года.

Что касается Рязанцева Порфирия Петровича (1891 г.р., уроженца села Никольское Курской губернии), то он до 1933 года работал начальником Богословско-Сосьвинской железной дороги, в 1933-1934 г.г. – директор Надеждинского металлургического завода. С 1934 года – начальник железнодорожного цеха Новотульского металлургического комбината. 3 февраля 1937 года был арестован Тульским ГО НКВД. 16 января 1938 года постановлением Особого совещания при НКВД СССР осуждён на 5 лет ИТЛ за контрреволюционную деятельность. В ходе следствия по делу правых в Надеждинске в горотдел НКВД пришёл запрос из Тулы с просьбой выслать материал на Рязанцева о его контрреволюционной деятельности в Надеждинске. Таким образом, местные чекисты включили Рязанцева в число одного из организаторов надеждинской организации «правых», якобы созданной им ещё в 1933 году.

Платонов Иван Семёнович, родился 7 июня 1900 года в Усть-Боровском заводе Пермской губернии, из семьи рабочих. Имел начальное образование. В Надеждинске проживал с апреля 1929 года по адресу: ул.Октябрьской революции, д.20, кв.1. Работал начальником комунхоза металлургического завода. Арестован 7 июня 1937 года за принадлежность к организации «правых». На суде Платонов виновным себя не признал. Приговор по обвинению Платонова гласил: «Рассмотрев дело по обвинению Платонова, следствием было установлено, что он с 1933 года являлся активным участником антисоветской диверсионно-террористической организации правых, ставившей целью свержение Советской власти, входил в состав группы правых на Надеждинском металлургическом заводе. По своей антисоветской деятельности был организационно связан с Рязанцевым. Занимая должность начальника военизированной пожарной команды, по заданию Рязанцева вёл на заводе диверсионную деятельность, направленную на дезорганизацию работы по тушению пожаров. В результате этого сгорели электромонтажный цех, металлографическая лаборатория завода и третий передел крупносортового цеха, чем совершил преступление, предусмотренное ст.58 п.п.8,9,11 УК РСФСР. Руководствуясь ст.319 и 320 УПК РСФСР Военная Коллегия Верховного Суда СССР приговорила Платонова Ивана Семёновича к высшей мере наказания – расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества. Приговор окончателен и обжалованию не подлежит и в силу Постановления ЦИК СССР от 1 декабря 1934 года подлежит

немедленному исполнению. Председатель – диввоенюрист Н.М.Рычков, члены: бригавоенюристы И.М.Зарянов, Г.А.Алексеев, секретарь – военный юрист 3 ранга Н.В.Козлов. Город Свердловск. 31 июля 1937 года» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.29514, л.63-63об). Реабилитирован Платонов И.А. в 1957 году.

Щербаков Макар Михайлович, родился 1 августа 1904 года в посёлке Комбарка Вятской губернии в семье рабочего. Окончил ремесленное училище, в 1922-1926 г.г. учился в Кунгурском механическом техникуме. После учёбы направлен на Надеждинский металлургический завод. В 1926-1929 г.г. преподавал специальные технические предметы в ФЗУ металлургического завода, 1929-1930 – конструктор конструкторского бюро, 1930-1933 – помощник начальника крупносортового цеха по оборудованию, 1933-1936 – начальник крупносортового цеха, с мая 1936 года – заместитель технического директора завода. Проживал: ул.Загородка, д.2, кв.4. Обвинялся по ст.58 п.п.7,8,11 УК РСФСР в том, что он был активным участником контрреволюционной организации «правых» в Надеждинске. В 1933-1934 г.г. принимал активное участие в нелегальных собраниях, проводившихся под видом выпивок и игры в карты, где велись беседы на антисоветские темы, дискредитировавшие руководителей партии и правительства. Щербаков путём аварий и дезорганизации работы в цехах завода срывал выполнение производственной программы по выработке качественной стали, идущей для оборонной промышленности страны. Выпускал в большом количестве бракованный металл, нанося большие убытки государству (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.23036, л.42-43). На суде Щербаков обвинения, предъявленные ему следствием не признал. 2 августа 1937 года Военной Коллегией Верховного Суда СССР приговорён к расстрелу с конфискацией всего лично принадлежащего ему имущества. Приговор приведён в исполнение в этот же день. Реабилитирован в июле 1957 года.

Хайдуков Николай Васильевич, родился 18 декабря 1903 года в городе Оса Пермской губернии в семье служащих. Окончив Кунгурский механический техникум, в 1927 году был направлен на работу в Надеждинск. Проживал: ул.Загородка, д.5, кв.4. На момент ареста занимал должность начальника капитального строительства металлургического завода. Арестован 21 июля 1937 года за принадлежность к контрреволюционной организации «правых». В обвинительном заключении говорилось: «По заданию руководителя

контрреволюционной организации правых Рязанцева обвиняемый Хайдуков проводил подрывную деятельность по срыву реконструкции цехов завода. В 1936 году вредительски построил фундамент для редуктора в сортопрокатном цехе. При постройке нового здания котельной электростанции умышленно не поставил металлический каркас здания, предусмотренный проектом, вследствие чего стены здания высотой 17м при сильных колебаниях во время работы электромоторов фирмы «Тиссен» в 1500 лошадиных сил находятся под угрозой обвала и разрушения. В 1934 году при монтаже ресиверов компрессорам мартеновского цеха умышленно не установил предохранительные клапаны, что при пуске компрессора вызвало взрыв ресивера с разрушением северной части стены компрессорного помещения. Омертвлял капитал путём заготовки излишнего оборудования, нанося государству громадные убытки (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.18682, т.1, л.2,41,42). В ходе свидетели Моров и Смирнов показали, что Хайдуков строительством здания котельной не руководил, а наоборот, сам принял меры к ликвидации разрушения стены. Что касается аварии в компрессорной, то отношения к ней Хайдуков не имел. На суде он виновным себя не признал, заявив о том, что ни в какой контрреволюционной организации не состоял. 13 января 1938 года Военной Коллегией Верховного Суда СССР приговорён к высшей мере наказания с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества. Расстрелян 13 января 1938 года. Реабилитирован в 1956 году.

Лебедев Дмитрий Зиновьевич, родился 17 февраля 1903 года в Нижнем Тагиле в семье служащего. Окончил гимназию и химико-металлургический факультет Уральского политехнического института. С 1929 года жил в Надеждинске по адресу: ул.Загородка, дом 22, квартира 3. Трудиться на заводе начинал сменным инженером. 16 февраля 1931 года назначен помощником начальника доменного цеха. В 1933 году за ударную работу премирован автомобилем. С 1934 года по день ареста занимал должность начальника доменного цеха. Арестован 10 августа 1937 года. По версии следствия Лебедев, являясь участником контрреволюционной организации, проводил по её заданию диверсионно-вредительскую деятельность в доменном цехе. На суде виновным себя не признал. Военной Коллегией Верховного Суда СССР 19 января 1938 года приговорён к высшей мере наказания по ст.58 п.п.7,8,11. Приговор по обвинению Лебедева Д.З. гласил: «Лебедев с 1935 года являлся участником антибольшевистской

повстанческо-террористической и диверсионно-вредительской организации правых, существовавшей в Свердловской области. Разделял повстанческо-террористические методы борьбы против Советской власти. Входил в состав повстанческого взвода на Надеждинском заводе, созданного для вооружённого восстания против Советской власти. Занимался вредительством в доменном цехе, направленном на разрушение доменных печей и других механизмов, путём умышленного срыва планов предварительного ремонта и нарушения технологического режима работы на печах» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.22490, л.43-43об). Приговор приведён в исполнение 19 января 1938 года. Реабилитирован в 1957 году.

Помимо инженеров металлургического завода в сентябре 1937 года горотделом НКВД к делу «правых» были приобщены работники пищевой промышленности и сельского хозяйства. 15 сентября на своём рабочем месте был арестован директор хлебозавода Калипин Иван Ильич. Он родился в 1896 году в Надеждинске. В своей автобиографии Иван Ильич писал: «Мои родители до приезда в Надеждинск жили в Вятской губернии и занимались сельским хозяйством, но ввиду бедности своего хозяйства оставили этот промысел и решили податься на Урал, где на заводах была работа. В 1893 году мои родители приехали в Надеждинск, где началось строительство металлургического завода. Отец сначала поступил чернорабочим, впоследствии служил десятником в сортопрокатном цехе. Мать занималась домашним хозяйством. В 1904 году я начал своё учение в Надеждинском 3-х классном народном училище и, окончив последнее, продолжил учиться в 4-х классном городском училище, где и пробыл два года, не окончив последнее. В 1909 году поступил на металлургический завод учеником в механический цех, в том же году переведён маслёнщиком при паровых машинах заводской водокачки, где работал впоследствии помощником машиниста до 1912 года. В 1912 году поступил в газозлектрический цех учеником установщика, где проработал до 1918 года, получив квалификацию электромонтёра. В 1918 году добровольно вступил в ряды РККА, был зачислен в 8 Уральский добровольческий стрелковый полк пулемётчиком. В годы Гражданской войны был рядовым членом полкового комитета, членом следственной комиссии по борьбе с бандитизмом, телефонистом. Воевал на фронтах против Дутова, Колчака и Деникина. Из РККА уволен по болезни в марте 1921 года. Вернувшись домой вновь поступил в газогенераторный цех

металлургического завода слесарем, где проработал до 16 июля 1922 года. Затем был назначен заведующим квартирным отделом Надеждинского завода. В этой должности проработал до мая 1923 года, после чего опять вернулся в газогенераторный цех инструментальщиком, где проработал до декабря месяца. В декабре был избран членом Надеждинского районного исполнительного комитета, где выполнял работу заведующего местного хозяйства. В 1926 году назначен заведующим Надеждинским отделением «Уралторга». В этой должности проработал два года. С 1 февраля 1928 года выбран членом правления Надеждинского центрального рабочего кооператива. С 25 июля 1929 года работал заведующим торговым отделом «Уралторга». С 1 февраля 1931 года назначен управляющим Надеждинским отделением «Свердснабсбыта». С 1 мая 1936 года – директор Надеждинского хлебокомбината. Член ВКП(б) с 1924 года» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.24420, л.5). Калинин обвинялся по ст.58 п.п.7,11 УК РСФСР в том, что состоял участником контрреволюционной вредительской организации. В 1936-1937 годах сознательно на протяжении ряда месяцев дезорганизовывал снабжение населения города Надеждинска хлебом, то снижая, то повышая норму выдачи. В результате, с ноября месяца 1936 года хлеботорговля в городе была сорвана, у магазинов создавались огромные очереди. Выездной сессией Специальной коллегии Свердловского областного суда в городе Надеждинске в составе председателя областного суда И.А.Петрова, членов – Спирина и Третьякова, при секретаре Гришевой с участием сторон: государственного обвинения – в лице заместителя прокурора Уральского военного округа Бурцева, защиты – адвоката Гилёва, в открытом судебном заседании 27-29 сентября 1937 года Калинин И.И. приговорён к высшей мере наказания с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества. Расстрелян 8 декабря 1937 года. Реабилитирован 26 ноября 1957 года.

Вместе с Калининным по делу проходили работники конторы «Заготзерно» Захаров В.С., Шмаков М.Г., Мохов А.В., Зенков А.Д. Скажем несколько слов об этих людях. Захаров Василий Яковлевич родился в 1893 году в селе Усть-Суерском Мостовской волости Уфимской губернии в семье крестьянина-середняка. С 1920 года – управляющий Надеждинской конторы «Заготзерно». Обвинялся по ст.58 п.п.7,11 УК РСФСР в том, что являлся участником вредительской организации «правых» в Надеждинске, принимал зерно

от колхозов в неdezинфицированные склады, что приводило его к порче. Снабжал испорченной мукой потребителей Надеждинского района, хлебозавод, Самские лагеря и т.д. В колхозы направлял негодное зерно, предназначенное для сева, преследуя цель занизить урожайность зерновых на колхозных полях. Создавал условия для массового хищения социалистической собственности (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.24420, л.11).

Шмаков Матвей Григорьевич родился в 1898 году в деревне Шмакова Махнёвской волости Верхотурского уезда в семье зажиточного крестьянина. На момент ареста работал главным бухгалтером Надеждинской конторы «Заготзерно». Обвинялся по ст.58 п.п.7,11 УК РСФСР в том, что являясь участником вредительской группировки не вёл должного учёта хлебопродуктов, отпускаемых с базы, что давало возможность расхищать хлебопродукты в массовом количестве, скрывал лиц, виновных в недостачах и хищениях хлебопродуктов (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.24420, л.19).

Мохов Алексей Васильевич родился в 1905 году в Надеждинске в семье рабочего. Заведующий складом №3 базы «Заготзерно». Обвинялся по ст.58 п.п.7,11 УК РСФСР в том, что производил массовую порчу хлебопродуктов. В 1936-1937 годах по заданию Захарова выгрузил под открытое небо более 1 тысячи тонн муки, не закрыв брезентом, в результате около половины этого хлеба испортилось. Принимал зерно в склады, заражённые клещом, а затем это же зерно выдавал колхозникам, отпускал недоброкачественную муку потребителям (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.24420, л.20).

Зенков Александр Дмитриевич родился в 1907 году в деревне Елань Екатеринбургского уезда. Работал заведующим оперативным учётом конторы «Заготзерно». Обвинялся по ст.58 п.п.7,11 в том, что сознательно укрывал расхитителей хлеба со складов «Заготзерно», запутывал отчётность. Вместе с бывшим заведующим Носыревым похитил из Сосьвинского филиала «Заготзерно» 2,5 тонны хлеба и продал его спецпоселенцам (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.24420, л.21).

На суде обвиняемые виновными себя не признали. Выездной сессией Специальной коллегии Свердловского областного суда в городе Надеждинске они были приговорены к высшей мере наказания с конфискацией всего лично им принадлежащего имущества. Расстреляны 8 декабря 1937 года. Реабилитированы в ноябре 1957 года.

По делу «правых» проходил и участник взятия Зимнего дворца Оносов Иван Силантьевич, 1893 года рождения, член ВКП(б) с июня 1917 года. На момент ареста — директор Надеждинской МТС. 27 августа 1937 года постановлением бюро Свердловского обкома ВКП(б) исключён из партии, как враг народа. 19 января 1938 года Военная Коллегия Верховного Суда СССР приговорила Оносова И.С. к высшей мере наказания. Реабилитирован 5 марта 1959 года.

Не обошли вниманием органы НКВД и завод №76, который выпускал артиллерийские снаряды. За первое полугодие 1937 года, если верить сводке горотдела НКВД, здесь продолжал оставаться высокий процент брака. По чертежу №1611 выпущено 11455 бракованных снарядных стаканов, №02820 — 10629 стаканов, №1676 — 1676 стаканов и авиацилиндров — 2324 штуки (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.34046, л.29). При производстве снарядов всех калибров наиболее существенными дефектами были разностенные снаряды, трещины на корпусах ввиду плохой термообработки, неплотная набивка медных поясков, неправильная резьба и размеры ввиду неисправности измерительных приборов. Виновными в сложившейся ситуации объявили главного инженера завода Гурастова К.М. и начальника отдела снабжения Данилова К.М., входивших в организацию «правых» по заданию которой с целью ослабления обороноспособности они проводили подрывную работу по срыву выполнения военных заказов, разрушению станочного, прессового и гидравлического хозяйства, при помощи других участников контрреволюционной организации бракованную продукцию сдавали на склады артуправления РККА. Кроме того, они вошли в связь с руководителем повстанческого округа агентом германской разведки Миончинским, от которого получили задание подготовить к моменту войны вывод завода из строя путём организации взрыва (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.34046, л.60).

Гурастов Константин Михайлович родился 7 сентября 1905 года в селе Ичалки Арзамаского уезда Нижегородской губернии в семье рабочего-кузнеца. В 1930 году окончил институт по специальности инженер-технолог, по распределению был направлен в Нижний Тагил на завод №63. Работал начальником инструментального цеха. В апреле 1936 года распоряжением Главного комитета артуправления РККА назначен главным инженером на завод №76 в Надеждинск. Проживал по адресу: ул.Октябрьской революции, дом 2, квартира 2. Арестован 10 сентября 1937 года. Военной коллегией Верховного суда

СССР 14 января 1938 года приговорён к высшей мере наказания по ст.58 п.8,9,11 УК РСФСР. В этот же день приговор привели в исполнение. Реабилитирован в декабре 1965 года.

Данилов Александр Филиппович, 1902 г.р., уроженец Сосьвинского завода Верхотурского уезда Пермской губернии, из семьи рабочих. Окончил начальную школу. Проживал по адресу: проспект Ленина, дом 2, квартира 2. Арестован 29 июля 1937 года. Постановлением Тройки при УНКВД Свердловской области 9 декабря 1937 года по ст.58 п.6,7,9,11 УК РСФСР приговорён к смертной казни. 26 января 1938 года расстрелян. Реабилитирован 27 июля 1956 года.

Остановимся ещё на нескольких фамилиях работников городских предприятий, проходивших по делу «правых» в Надеждинске.

Кирюшев Василий Гаврилович, директор Надеждинского леспромхоза. Родился 19 февраля 1903 года в деревне Желудково Московской губернии. Из семьи крестьянина-кулака, по профессии – инженер-лесовод, в 1929 году окончил Ленинградскую лесотехническую академию. Член ВКП(б) с 1925 года. В 1936 году переведён из Алапаевского леспромхоза в Надеждинск. Проживал по адресу: ул.Загородка, дом 6, квартира 1. Арестован 15 августа 1937 года. Обвинялся по ст.58 п.2,8,9,11 УК РСФСР в том, что являясь участником организации «правых», с целью остановки работы доменных печей металлургического завода сорвал поставку им древесного угля и топлива. Не производил планово-предупредительный ремонт тракторов и машин, что вело их к систематическим поломкам. Провоцировал недовольство рабочих-лесорубов путём содержания их в плохих жилищных условиях и систематической невыплаты заработной платы. Кроме того, входил в повстанческий взвод, возглавляемый бывшим белогвардейцем Смирновым И.Ф. (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.34126, л.32-34). Военной Коллегией Верховного Суда СССР 14 января 1938 года приговорён к высшей мере наказания. Расстрелян в день вынесения приговора. Реабилитирован в мае 1966 года.

Комельков Фёдор Семёнович, механик химзавода Надеждинской углехимбиржи. Родился 2 марта 1891 года в деревне Белоярка Шадринского уезда Тобольской губернии. Окончил начальную школу. Подпрапорщик царской армии. До 1933 года – рабочий, затем – служащий. Проживал – Старый посёлок, 7 линия, дом 3. Арестован 6 августа 1937 года. Обвинялся по ст.58 п.7,8 УК РСФСР в том, что оставаясь непримиримым врагом Советской власти вёл подрывную

деятельность на производстве. Работая механиком химзавода, с вредительской целью вывел из строя воздухоудувный вентилятор, а также другие ответственные агрегаты завода. Систематически не выполнял производственные программы, занимался обшчётом рабочих (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.25084, л.20). Постановлением Тройки УНКВД по Свердловской области 10 октября 1937 года Фёдор Семёнович Комельков приговорён к высшей мере наказания. Расстрелян 14 октября 1937 года. Реабилитирован 8 февраля 1958 года.

Виноградов Михаил Николаевич, директор Гострансторгпита станции Надеждинск. Родился в 1908 году в селе Красный Бор Казанской губернии в семье служителя культа, отец служил дьяконом. Образование незаконченное среднее. Проживал по адресу: Новый посёлок, 2 линия, дом 6. Арестован 6 октября 1937 года. Обвинялся по ст.58 п.7,8,11 УК РСФСР в том, что проводил диверсионно-подрывную работу в системе Трансторгпита, выразившуюся в отравлении 29 рабочих (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.41616, л.154). Постановлением Тройки УНКВД по Свердловской области 14 марта 1938 года приговорён к высшей мере наказания. Расстрелян 7 мая 1938 года. Реабилитирован в июне 1989 года.

Среди репрессированных по делу «правых» оказались и журналисты городской газеты «Северный рабочий». 4 июля 1937 года арестовали главного редактора Копытцева Александра Галактионовича., предъявив ему обвинение по ст.58 п.7,8,11 УК РСФСР в том, что являясь членом бюро горкома ВКП(б) он был завербован в контрреволюционную организацию «правых» первым секретарём Надеждинского горкома Смирновым. Копытцев вёл активную подрывную работу в редакции газеты «Северный рабочий», используя своё служебное положение превратил её в средство борьбы с самокритикой. Парализовал самокритику в газете, развалил работу с рабкорами и селькорами. Помещал на страницах газеты письма отдельных граждан контрреволюционного содержания, как например, письмо медработников, выражавших сожаление террористу Пятакову и другим (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.23110, л.65). Александр Галактионович родился 31 августа 1904 года в городе Нижний Тагил в семье горняка. Имел начальное образование. Член ВКП(б) с 1925 года. Проживал по адресу: ул.Загородка, дом 10, квартира 1. 17 января 1937 года Военной Коллегией Верховного Суда СССР приговорён к

высшей мере наказания. Расстрелян в день вынесения приговора. Реабилитирован 5 июля 1957 года.

Комаров Николай Петрович, заместитель главного редактора газеты «Северный рабочий», уроженец деревни Обросенки Котельничского уезда Макарьевской волости Вятской губернии. Родился 17 июля 1902 года в семье крестьянина. Образование среднее, окончил совпартшколу в Нижнем Тагиле. С 1924 года член ВКП(б). Арестован 11 августа 1937 года. Обвинялся по ст.58 п.7,9,11 УК РСФСР в том, что являлся участником контрреволюционной вредительской организации «правых», в которую был завербован Смирновым. В контрреволюционных целях широко использовал газету, на её страницах зажимал самокритику и скрывал от разоблачения врагов народа. Хранил у себя на квартире контрреволюционную троцкистскую литературу. Получая от рабочих большое количество корреспонденции, разоблачающих вредительскую деятельность руководителей организации «правых» в лесной промышленности района, Комаров не печатал эти письма в газете (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.26934, л.5). Решением Особого Совещания НКВД СССР 23 июля 1938 года приговорён к заключению в ИТЛ сроком на 8 лет, однако это решение в исполнение приведено не было и на основании приказа НКВД СССР №00762-38 оно утратило свою силу. Произведённым по делу дополнительным следствием контрреволюционная деятельность Комарова не подтвердилась. Имеющихся в деле улик для придания его суду по ст.58 п.7,9,11 УК РСФСР оказалось недостаточно, поэтому следователь следственной части УНКВД по Свердловской области сержант ГБ Агунович, проводивший дополнительное расследование, постановил 26 декабря 1939 года дело по обвинению Комарова прекратить, а его самого из-под стражи освободить.

Аналогичный вердикт о прекращении уголовного преследования был вынесен следственной частью УНКВД и в отношении бывшего председателя исполкома горсовета Козырькова. Дмитрий Константинович родился 14 июля 1897 года в деревне Тиксево Урман-Кудейской волости Уфимской губернии в семье кустика щепного производства, отец использовал в хозяйстве наёмную рабочую силу до 5 человек. Образование неполное среднее, по профессии – счетовод. Работал на Кытлымском прииске. С февраля по июнь 1918 года заведующий финансовым отделом Николаево-Павдинского волостного Совета. В 1919-1920 гг. уполномоченный по сбору продразвёрстки в

Шадринском уезде. С 1921 по 1923 год заместитель председателя исполкома Шадринского уездного Совета. В период 1923-1929 гг. заместитель Уральского областного прокурора. В 1929-1933 гг. ответственный работник аппарата исполкома Уралсовета. С 1934 года депутат Свердловского областного Совета. Член ВКП(б) с 1919 года. Исключён из рядов партии 20 июля 1937 года как пособник врагов народа. В Надеждинске проживал по адресу: ул.Кирова, дом 7, квартира 3. Арестован 19 октября 1937 года. Обвинялся по ст.58 п.7,11 УК РСФСР в причастности к организации «правых». Дело Козырькова вёл оперуполномоченный 4-го отделения горотдела НКВД М.Якубович. В обвинительном заключении говорилось: «Козырьков является участником контрреволюционной организации правых, в которую был вовлечён в 1936 году руководителем одной из групп, бывшим секретарём Надеждинского горкома ВКП(б) Смирновым. По заданию организации проводил следующую подрывную работу:

1) Возглавлял вредительскую группу, в которую завербовал Рожкову – бывшую заведующую горздравотделом, Овчинникова – бывшего заведующего гороно. С помощью последних развернул активную подрывную работу по срыву народного образования и медицинского обслуживания трудящихся города Надеждинска и района, растранижил средства для этих целей не по назначению.

2) В контрреволюционных целях развалил работу секций горсовета.

3) Совместно с участником организации Юргановым проводил вредительскую работу по подрыву сельского хозяйства района путём вредительского планирования посевной площади района и умышленного срыва сроков распределения семян по колхозам» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.5628, л.62-63).

По существу предъявленных обвинений Козырьков виновным себя не признал. Для дальнейшего рассмотрения дело направили в Военную Коллегию Верховного Суда СССР. В сентябре 1938 года, находясь в Нижне-Туринской тюрьме, Козырьков подал на имя Прокурора Свердловской области заявление о том, что выдвинутые против него обвинения основаны исключительно на клеветническом оговоре других лиц, также проходивших по делу «правых». В результате следственные материалы Козырькова вернули на дополнительное расследование, освободив его из-под стражи под подписку о невыезде. 13 августа 1939 года все обвинения против Дмитрия Константиновича сняли за отсутствием состава

преступления. 20 ноября 1939 года пленум Свердловского облисполкома восстановил Козырькова в правах члена исполкома. На следующий день бюро Серовского горкома ВКП(б) восстановило его в партии, направив на работу юристом в «Серовлесдревмет». С февраля 1942 года заместитель управляющего трестом «Волчанскуголь» по рабочему снабжению. С 1950 года начальник ОРСа треста. Проживал в Волчанске. В 1957-1961 гг. депутат Краснотурьинского городского Совета, в 1957-1959 – председатель исполкома Волчанского Совета.

Поводом к аресту Козырькова послужили следственные материалы по делу заведующего земельным отделом горсовета Юрганова Н.И., арестованного 26 июля 1937 года за причастность к организации «правых». Николай Иванович родился в 1901 году в Перми в семье рабочего, член ВКП(б) с 1920 года. В Надеждинске проживал по адресу: ул. Льва Толстого, дом 1, кв. 2. Обвинялся по ст. 58, п. 7, 8, 11 УК РСФСР в том, что с 1936 года являлся активным участником контрреволюционной диверсионно-повстанческой организации «правых». Вместе с Козырьковым и Прозоровым проводил вредительскую работу в области сельского хозяйства, несвоевременно обеспечивал колхозы сельскохозяйственной техникой и запасными частями, что приводило к срыву посевных компаний. Разрешил продажу молока от больных коров, что привело к вспышке бруцеллёза среди населения в Филькино, на Южно-Вагранском участке и в Надеждинске. В результате контрреволюционной деятельности Юрганова колхозы района не могли выполнять важнейшие задачи, поставленные партией и правительством. Чекисты вынудили Николая Ивановича подписать сфальсифицированный протокол допроса, якобы изобличающий в контрреволюционной деятельности ответственных партийных и советских работников. Приведём выдержки из него:

«ВОПРОС. Назовите известных Вам участников контрреволюционной организации «правых» в Надеждинске и районе.

ОТВЕТ. Участниками контрреволюционной организации «правых» в городе и районе являются Смирнов – первый секретарь горкома ВКП(б), Козырьков – председатель горсовета, Прозоров – заместитель председателя горсовета, Оносов – директор Надеждинской МТС, Юнышев – старший механик Надеждинской МТС, Колмаков – старший бухгалтер Надеждинской МТС, Тренихин – председатель

колхоза «Искра», Лимонов – председатель колхоза им.Сталина, Санкин – старший зоотехник Горзо.

ВОПРОС. Расскажите подробно о практической контрреволюционной деятельности Козырькова и Прозорова.

ОТВЕТ. Козырькову и Прозорову, как руководителям горсовета, было известно о проводимой мною вредительской деятельности по линии сельского хозяйства. Все даваемые мною вредительские установки в аппарате Горзо и на периферии района предварительно согласовывались с Козырьковым и Прозоровым. В отдельных случаях ими вносились дополнительно свои вредительские коррективы. Кроме того, Козырьковым и Прозоровым проводилась большая подрывная работа по линии советских учреждений. Весной 1936 года мной был информирован председатель горсовета Козырьков о плохом состоянии колхозов, их материальной необеспеченности. В беседе со мной Козырьков заявил, что плохое состояние деревни не только в нашем районе, но и по всему союзу. Это является следствием преждевременного проведения коллективизации и ликвидации кулачества как класса. Коллективизация на Урале – это авантюра. Уральский мужик настроен против коллективизации и по своей натуре не может быть колхозником, так как сегодня он в колхозе, а завтра пойдёт на завод или копать золото. Партия не учитывает настроения крестьянства, а на такой политике далеко не уедешь. Наряду с этим, Козырьков высказывал резкое несогласие с политикой ликвидации кулачества как класса. Он считал раскулачивание большой политической ошибкой ЦК ВКП(б) и лично Сталина. По его мнению, партия под видом раскулачивания подвергла разорению значительные слои трудового крестьянства. Эта политика является нарушением ленинского принципа сохранения союза рабочего класса с крестьянством. По вопросу политики индустриализации Козырьков клеветнически заявил, что пятый план индустриализации выполняется целиком на непосильной эксплуатации рабочего класса, на ухудшении жизненного уровня рабочих, на нищете и голоде широких слоёв крестьянства, указывая как факт, что тысячи крестьян находятся в спецссылке в Надеждинском районе.

ВОПРОС. В чём ещё заключалась контрреволюционная деятельность Козырькова?

ОТВЕТ. Контрреволюционная деятельность Козырькова заключалась также в срыве сельскохозяйственных компаний. Вспашка, уборка, сенокос умышленно проводились с плохой подготовкой

сельхозинвентаря. Сельхозмашины запасными частями не обеспечивались. Всё это отталкивало от вступления в колхозы единоличников и вело к выходам из колхозов» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.34127, л.5,31-33). Следствие по делу Юрганова вели начальник ГО НКВД старший лейтенант ГБ Котков и начальник 4-го отделения старший лейтенант ГБ Смирнов. 19 января 1938 года Военная коллегия Верховного Суда СССР приговорила Юрганова к высшей мере наказания. Приговор приведён в исполнение в этот же день. 17 февраля 1966 года Николай Иванович реабилитирован.

Юнышев Георгий Семёнович, 1908 г.р., был арестован УНКВД по Свердловской области 22 февраля 1938 года. 27 мая 1939 года уголовное дело по обвинению Юнышева прекращено Свердловским областным судом за отсутствием состава преступления. Тренихин Георгий Филиппович, 1906 г.р. и Сапкин Николай Михайлович, 1911 г.р. арестованы Надеждинским ГО НКВД в феврале-марте 1938 года. 26 ноября 1939 года находясь под следствием Санкин умер. 27 января 1940 года уголовное дело по обвинению Тренихина прекращено Свердловским областным судом. Лимонов Тимофей Ефимович, 1907 г.р., 23 января 1938 года приговорён Военной Коллегией Верховного Суда СССР к заключению в ИТЛ сроком на 15 лет, реабилитирован 17 декабря 1955 года.

К уголовной ответственности городским отделом НКВД были привлечены и члены семей некоторых осуждённых по делу «правых». Так, 26 сентября 1937 года взяли под стражу Носову Зинаиду Николаевну, жену технического директора мсталлургического завода Носова Н.А. Она родилась в 1904 году в селе Лебяжье Шадринского уезда Тобольской губернии в семье служителя культа. Работала врачом-терапевтом в Надеждинской городской больнице. После ареста мужа семью переселили из Загородки в больничный городок, дом 6, квартира 1. Носова обвинялась в том, что до ареста мужа вместе с ним участвовала в контрреволюционных сборищах проходивших под видом семейных вечеров, зная об антисоветских настроениях мужа, не сообщила об этом органам Советской власти (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.20186, л.21). Считая Носову социально опасным элементом, следственное дело направили на рассмотрение Особого Сопещения при НКВД СССР, где 27 октября 1937 года Зинаида Николаевна, как член семьи изменника Родины, приговорена к 8 годам заключения в ИТЛ. Оставшуюся без родителей пятилетнюю дочь Ирину взяла к себе мать Носовой Редькина Ольга Корнатовна,

проживавшая в городе Новосибирске. После отбытия наказания в Нарымском лагере Носова З.Н. поселилась в городе Мариинске Кемеровской области. Реабилитирована в 1957 году.

Также как жёны изменников Родины были осуждены: Клепикова Екатерина Григорьевна (1894 г.р.) на 8 лет, Свиридова Елена Фёдоровна (1901 г.р.) на 8 лет, Хайдукова Анна Андреевна (1906 г.р.) на 5 лет.

В период преодоления культа личности Сталина многие родственники незаконно осуждённых по политическим мотивам стали обращаться в различные инстанции, чтобы узнать судьбу своих близких. Как правило, после таких обращений граждан Генеральная прокуратура проводила дополнительные расследования. Если в ходе проверки выяснялось, что дело сфальсифицировано, тогда ранее вынесенные приговоры отменялись, а осуждённые подлежали реабилитации. В апреле 1955 года А.А.Хайдукова обратилась к Генеральному прокурору СССР Руденко с заявлением: «В 1937 году в июле месяце в городе Серове Свердловской области был репрессирован мой муж Хайдуков Николай Васильевич, 1903 г.р., работающий в то время начальником отдела капитального строительства в городе Надеждинске. Осуждён по статье 58. С момента его репрессии, я до сих пор никаких сведений о нём не имею. На мои запросы в 1945 году из Москвы мне ответили, что он осуждён сроком на 10 лет без права переписки. Прошло уже 17 лет, а я не знаю - жив ли он. Обращаюсь к Вам с просьбой пересмотреть его дело и если это возможно, снять с него судимость хотя бы посмертно и сообщить мне. Его судимость лежит пятном на мне и сыне и служит причиной того, что меня преследуют на работе в городе Серове, как жену репрессированного. С работы меня неоднократно увольняли, приписывая мне различные вымышленные обвинения, которые не подтвердились при расследовании инспектором ВЦСПС по указанию товарища Шверника. До сих пор, в течении 12 месяцев я нахожусь без работы и нигде не могу найти справедливости» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.18682, т.2, л.4). По заявлению Анны Андреевны прокуратура провела дополнительное расследование в результате которого приговор Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 13 января 1938 года в отношении Хайдукова Николая Васильевича был отменён, а сам Хайдуков реабилитирован в 1957 году. Большинство осуждённых по делу контрреволюционной организации «правых» в Надеждинске были реабилитированы в 1950-1960-е годы.

Глава 10. Городская интеллигенция в годы «большого террора».

К интеллигенции Советская власть всегда относилась с некоторым недоверием, особенно в период массовых политических репрессий, тем более что в её среде присутствовала определённая часть людей, выходцев из «неблагонадёжных» слоёв населения. Среди спецпереселенцев и перебежчиков были специалисты, в частности учителя и врачи, труд которых местные власти использовали по прямому назначению. Именно они в первую очередь подвергались уголовному преследованию со стороны органов НКВД.

Так, 11 августа 1937 года был арестован учитель немецкого языка железнодорожной неполной средней школы №48 посёлка Филькино Галлер Э.Г. Эрнст Генрихович родился 18 февраля 1915 года в деревне Александровфельд Мелитопольского уезда Екатеринославской губернии в семье зажиточного крестьянина. По национальности – немец. Проживал в посёлке Черноярка. В 1931 году семья выслана на Урал в Надеждинский район. Э.Г.Галлер, как спецпереселенец, был лишён избирательных прав и не имел паспорта. Обвинялся в том, что среди преподавателей школы проводил клеветническую антисоветскую агитацию, высказывал сожаление о врагах народа (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.27600, л.5,17). 3 октября 1937 года Тройкой при УНКВД Свердловской области приговорён к заключению в ИТЛ сроком на 10 лет по ст. 58 п.10 УК РСФСР. До 1941 года срок отбывал в Сибири в Домасовских лагерях, остальное время на Колыме в Дальстроевских лагерях. Досрочно освобождён в 1946 году за хорошую работу. После отбытия срока наказания проживал в городе Краснотурьинске. Реабилитирован в 1989 году.

Вальц Иван Матвеевич, 1897 г.р., уроженец деревни Исламтерен Феодосийского уезда Таврической губернии в семье зажиточного крестьянина, по национальности – немец. В 1915-1917 г.г. служил в царской армии в 8-м Кавказском железнодорожном отряде рядовым. В 1919 году призван в армию Врангеля. По профессии – педагог, окончил три курса Ленинградского института иностранных языков. В 1921-1925 г.г. – учитель начальной немецкой школы в Джанкойском районе. В 1930 году семья раскулачена и выслана в Надеждинский район. В Надеждинске Иван Матвеевич проживал по адресу: ул.Парковая, дом 38, квартира 5, работал учителем немецкого языка в

неполной средней школе №16. Арестован 26 декабря 1937 года как агент польской разведки. Обвинялся по ст.58 п.6 УК РСФСР в том, что по заданию польской разведки проводил контрреволюционную деятельность. В июне 1934 года поджог канифольный завод, причинив ущерб в размере семи тысяч рублей (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.40518, л.1, 6, 9). Дело Вальца вёл оперуполномоченный 3-го отделения ГО НКВД Иванов. Постановлением Комиссии НКВД и Прокуратуры СССР 7 февраля 1938 года Иван Матвеевич приговорён к расстрелу. Приговор приведён в исполнение 28 марта 1938 года. Реабилитирован 16 января 1989 года.

Рапп Альберт Иванович, родился 25 декабря 1902 года в деревне Шейх-Элли Феодосийского уезда Таврической губернии в семье зажиточного крестьянина, по национальности – немец. Семья в 1930 году раскулачена и выслана в Надеждинский район. Проживал в посёлке Новая Кола, дом 12, квартира 2, работал учителем немецкого языка в Новоколинской неполной средней школе. Арестован 15 декабря 1937 года. Обвинялся по ст.58 п.6 УК РСФСР в том, что являлся агентом латвийской разведки и занимался шпионской деятельностью (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.21961, л.4). Постановлением Тройки при УНКВД Свердловской области 12 января 1938 года приговорён к высшей мере наказания. Расстрелян 2 февраля 1938 года. Реабилитирован в 1957 году.

Конэ Мендель Гаврилович, родился 6 октября 1908 года в Минске в семье мелкого торговца, по национальности – еврей. В 1929-1931 г.г. – рядовой польской армии, служил в 4-м уланском полку. В 1932 году нелегально перешёл границу СССР, за что был арестован и содержался девять месяцев в Саровском лагере для перемещённых лиц. С 1934 года проживал в Надеждинске по адресу: Старый посёлок, 7 линия, дом 18, работал учителем немецкого языка в средней школе №1. 22 октября 1937 года арестован органами НКВД. Следствием обвинялся по ст.58 п.6 в том, что являлся агентом польской разведки, по заданию которой был переброшен в СССР с заданиями шпионско-диверсионного характера (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.28866, л.4). Комиссией НКВД и Прокуратуры СССР 15 ноября 1937 года приговорён к расстрелу. Приговор приведён в исполнение 9 декабря. Реабилитирован в 1957 году.

Репрессии коснулись и учителей Надеждинского района. Здесь к высшей мере наказания были приговорены:

Кайзер Арнольд Иванович, 1916 г.р., уроженец деревни Караит Евпаторийского уезда Таврической губернии, по национальности – немец, спецпереселенец, работал в школе подростков в Воронцовском руднике. Проживал в посёлке Ауэрбах. Арестован 27 декабря 1937 года. Осуждён 7 февраля 1938 года. Расстрелян 28 марта 1938 года.

Кузьменко Алексей Михайлович, 1903 г.р., уроженец деревни Киамли Феодосийского уезда Таврической губернии, по национальности – русский, спецпереселенец. Работал в посёлке Сосьва в неполной средней школе. Арестован 9 февраля 1938 года. Осуждён 14 марта 1938 года. Расстрелян 20 марта 1938 года.

К 10-ти годам заключения в исправительно-трудовые лагеря осуждены:

Рисс Гильдебарт Георгиевич, 1906 г.р., уроженец деревни Саурчи Феодосийского уезда Таврической губернии, по национальности – немец, спецпереселенец. Работал в трудовом посёлке Северный Крым в начальной школе. Арестован 25 декабря 1937 года. Осуждён 23 июля 1938 года.

Куц Федот Петрович, 1911 г.р., уроженец села Малоберезанское Киевской губернии, по национальности – украинец, спецпереселенец. Работал в трудовом посёлке Покровский в неполной средней школе. Арестован 25 июня 1937 года. Осуждён 13 октября 1937 года.

Ковалёв Георгий Васильевич, 1887 г.р., уроженец села Мангуш Мариупольского уезда Екатеринославской губернии, по национальности – грек, спецпереселенец. Проживал в посёлке Черноярка, работал заведующим начальной школы. Арестован 5 августа 1937 года.

Бромер Гуго Яковлевич, 1911 г.р., уроженец деревни Найман Таврической губернии, по национальности – немец, спецпереселенец. Проживал в посёлке Бокситы, работал в средней школе учителем немецкого языка. Арестован 19 февраля 1938 года. Осуждён 27 октября 1938 года.

Леонгардт Владимир Александрович, 1909 г.р., уроженец города Москвы, по национальности – немец. Проживал в городе Карпинске, работал учителем математики и химии в средней школе №1. Арестован 9 февраля 1946 года. Осуждён 2 апреля 1946 года.

К 5-ти годам заключения в ИТЛ приговорён Гешеле Отто Давидович, 1882 г.р., уроженец деревни Ислам-Терек Феодосийского уезда Таврической губернии, по национальности – немец, спецпереселенец. Проживал в посёлке Сосьва, работал в неполной

средней школе учителем немецкого языка. Арестован 18 декабря 1937 года. Осуждён 26 января 1940 года.

Подробнее остановимся на судьбе Тягунова Ивана Дмитриевича, учителя математики и завуча неполной средней школы села Романово Надеждинского района. Он родился 18 апреля 1908 года на станции Исикуль Омской губернии в семье крестьянина-середняка. В 1931 году окончил курсы математиков при Свердловском индустриально-педагогическом институте. В Надеждинске проживал по адресу: ул.Трамвайная, 1. До 1936 года работал директором школы №2. В 1936 году был осуждён по ст.116 УК РСФСР за нарушение общественного порядка и приговорён к одному году принудительных работ. В результате этого наказания Тягунова сняли с должности директора школы №2 и направили на работу в неполную среднюю школу села Романово.

Отработав положенный срок, Иван Дмитриевич решил подать жалобу на несправедливое, по его мнению, решение суда. Подготовив необходимые документы, он поехал к прокурору Свердловской области. Однако, 1 августа не доехав до Свердловска, в вагоне поезда Тягунов был арестован. Ему предъявили обвинение по ст.58 п.10 УК РСФСР в том, что он среди рабочих и колхозников села Романово проводил контрреволюционную агитацию, направленную на срыв проводимых партией и Советским правительством мероприятий. В это время в Надеждинске вовсю шло раскручивание дела «правых», к которому органы НКВД решили привязать и Тягунова. Основанием для ареста послужил рапорт следователя прокуратуры города Надеждинска Озерова начальнику горотдела НКВД и прокурору города от 27 сентября 1936 года. В нём говорилось: «Выбыв в командировку 25 сентября 1936 года в Денисовский сельский Совет, я возвращался обратно в город 26 сентября с преподавателем Романовской школы гражданином Тягуновым. Тягунов питал ко мне давно неприязненное отношение, потому, что я вёл следствие с преданием его суду по ст.116 УК РСФСР, возбуждённое по неопубликованной заметке газеты «Пролетарий». Ещё в процессе следствия Тягунов нанёс мне оскорбления, называл меня жуликом, мошенником, обвинял в вымогательстве, в необъективности при допросе свидетелей. Выехав из Романово в 8.30 вечера, Тягунов начал разговор о неправильно проводимом мной следствии, и о том, что я виноват в постигших его неудачах. Дорога с этого момента превратилась в сплошное издевательство, дискредитацию и угрозу.

Приведу несколько высказываний. Он кричал, что крестьяне задавлены, они вечные труженики, на их шее содержатся все, а они ничего не имеют, кроме картошки и вшей. Это они завоевали в этих лесах власть, а вы только говорите красивые речи и ездите, выслеживаете и предаёте нас. Вы ничтожество, ничего не понимающее, не умете управлять государством. Вот Троцкий был наркомвоенмор, он вёл нас за собой, убивал миллионы людей для того, чтобы победить, а теперь, видите-ли, он стал плох... Я воспроизвожу лишь незначительную долю всего того, что было им сказано в пути продолжительного следования. Становится совершенно ясно, что к Тягунову необходимо применить соответствующие меры» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.48185, л.33).

С момента ареста до февраля 1938 года Тягунов содержался под арестом в Свердловской тюрьме, затем этапирован в Надеждинск в распоряжение горотдела НКВД. Следствие по его делу вёл помощник оперуполномоченного 4-го отделения сержант ГБ Коробкин. Приведём выдержку из протокола допроса от 31 мая 1938 года:

«ВОПРОС. Вы арестованы за контрреволюционную деятельность, выраженную в том, что на протяжении ряда лет проводили контрреволюционную фашистскую пропаганду среди населения села Романово. Признаёте себя виновным?

ОТВЕТ. Виновным себя не признаю. Никакой контрреволюционной агитации я среди населения села Романово не проводил.

ВОПРОС. Следствие располагает достаточными данными, изобличающими Вас в проведении контрреволюционной фашистской пропаганды. Предлагаем Вам рассказать следствию о своей контрреволюционной деятельности.

ОТВЕТ. Я ещё раз повторяю, что контрреволюционной агитацией среди населения села Романово я не занимался и фашистской пропаганды не вёл.

ВОПРОС. В разговоре с Шумайловым К.А. 29 марта 1937 года Вы говорили: «Проводимая коллективизация сельского хозяйства направлена на разорение крестьянства. Крестьянство завоевало власть, а получилось, что крестьянство разорено и ничего не имеет, кроме картошки». Кроме того, высказывали своё враждебное отношение к руководителям партии и Советского правительства. Подтверждаете показания свидетеля Шумайлова?

ОТВЕТ. Показания свидетеля Шумайлова я категорически отрицаю.

ВОПРОС. Летом 1936 года Вы неоднократно среди населения восхваляли бандита Троцкого, всячески дискредитировали вождя партии и государства, клеветнически измышляли о голоде в Советском Союзе, доказывали о том, что колхозники рабы, нищие и голодные, выказывали сожаление репрессированным врагам народа. Подтверждаете Вы это?

ОТВЕТ. Этого я также не подтверждаю.

ВОПРОС. В марте месяце 1937 года Вы зашли в кабинет директора школы и в присутствии учеников школы нанесли оскорбление директору школы Сорокину, при этом выругались: «Будьте вы прокляты коммунисты. Вы не даёте истинным людям жить!». Вы подтверждаете данный факт?

ОТВЕТ. Категорически отрицаю. Этого не было.

ВОПРОС. Зимой 1937 года в присутствии Романова Ф.И., счетовода школы, Вы высказывали недовольство политикой партии и Советской власти, всякой вульгарной бранью обругивали вождя партии. Подтверждаете Вы это?

ОТВЕТ. Категорически отрицаю.

ВОПРОС. Следствие имеет данные о том, что Вы работая учителем в неполной средней школе села Романово, всячески способствовали разложению трудовой дисциплины в колхозе, спаивали вином учащихся школы, неоднократно являлись в класс и давали уроки в нетрезвом виде. В результате, большой процент учащихся выпущены из школы безграмотными, без знания математики и физики. Эти дисциплины преподавали Вы. Ваше поведение и преподавание вызывало неудовольство среди учащихся школы, от которых поступила масса жалоб директору школы. Подтверждаете Вы данные факты?

ОТВЕТ. Выше перечисленные факты я категорически отрицаю.

ВОПРОС. Кто Вас направил на должность учителя в село Романово?

ОТВЕТ. На должность учителя математики и заведующего учебной части школы села Романово меня направило Надеждинское горно, заведующим которого был Мочалов.

ВОПРОС. Где в данное время находится Мочалов?

ОТВЕТ. В данное время Мочалов находится под следствием» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.48185, л.28).

В процессе следствия Иван Дмитриевич показал следующее: «Арестован 1 августа 1937 года в вагоне поезда, следующего в город Свердловск. При аресте, по причине мне не известной, были изъяты следующие документы: справка о социальном и имущественном положении отца; документы об образовании, выданные Исикульской школой и Свердловским индустриально-педагогическим институтом; характеристика, выданная Надеждинским отделом народного образования, за подписью старшего инспектора по средним школам за 1932-1935г.г.; характеристика заведующего горно Чулочникова П.К.; заявление, адресованное на имя Верховного прокурора РСФСР с документами на решение народного суда; денег 440 рублей. Повестка вручена мне не была. 5 августа 1937 года я был отправлен в Свердловскую тюрьму вопреки моему желанию и просьбе отправить в Надеждинск. В Свердловской тюрьме я находился шесть с половиной месяцев без объявления причины ареста, после чего был отправлен в Надеждинск. 26 мая 1938 года я был вызван следователем Коробкиным, который мне предложил подписать заранее подготовленный материал. Я отказался. После допроса мне были устроены очные ставки по заранее написанным протоколам с директором школы Сорокиным, бухгалтером школы Романовым, возчиком Шумайловым и Дымперовым, в которых была изложена превосходящая по наглости своей логического мышления и здравого рассудка кляуза. Это было сделано благодаря мести кучки разложившихся, бесконтрольно привыкших работать в течение ряда лет для личного обогащения при родственной семейственности председателя Силуянова, зав. сельпо Тимофеева, зав.сельмага Червякова, счетовода Романова. Они творили на глазах у колхозников тёмные дела, устраивали семейные вечера. Эти люди привыкли к личной наживе и праздной жизни и совсем разложились в моральном и бытовом отношениях. В 1936 году я был назначен горно, вопреки моему желанию, работать в село Романово в качестве преподавателя математики, физики и заведующего учебной частью. Приехав на место я увидел, что школа не подготовлена к новому учебному году, здание школы не отремонтировано, общежитие для учащихся из других населённых пунктов находится в безобразном состоянии» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.48185, л.99).

Дело Тягунова направили на рассмотрение спецколлегии Свердловского областного суда. 22 июля 1938 года помощник областного прокурора Митрофанов, рассмотрев следственное дело,

нашёл, что Иван Дмитриевич враждебно настроен к ВКП(б) и Советской власти, систематически вёл контрреволюционную троцкистскую пропаганду против Советской власти и руководителей ВКП(б), восхвалял врагов народа, контрреволюционеров, троцкистов.

1 июня 1939 года в Надеждинске состоялось закрытое заседание Судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда под председательством Удалова, при участии заседателей Пахомова и Великанова, прокуроров Кадочникова, Косотурова и Таушкановой. В ходе судебного следствия суд определил, что дело по обвинению Тягунова не расследовано с необходимой полнотой и подлежит возвращению на дополнительное расследование по следующим основаниям. Допрошенный свидетель Сорокин на предварительном следствии показал, что все контрреволюционные разговоры, проводимые Тягуновым, он слышал лично от него, а на суде показал, что об этом ему говорил Романов. Допрошенный Романов по этому вопросу показал, что он с Сорокиным по этому поводу никогда не разговаривал и ему ничего о контрреволюционных разговорах Тягунова не говорил. Таким образом, Сорокин уже четвёртый раз меняет свои показания. Органы, ведущие расследование, определение суда от 26 декабря 1938 года полностью не выполнили, отсюда слушания по делу отложить, а дело направить на дополнительное расследование.

По окончании суда ввиду ходатайства граждан Фролова В.М. и Лопатникова Д.Е. – рабочих механического завода, Тягунов был освобождён из-под стражи и отпущен на свободу. С него была взята подписка о невыезде с постоянного места жительства. 26 августа следователь ГО НКВД Подмазов, усмотрев, что преступление Тягунова является социально опасным и он, находясь на свободе, может повлиять на правильный исход дела при разборе в суде, меру пресечения – личное поручительство и подписку о невыезде, заменил на содержание под стражей. 8 октября 1939 года Судебная коллегия по уголовным делам Свердловского областного суда приговорила Ивана Дмитриевича к заключению в ИТЛ сроком на 6 лет и поражению в правах на 2 года.

В кассационной жалобе, направленной в Верховный суд РСФСР, Тягунов писал: «С приговором я не могу согласиться, так как он основан на показаниях свидетеля Романова Петра и его сестры. Якобы в 1936 году в его квартире я проводил контрреволюционную агитацию, при этом восхвалял и жалел врагов народа. Это просто

провокация и наглая ложь, созданная на личных счётах. А именно, брат Романовой работал счетоводом в Романовской школе, где был директором Сорокин. О всех безобразиях, а также хищениях школьного имущества директором (а Романов его прикрывал) я писал в гороно, прокурору и НКВД, что подтверждает свидетель Юркин. Об этом узнал Сорокин и Романов, после чего они стали собирать на меня кляузу. Якобы я провожу среди их контрреволюционную агитацию. При этом набрали свидетелей из своих родственников, которые показали, что я жалел врагов народа Пятакова, Бухарина, Рыкова, говоря о том, что напрасно их расстреляли в 1936 году. Как известно, они были расстреляны в 1937 году, а в это время я уже сидел. В отношении показаний Озерова и Сорокина суд и в приговоре указал, что имели место личные счёты и их показания не приняты во внимание. Тем более показания Романовых являются неправдоподобными и судом установлено это. Поэтому, все пункты, которые мне предъявляют, это вымышленная провокация Романовых. Прошу согласно ст.418 УПК дело производством прекратить, так как в какой-либо контрреволюции я не виновен, а это прямая ложь Романовых, созданная на личных счётах» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.48185, л.209).

Судебная коллегия Верховного суда РСФСР жалобу Тягунова отклонила, оставив приговор без изменений. Отбыв срок наказания, Иван Дмитриевич вернулся в свой город, работал на различных работах. К сожалению, судимость не позволяла ему заниматься педагогической деятельностью. Реабилитирован 10 ноября 1993 года.

В годы «большого террора» волна репрессий прокатилась и по городскому отделу здравоохранения, о чём и пойдет дальше речь. 6 августа 1937 года был арестован фельдшер Новокаквинской амбулатории Прихвятилов Дмитрий Иосифович. Он родился 10 февраля 1874 года в селе Карельское Черниговской губернии, по национальности – украинец, из крестьян-кулаков. Окончил прогимназию и медицинские курсы при военном госпитале, в период службы в царской армии исполнял обязанности ротного фельдшера. После службы вернулся домой и занимался сельским хозяйством. В 1931 году как кулак выслан в Надеждинский район. Проживал в трудпосёлке Новая Каква, имел пятерых детей. Дело Прихвятилова вёл помощник оперуполномоченного 4-го отделения Юдин. Обвинялся по ст.58 п.10 УК РСФСР в том, что находясь в трудссылке, среди трудпоселенцев проводил контрреволюционную агитацию

против Советской власти, говорил, что политика Советской власти направлена на уничтожение трудпоселенцев, распространял провокационные слухи о непосильной эксплуатации, голоде и большой смертности, невыносимой жизни населения при существующем строе. В целях срыва выполнения производственной программы выдавал вполне здоровым трудпоселенцам освобождение от работы (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.20483, л.9). 27 сентября 1937 года Тройкой при УНКВД по Свердловской области приговорён к 10 годам заключения в ИТЛ. Реабилитирован в 2006 году.

Лангеман Мария Мартыновна, 1910 г.р., уроженка деревни Спат Симферопольского уезда Таврической губернии, из семьи кулака, по национальности – немка. В 1930 году выслана в Надеждинский район вместе с родителями. Проживала в посёлке Новая Каква, дом 5. Окончила 2 курса Надеждинского медицинского техникума. Работала старшей медицинской сестрой городской больницы. Арестована 16 декабря 1937 года. Обвинялась по ст.58 п.6 УК РСФСР в том, что являлась агентом германской разведки. Работая медсестрой горбольницы, через больных рабочих завода №76 собирала сведения о количестве рабочих, цехов и данные о выпускаемой заводом продукции. Выявляла враждебно настроенных против Советской власти лиц с целью привлечения их для работы на германскую разведку. В период интервенции должна была принять участие в вооружённом восстании против существующего строя в СССР (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.22516, л.3-9). Следствие вёл оперуполномоченный 3-го отделения сержант ГБ Воровинский. Дело по обвинению Лангеман М.М. направили в ГУ ГБ НКВД СССР для внесудебного рассмотрения. Особым Совещанием при Народном Комиссаре внутренних дел СССР 23 июля 1938 года Мария Мартыновна приговорена к 10 годам заключения в ИТЛ. В 1956 году Лангеман подала заявление на имя Генерального Прокурора СССР Руденко, в котором писала: «Прошу пересмотреть моё дело, по которому я была осуждена в 1938 году и реабилитировать меня. Я, советская гражданка, чувствую себя как оплётанная. Без всякой вины, без всякого мысленного намёка на преступление меня осудили не судом, а приговорили Особым Совещанием к 10 годам лагеря. Почему я раньше не писала, не требовала пересмотра? Потому, что в то время многое строилось на ложных делах. Родилась я в 1910 году в Крымской области Симферопольского района деревне Спат. Отца раскулачили в 1930 году и выслали всю семью в город Надеждинск.

Сначала работала на лесозаготовках, потом с 1931 года медсестрой в городской больнице. Одновременно училась в медицинском училище. За отличную работу и учёбу неоднократно была премирована и получала благодарности. Но тут наступил грозный 1937 год. Меня арестовали 16 декабря, обвинили в принадлежности к германской разведке. После ареста 3 месяца меня никто на допросы не вызывал. В марте 1938 года меня вызвали и предъявили ложный протокол допроса, в котором меня обвиняли в участии в контрреволюционной группе, которая якобы действовала в Надеждинске. На первой и второй странице протокола допроса я подписалась, так как это были автобиографические данные. Дальше на трёх листах было изложено нелепое выдуманное враньё, которое я отказалась подписывать. Тогда следователь насильно хотел заставить меня подписать, но после упорного моего отказа посадил меня в карцер. На этом следствие окончилось. В сентябре 1938 года мне предъявили приговор – осуждена Особым Совещением по статье «контрреволюционная деятельность» на 10 лет ИТЛ, после чего меня отправили в Карагандинский лагерь (Карлаг). Здесь я работала старшей медсестрой в больнице. Когда немецкие фашисты напали на нашу Родину, меня из больницы перевели на общие строительные работы плотины. За отличную работу через 4 месяца меня премировали 100 рублями и перевели обратно в больницу, где и работала до освобождения из лагеря в 1947 году. После лагеря я осталась в Казахстане и уже 9 лет работаю сельской акушеркой, в настоящее время на целинных землях. Я всю жизнь была честной и честно работала и старалась, как истинный советский гражданин, быть полезным членом общества. Считаю, что стала жертвой ежово-бериевской клики. Так прошу не отказать в моей просьбе – пересмотре моего дела (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.22516, л.12). На основании этого обращения дело пересмотрели. 16 апреля 1957 года Лангеман Мария Мартьяновна реабилитирована.

Филоненко Самсон Автономович, родился 27 июня 1879 года в селе Марьевка Екатеринославской губернии, из крестьян-кулаков, по национальности – украинец. В 1931 году раскулачен и выслан на Урал. Проживал в Богословских копиях, ул.Октябрьская, дом 44. Работал фельдшером на медпункте Надеждинского завода. Арестован 22 декабря 1937 года. Обвинялся по ст.58 п.2,8,11 УК РСФСР в том, что являлся активным участником контрреволюционной повстанческой диверсионно-террористической организации, по

заданию которой проводил повстанческо-террористическую работу, готовил совершение террористического акта над стахановцами Надеждинского завода путём отравления продуктов в столовой. Вёл активную работу по подготовке к вооружённому восстанию (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.30409, л.11). Следственное дело направлено в ГУ ГБ НКВД СССР для внесудебного рассмотрения. Комиссией НКВД и Прокуратуры СССР Филоненко С.А. 16 января 1938 года приговорён к расстрелу. Приговор приведён в исполнение 15 февраля 1938 года. Реабилитирован 30 декабря 1960 года.

Зетемфельд Хеля Годелевна, родилась в 1913 году в городе Лодзь (Польша) в семье рабочего, по национальности – еврейка, подданная Польши. Из-за плохих материальных условий в 1932 году перешла границу СССР, после чего была арестована органами ОГПУ в городе Киеве. Содержалась под арестом 8 месяцев. В Надеждинске проживала с 1933 года по адресу: Самский посёлок, 1 линия, дом 11. Работала медсестрой в амбулатории станции Надеждинск. Арестована 4 октября 1937 года. Дело вёл начальник ОДТ ОГУ ГБ НКВД станции Надеждинск лейтенант ГБ Яцинюк. В следственном деле Зетемфельд говорилось: «Проживая в Польше, Зетемфельд имела тесные связи с фашистской организацией молодёжи «Бунд». Одновременно с провокаторской целью состояла в Союзе коммунистической молодёжи Польши, за что в 1928 году была арестована полицией, которой выдала ячейку молодёжной организации в количестве 6-ти человек. Находясь под стражей, дала согласие сотрудничать с польской контрразведкой, которая в 1929 году её освободила из заключения. В 1932 году для проведения шпионской деятельности переброшена на территорию СССР. Проживая на территории Советского Союза, Зетемфельд совместно с арестованным за шпионскую работу в 1935 году её мужем Швимером, занималась шпионской работой в пользу Польши. Имела связи с заграницей, с проживавшими там родственниками, куда писала контрреволюционные клеветнические письма о плохой жизни рабочих в СССР. При следствии от дачи показаний и подписи протоколов допроса по её делу категорически отказалась» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.34640, л.5,13). Особым Совецанием при Народном Комиссаре внутренних дел СССР Зетемфельд 26 ноября 1937 года приговорена по ст.58 п.6 УК РСФСР к 10 годам заключения в ИТЛ.

Её муж Швимер Абрам Хаимович, 1905 г.р., уроженец Польши, в Надеждинске проживал без гражданства, работал портным по пошиву

спецодежды на металлургическом заводе. Он был арестован 14 марта 1935 года с санкции прокурора города Надеждинска. Обвинялся в том, что являлся участником контрреволюционной троцкистской группировки, созданной Вельтманом в городе Надеждинске. Швимер виновным себя не признал и показал, что на квартире Вельтмана собирались перебежчики из Польши. В разговорах между собой они высказывали свои недовольства плохим материальным положением, критиковали руководителей Советского государства, но никакой контрреволюционной деятельности не вели. По приговору Специальной Судебной Коллегии Свердловского областного суда 30 августа 1935 года Швимер осуждён по ст.58 п.10,11 УК РСФСР к трём годам лишения свободы. Шпионская деятельность в вину Швимеру не вменялась (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.34640, л.59).

Находясь в заключении, Зетемфельд Х.Г. 4 октября 1938 года подала жалобу на имя Народного Комиссара внутренних дел СССР Берия, в которой указала, что осуждена неправильно и просит пересмотреть решение по делу. К тому же, в процессе следствия со стороны следователя имели место факты физического воздействия. По делу в 1942-1943 г.г. проводилась дополнительная проверка, в ходе которой обвинение Зетемфельд в шпионской деятельности не нашло своего подтверждения. 19 августа 1943 года транспортным отделом НКГБ по Свердловской области вынесено заключение о прекращении дела за отсутствием состава преступления и освобождении её из-под стражи. Но по решению военного прокурора Главной военной прокуратуры железнодорожного транспорта Особое Совецание при НКВД СССР 1 июля 1944 года в удовлетворении жалобы Зетемфельд отказало, постановив решение Особого Совецания от 26 ноября 1937 года оставить в силе. 25 ноября 1944 года Хеля Годелевна на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 10 августа 1944 года «О предоставлении амнистии польским гражданам, осуждённым за совершение преступлений на территории СССР» из СевВостокЛага освобождена. Реабилитирована 3 ноября 1967 года.

Московский Владимир Яковлевич, родился 15 июля 1910 года в городе Вильно в семье служащего. В 1932 году нелегально перешёл границу СССР. В Надеждинске проживал по адресу: Старый посёлок, 5 линия, дом 10, квартира 2. Окончил медицинский техникум в Надеждинске. Работал фельдшером в городской больнице. Арестован 4 октября 1937 года. Обвинялся по ст.58 п.6 УК РСФСР в том, что являлся агентом польской разведки и участником «Польской

организации войсковой». Вёл шпионскую работу в пользу Польши (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.34092, л.366). Комиссией НКВД и Прокуратуры СССР 26 октября 1937 года приговорён к высшей мере наказания. Расстрелян 9 ноября 1937 года. Реабилитирован в 1968 году.

Шорох Надежда Петровна, 1909 г.р., уроженка села Степанки Кобринского уезда Гродненской губернии, из крестьян, по национальности – белоруска. В 1932 году нелегально перешла границу. В объяснительной записке писала следующее: «В нашей местности сильный неурожай и при этом большие налоги на крестьянское хозяйство, так что нет сил дальше жить в Польше. Вот я и решила пойти в СССР» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.34092, л.346). В Надеждинске проживала по адресу: Новый посёлок, 5 линия, дом 7. Окончила двухгодичные курсы медсестёр, работала медсестрой в городской больнице. Арестована 1 октября 1937 года. Обвинялась по ст.58 п.6 УК РСФСР в том, что являлась агентом польской разведки и участницей «польской организации войсковой». Вела шпионскую работу в пользу Польши (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.34092, л.359). Комиссией НКВД и Прокуратуры СССР 26 октября 1937 года приговорена к расстрелу. Приговор приведён в исполнение 9 ноября 1937 года. Реабилитирована в 1968 году.

Зюков Иван Кириллович, 1896 г.р., уроженец села Покровское Оренбургской губернии, из семьи рабочего-железнодорожника. В 1934 году закончил Пермский медицинский институт и по распределению приехал в Надеждинск, работал врачом-эпидемиологом в городской больнице и санитарным врачом в Госсанинспекции. Проживал по адресу: Новый посёлок, 2 линия, дом 5. Его сестра в 1920 году вышла замуж за австрийца, бывшего военнопленного. При репатриации военнопленных уехала с ним на постоянное место жительства в Австрию, на что, конечно, обратило внимание следствие. В обзорной справке НКВД, составленной на Ивана Кирилловича, значилось следующее: «Участник экспедиционного корпуса русских войск во Франции, где служил в должности ротного фельдшера. Был в Бельгии, Австро-Венгрии, Германии, откуда в 1919 году через Польшу прибыл в РСФСР. К проводимым мероприятиям Советской власти настроен враждебно. Имел тесную связь с врагами народа, ныне расстрелянными – руководителем контрреволюционной организации «правых» Смирновым, Штенгаузом, Блиновым, Калининным и японским

резидентом, диверсантом Лошкарёвым, шпионами Карайпас и Лозовик. Жена Зюкова является племянницей генерала Обухова, находящегося в эмиграции. Сестра Зюкова также проживает в эмиграции в Австрии. Работая в должности санитарного врача, Зюков совместно с ветеринарным врачом Карташёвым по заданию контрреволюционной организации «правых» проводил большую диверсионно-бактериологическую деятельность, направленную на эпидемическое заражение скота чумой, ящуром, чесоткой с целью вызова эпидемии среди населения остро-кишечными заболеваниями. Зюковым было дано распоряжение пользоваться питьевыми источниками, заражёнными кишечной палочкой, в результате чего за 9 месяцев переболело остро-желудочными заболеваниями 5700 жителей Надеждинска. Бактериологически заражённое мясо направлял в колбасный цех и рабочие столовые. В итоге 2-3 октября 1937 года произошло массовое отравление более 50-ти рабочих Самского карьера» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.16945, л.1). На основании вышеизложенного, Иван Кириллович был арестован 30 октября 1937 года и привлечён к уголовной ответственности по ст.58 п.6,7,9,11 УК РСФСР. Следствие вели начальник ОДТО ГУ ГБ НКВД станции Надеждинск лейтенант ГБ Яцинюк и оперуполномоченный лейтенант ГБ Алексеев. В чём только не обвиняли ретивые следователи врача Зюкова, пытаясь добиться от подследственного необходимых им признаний.

Приведём протокол допроса от 19 января 1938 года:
«ВОПРОС. Следствием установлено, что Вы являетесь агентом германской разведки, по заданию которой проводили бактериологическую диверсию и шпионскую деятельность.
ОТВЕТ. Агентом германской разведки я не был, никакой бактериологической диверсии я не проводил. Мною ставились вопросы по санитарным мероприятиям, в особенности в борьбе с желудочно-кишечными заболеваниями. Я закрыл часть колодцев, остальные пытался оздоровить путём хлорирования с последующей их чисткой. Вёл разъяснительную работу среди населения. Представлял материал о загрязнении в президиум горсовета, Облгоссанинспекцию и Главную госинспекцию РСФСР. Требовал принятия срочных мер, но горсоветом ничего не делалось.
ВОПРОС. В каком состоянии находились питьевые источники города Надеждинска?

ОТВЕТ. Питательные водоисточники, как грунтовые, так и в открытых водоёмах, за исключением буровых скважин, были загрязнены вследствие неблагоустройства самого города и рабочих посёлков района. Грунтовые колодцы и родники находились внутри заселённости, уборные и помойные ямы в большинстве поглощающего типа, а открытые водоёмы не имели охранных зон, загрязнялись промышленными водами. Река Каква – Каквинским углещением, река Турья – водами, спускаемыми из угольных копей. По проводимому исследованию, в городе Надеждинске в летнее время в открытых водоёмах река Каква давала колититр в 0,5-5 куб. см. Из обследованных 175-ти колодцев только 4 дали удовлетворительный результат. В остальных по физико-химическому и бактериологическому исследованию вода загрязнена – колититр 10-50 и 100 куб. см. На наличие брюшно-тифозной и дизентерийной палочки исследование не проводилось.

ВОПРОС. Следствием установлено, что питьевые источники Вы заражали с контрреволюционной целью по заданию германской разведки, с целью вызова массовых эпидемических и острожелудочных заболеваний.

ОТВЕТ. Я в германской разведке или другой какой-либо контрреволюционной группе не состоял. Водоисточники мною не загрязнялись. Я не имел и не имею никакой бактериологической флоры. Водоисточники города Надеждинска были загрязнены ещё до моего приезда. Об этом говорят сохранившиеся научные материалы проводимой работы Свердловским бакинститутом в 1928 и 1932 годах. Загрязнённость подтвердилась и моим обследованием. В Надеждинске центрального водопровода нет, а поэтому поставить постоянный контроль невозможно. Остро-желудочно-кишечные заболевания для Надеждинска эпидемичны. Вопрос эпидемичности связан не только с водоснабжением, но и с общим неблагоустройством города, отсутствием канализации, чрезмерной плотностью заселённости. На одного жильца приходилось 3,7 кв. м. жилой площади, а в некоторых районах города и того меньше. В районах Красной фабрики, Богословского посёлка, Каквинского и Зеленцовского посёлков рабочие живут на площади 2,4 кв. м. В домах казарменного типа без устройства надворных построек, при отсутствии пригодных и отвечающих санитарным требованиям складских помещений, отсутствии городского холодильника продукты хранятся в овощниках. Об этом неоднократно со стороны

саннадзора ставились вопросы. Горсовет выносил постановление, не ассигновывая на это сумм, а хозяйственные организации хотя выставляли это в сметах, но это урезалось областью, оставляя вопросы финансирования на следующие годы. Кроме того, мною было запрещено использовать каквинскую воду для питья и приготовления пищи. Начиная с 1935 года на заводе для хозяйственных и пищевых нужд вода подвозится из буровых скважин. Это же проводится и в пищевых учреждениях.

ВОПРОС. Вы утверждаете, что агентом германской разведки не состояли, шпионской и диверсионной работы не проводили. Для чего тогда Вы собирали через подчинённых Вам лиц сведения шпионского характера о настроении рабочих, количестве шахт, вырабатываемой продукции и т.д.?

ОТВЕТ. О настроениях рабочих никакого материала я не собирал. Сведения о количестве рабочих на предприятиях мне давать обязаны хозяйственники, на основе чего я обязан требовать выполнения законных норм в устройстве столовых, бань, комнат отдыха. Эти сведения я в большинстве брал в Народхозучёте горсовета. При обследовании того или другого предприятия делалось описание самого предприятия и количества рабочих по присланной форме Главной госсанинспекцией. О выработке продукции я сведений не требовал» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.16945, л.12-17).

Несмотря на то, что Зюков отверг все выдвинутые против него необоснованные обвинения, следствию признало его виновным. В обвинительном заключении говорилось: «Зюков Иван Кириллович обвиняется в том, что:

1)являлся агентом германской разведки, завербованным в 1936 году германским разведчиком Фельдманом,

2)являлся участником контрреволюционной диверсионной шпионской и повстанческой организации, существующей в Надеждинском районе,

3)по заданию разведывательных органов среди населения города Надеждинска и Надеждинского района проводил бактериологическую диверсию,

4)выявлял лиц, враждебно настроенных к Советской власти, последних вербовал в состав шпионской организации,

5)для проведения бактериологической диверсии в состав шпионской организации завербовал санработника Дикусар,

б)заражал с целью вспышек остро-желудочных кишечных заболеваний питьевые источники, в результате чего за 9 месяцев 1937 года болело 2798 рабочих, из них умерло 196,

7)с целью распространения бактериологической диверсии разрешил свалочное место вблизи мясобойни, в результате на мясобойне вспыхнула чума, болело 600 свиней, последних забивали и отправляли в торгующие организации и общественные столовые, в результате произошло отравление 60-ти рабочих,

8)по заданию разведывательных органов собирал шпионские сведения о настроении населения, о колхозах, совхозах, промышленности, о выработанной продукции, о наличии шахт, о их расположении, мощности пластов угля и руды» (ГААОСО. Ф.Р01, оп.2, д.16945, л.117).

На суде Зюков виновным себя не признал. Особым Совещением при Народном Комиссаре внутренних дел СССР 28 октября 1938 года приговорён к заключению в ИТЛ сроком на 8 лет. Находясь в заключении, 15 ноября 1943 года Иван Кириллович был осуждён повторно, как участник контрреволюционной организации «правых» ещё на 10 лет. Срок отбыл в 1953 году, после чего работал врачом-терапевтом в поликлинике шахты №18 города Воркута. Реабилитирован 29 апреля 1956 года.

Некоторые медицинские работники проходили по делу контрреволюционной организации меньшевиков, сфабрикованному горотделом НКВД в феврале 1938 года. Оно перекликалось с делом А.Г.Белобородова, члена ВЦИК РСФСР, арестованного ещё в 1936 году. Александр Георгиевич в 1905-1907 годах работал учеником в газозлектрическом цехе Надеждинского сталерельсового завода. В августе 1907 года ввиду закрытия предприятия покинул посёлок. В марте 1912 года вновь вернулся в Надеждинск, трудился электромонтёром в рельсoproкатном цехе. Вёл партийную работу, за что в мае 1914 года был арестован и выслан под надзор полиции в Тюмень. С января 1918 по январь 1919 года – председатель исполкома Уральского областного Совета, в июле 1918 года подписал решение Облсовета о расстреле бывшего царя Николая II и его семьи, в 1923-1927 годах – нарком внутренних дел РСФСР, в 1927 году исключён из партии за антипартийную деятельность. Чекисты в числе других преступлений приписывали Белобородову и образование контрреволюционной меньшевистской организации в Надеждинске в 1928 году для борьбы с Советской властью.

Среди арестованных по этому делу был Соловьёв Павел Сергеевич, врач-рентгенолог городской больницы, арестованный 9 марта 1938 года. В своей анкете он писал: «Я родился 22 октября 1883 года в Москве, с 1903 года работал земским фельдшером в Надеждинске. Летом 1905 года вступил в социал-демократический кружок, в котором был вместе с фельдшером Мурашёвым, впоследствии министром труда в Уральском Временном правительстве. Последнее время Мурашёв жил в Москве. Мы с ним были знакомы по фельдшерской школе. Кружковцы хранили литературу, распространяли листовки. С апреля 1917 года член партии меньшевиков. В это время я выступал на митингах за программу меньшевиков, так как я и другие меньшевики были против захвата власти большевиками. В августе избран гласным волостного земского собрания. При наступлении белых я призывал население не оказывать сопротивление наступлению. При белых – член следственной комиссии от земства, временно исполнял обязанности председателя комиссии. В июле 1919 года при наступлении красных на Надеждинск в числе других членов земской управы отступил с белыми до города Томска. В Томске были захвачены в плен. После восстановления Советской власти в Томске поступил учиться на медицинский факультет Томского университета. В 1922 году перевёлся на медицинский факультет Пермского университета. В 1924 году вернулся в Надеждинск. От меньшевиков отошёл окончательно осенью 1918 года» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.6392, л.6).

В Надеждинске Соловьёв проживал по адресу: Больничный городок, дом 3, квартира 1. Дело Соловьёва вёл помощник оперуполномоченного 4-го отделения горотдела НКВД сержант ГБ Юдин. Следствие обвиняло его по ст.58 п.10,11 УК РСФСР в принадлежности к меньшевистской контрреволюционной организации и проведении контрреволюционной пропаганды среди населения. В частности в вину Соловьёву вменяли следующее высказывание: «Сейчас много населения болеет от недостаточного питания. Продукты по качеству низкие, а цены на них высокие. Медикаменты при Советской власти не отвечают тем требованиям, которые бы могли приносить соответствующую пользу в лечении больных». 20 марта 1939 года начальник 2 отделения 2 отдела УГБ УНКВД по Свердловской области Пономарёв рассмотрев следственное дело Надеждинского ГО НКВД за №22871 по обвинению Соловьёва П.С. установил, что произведённым

расследованием обвинения, предъявленные Соловьёву следствием, не подтверждены. Исходя из вышеизложенного постановил следственное дело за недоказательностью состава преступления дальнейшим производством прекратить. Обвиняемого Соловьёва П.С., находящегося в Нижнетагильской внутренней тюрьме УГБ из-под стражи освободить.

Вместе с Соловьёвым по делу контрреволюционной меньшевистской организации проходили Савинов Н.П. (секретарь первичной парторганизации горсовета), Козин А.М. (рабочий металлургического завода), Красильников П.А. (рабочий металлургического завода), Оржанухин П.П. (рабочий металлургического завода), Киселёв В.Н. (счетовод санбюро), Киселёв В.Е. (токарь кузнечно-механического цеха метзавода), Рукавицын А.Н. (бригадир цеха №3 завода №76), Грехов Н.Т. (пенсионер, член ВКП(б)), Торопов Г.К. (счетовод магазина №34 Надеждинского райторга), Борцов М.И. (старший бухгалтер бухгалтерии металлургического завода), Собенин А.Н. (токарь кузнечно-механического цеха металлургического завода), Рассанов М.В. (работник земельного отдела горисполкома), Божин А.Ф. (начальник цеха №5 завода №76). Следствие по делу контрреволюционной меньшевистской организации вели оперуполномоченный 4 отделения ГО НКВД сержант ГБ Юдин и начальник 2 отделения ГО НКВД старший лейтенант Смирнов, обвинительное заключение утверждал заместитель начальника УНКВД по Свердловской области капитан ГБ Варшавский.

На примере Божина покажем, как раскручивалось это дело. Александр Филиппович Божин родился 12 мая 1886 года в деревне Борзуново Верхотурского уезда в семье крестьянина. Окончил народное училище в Верхотурье. В Надеждинске с 1912 года. Работал токарем механического цеха, от рабочих цеха был избран в Надеждинское общество потребителей. Впоследствии – член правления этого общества. Меньшевик с 1917 года, с августа 1917 года гласный волостного земства. При белых состоял членом земской волостной управы. В 1921 году арестовывался ВЧК за контрреволюционную деятельность, за отсутствием состава преступления отпущен. Проживал по адресу: Новый посёлок, 4 линия, дом 21. Арестован 21 февраля 1938 года. Обвинялся по ст.58 п.2,10,11 УК РСФСР. В обвинительном заключении по делу Божина говорилось: «Следствием установлено, что Божин, будучи кадровым

меньшевиком с 1917 года, в 1928 году вошёл в состав меньшевистской контрреволюционной нелегальной организации, действовавшей в Надеждинском районе. В контрреволюционную организацию вовлечён активным меньшевиком Белобородовым. Божин знал, что данная организация ставит своей основной задачей подготовку и организацию вооружённого восстания для свержения Советской власти. По заданию этой организации он в 1928 году завербовал Савинова Н.П., Козина А.М., Красильникова П.А., Соловьёва П.С. и других. Будучи руководителем контрреволюционной меньшевистской организации, давал задания её участникам о проведении среди населения контрреволюционной пропаганды против мероприятий, проводимых ВКП(б) и Советским правительством, о совершении диверсионных актов и вредительских действий на предприятиях Надеждинского района. По его заданию участник организации Савинов обманным путём пролез в ВКП(б) и используя положение члена ВКП(б) проводил подрывную деятельность в рядах партии. Участнику организации Соловьёву дал задание о распространении эпидемической болезни во время военного нападения на СССР путём заражения питьевых источников и продуктов питания» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.6394, л.71-72).

С 15 августа 1938 года Божин содержался в Свердловской тюрьме. В это время начались репрессии в аппарате НКВД. Были арестованы и отданы под суд многие руководители областных управлений и городских отделов НКВД, что повлекло за собой пересмотр некоторых дел, начатых прежним руководством. Воспользовавшись ситуацией, на одном из допросов Божин отказался от данных ранее показаний. В результате его дело в мае 1939 года возвратили на следствие в Надеждинский горотдел НКВД. В новых условиях следствие не рискнуло выдвигать необоснованные обвинения в адрес Божина. 7 мая 1939 года начальник 2 отделения ГО НКВД Якубович вынес постановление: «Ввиду того, что каких-либо новых материалов о контрреволюционной деятельности Божина не добыто, дальнейшее расследование по делу прекратить, обвиняемого из-под стражи освободить». С аналогичной формулировкой освободили и других арестованных по делу меньшевистской контрреволюционной организации.

По этой же причине были освобождены артисты Надеждинского цирка Морис Н.Н. и Кирш-Туманов А.Ф. Николай Николаевич Морис родился 6 декабря 1885 года в Берлине, по национальности – немец,

образование неполное среднее. В двухлетнем возрасте вместе с родителями переехал в Россию. В 1918-1922 годах служил в Красной армии, участник Гражданской войны. После её окончания работал цирковым артистом. Постоянное место жительства – Москва, Оружейный переулок, дом 41, квартира 30. В Надеждинск приехал в 1937 году, жил по адресу: Новый посёлок, 3 линия, дом 27. Арестован 18 февраля 1938 года, обвинялся по ст.58 п.6 в том, что в 1933 году в период работы артистом Центрального колхозного цирка в Москве был завербован агентом германской разведки Бруно Голандом. Дело вёл помощник оперуполномоченного 3 отделения ГО НКВД Гаврилов. На допросе 27 февраля Николай Николаевич был вынужден подписать зарнее составленный следователем протокол с показаниями о своей деятельности в пользу германской разведки: «По заданию Голанда я под видом циркового артиста разъезжал по целому ряду промышленных центров СССР. Был в Ленинграде, Саратове, Пензе и других городах, где собирал сведения о состоянии различных видов военной промышленности, расположении воинских частей и политических настроениях рабочих и коммунистов. В 1934 году по заданию Голанда летом я несколько месяцев проживал в городе Пензе, где мне удалось собрать подробные данные о военной промышленности и о выпускаемой продукции для военных потребителей. Эти материалы я передал лично Голанду в Москве. В 1935 году работая в колхозном цирке города Ярославля, я при содействии Федоторского Сергея, работающего при цирке, достал подробные сведения о предприятиях военной химической промышленности и выпускаемой ими продукции. В 1937 году я выехал на гастроли в Саратовскую область, где мне удалось подробно собрать сведения о расположении военных частей Саратовского гарнизона, авиационных соединениях, с указанием мест, где они находятся. Эти материалы я передал в Москве агенту германской разведки Матвею Дмитриевичу Чепурнову» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.2363, л.8).

О надеждинском периоде своей жизни Морис показал следующее: «Прежде всего, в Надеждинске находился резидент германской разведки Чепурнов Яков Дмитриевич, брат Чепурнова Матвея, который мне посоветовал выехать в Надеждинск для работы в цирке и для получения заданий по шпионской работе. Он мне сообщил, что Надеждинский район является одним из благоприятных районов. Здесь много иностранцев, перебежчиков и большая ссылка. При этом,

это всё-таки промышленный район, где можно было бы вести работу и хорошо жить, будучи не замеченным. В Надеждинске я не смог никакой контрреволюционной работы провести за своё короткое пребывание. Был занят по оборудованию цирка. В начале декабря 1937 года встретился с Чепурновым, который мне сказал о том, чтобы я был осторожнее, а то НКВД может нас скоро нащупать и мы будем провалены. Так же он мне сообщил, что в Надеждинске очень большую шпионскую диверсионную повстанческую работу ведёт германский разведчик Гайст, но подробно о нём мне ничего не говорил» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.2363, л.9).

Для продолжения следствия дело Мориса передали в 3 отдел УГБ УНКВД по Свердловской области. Находясь в Свердловской тюрьме, Николай Николаевич 8 ноября 1938 года отказался от своих показаний, заявив: «Показания, подписанные мною 7 февраля 1938 года, я полностью отрицаю. Членом контрреволюционной шпионской организации я никогда не был и шпионской деятельностью не занимался. Указанные в протоколе лица, как-то: Голанд Бруно, Чепурнов мне не известны. Чепурнова я узнал только в камере тюрьмы, а Голанда Бруно никогда не видел и не знал. Федоторского Сергея я знаю как артиста в течении 20 лет, но к контрреволюционной деятельности он причастен не был. Протокол 27 февраля 1938 года был мною подписан исключительно по убеждению следователя». 25 декабря 1938 года уголовное дело в отношении Мориса Н.Н. было прекращено, а сам он освобождён из-под стражи.

По обвинению в причастности к германской разведке 31 марта 1938 года был арестован ещё один артист Надеждинского цирка – Кирш-Туманов Артур Фридрихович. Он родился 27 декабря 1909 года в городе Симферополе Таврической губернии в семье служащего, по национальности – немец. В 1926 году окончил студию при Крымском государственном драматическом театре. В Надеждинске проживал с 1937 года. Следствие вёл оперуполномоченный 3 отделения ГО НКВД Ожгихин. Артур Фридрихович обвинялся по ст.58 п.6 в том, что в начале 1936 года был завербован в Москве агентом германской разведки Данкманом Александром Морисовичем для шпионской деятельности на территории СССР. На допросе 4 апреля Кирш-Туманов подписал заранее подготовленный следователем протокол следующего содержания: «С 1926 года я работал артистом в Крымском государственном драматическом театре, позднее работал в разных гостеатрах. В 1935 году познакомился в Москве с одним из

ответственных работников Центрального управления госцирками Данкманом, часто бывал у него на квартире, разговаривали на политические темы. Он всегда высказывал своё недовольство существующим в СССР строем. Я дал согласие на участие в контрреволюционной шпионской диверсионной работе в пользу Германии. В конце 1936 года Данкман устроил меня работать в Центральное управление госцирками, где я, разъезжая по разным городам Советского Союза, должен был заниматься сбором шпионских сведений о военной промышленности, расположении воинских частей, строящихся военных объектах, где это возможно – совершать диверсии и вовлекать лиц, враждебно настроенных к Советской власти в шпионскую разведывательную работу. В 1936 году в летний период, будучи в Севастополе, мною был добыт ряд шпионских сведений через увеличительный аппарат (подзорную трубу). Я проводил наблюдения за боевыми кораблями Черноморского флота, производил их описание. Кроме того, через отдельных лиц я выявлял расположение воинских частей, произвёл ряд фотоснимков Севастопольского порта. Всё это добытое при приезде в Москву было передано Данкману. В конце 1936 года выбыл в город Краматорск. Будучи на заводе тяжёлого машиностроения в цехах имеющих специальное назначение, я осматривал их, знакомился с оборудованием, выпускаемой продукцией, брал всё это на заметку, впоследствии делал записи и передавал Данкману. В 1937 году, будучи в Киеве примерно в июле и августе, через посредство разговоров с отдельными личностями мне удалось получить данные о расположении воинских частей в городе Киеве и его окрестностях, что мною также было передано Данкману. Зная, что в городе Надеждинске имеется большой металлургический завод, и кроме того военный завод, я должен был получить данные об этих заводах. С получением этих данных я должен был выбыть на Дальний Восток с разведывательной целью. За время пребывания в городе Надеждинске каких-либо особых данных мне добыть не удалось, так как я проникнуть на завод №76 не мог. В разговорах с отдельными личностями, интересуясь Надеждинским районом, я выяснил только колоссальное количество трудссылки. Кроме того, узнал о наличии исправительно-трудовых лагерей, находящихся в Ивделе. Кроме этого мною ничего сделано не было. Я потерял связь с Данкманом, о котором узнал, что он арестован» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.6071, л.7-9). Дело Кирш-Туманова передали для завершения следствия в 3 отдел

УГБ УНКВД по Свердловской области. 1 ноября 1938 года он от своих показаний отказался. Подтвердить шпионскую деятельность Кириш-Туманова органы НКВД ничем не могли. В итоге дело было прекращено, а Артур Фридрихович 22 декабря 1938 года освобождён из тюрьмы.

В 1940 году в СССР были приняты ряд законов, вызывавших недовольство среди населения. В первую очередь, это Закон об увеличении продолжительности рабочего дня. Во-вторых, Постановление о введении платного обучения, в котором говорилось: «Учитывая возросший уровень материального благосостояния трудящихся и значительные расходы Советского государства на строительство, оборудование и содержание непрерывно возрастающей сети средних и высших учебных заведений СНК СССР признаёт необходимым возложить часть расходов по обучению в средних школах и высших учебных заведениях в СССР на самих трудящихся». В 8,9,10-х классах средних школ вводилась плата за обучение в следующих размерах: в Москве, Ленинграде и столичных городах союзных республик – 200 рублей, во всех остальных городах и сёлах – 150 рублей. Размер платы распространялся также на учащихся техникумов, педагогических училищ, сельскохозяйственных и медицинских школ и других специальных средних учебных заведений. Плата в ВУЗах составляла от 300 до 500 рублей в год, в зависимости от профиля и места расположения института. За критику этих решений партии и правительства советские граждане могли быть подвергнуты уголовному преследованию.

19 ноября 1940 года была арестована заместитель старшего бухгалтера коммунального отдела металлургического завода Раева Елена Семёновна, 1910 г.р., уроженка Богословского завода Верхотурского уезда, из семьи служащих, окончила 8 классов школы II ступени, проживала по адресу: ул.Карпинского, дом 5, квартира 5. Следствие вёл оперуполномоченный Серовского горотдела НКВД младший лейтенант ГБ Митяшин. В выдвинутом следствием обвинении говорилось: «Раева Е.С. враждебно настроена к существующему строю и среди своих сотрудников систематически проводит антисоветскую агитацию. В момент опубликования Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня Раева среди рабочих заявила: «Советская власть издаёт указы для озлобления народа. Вот смотрите, работали 7 часов, сейчас заставляют работать 8 часов, а скоро будем работать 12. Опять подходим к старому». В

октябре месяце по вопросу введения платного обучения в средних и высших учебных заведениях Раева говорила: «Да, сейчас опять подходим к старому. В школах могут обучать своих детей только начальствующий состав, а рабочие с никаким заработком своих детей обучать не будут. Видимо стало много учёных и теперь их не надо». 26 октября при проведении выборов профсоюзных органов Раева отказалась от голосования, заявив: «Я голосовать не пойду, что за них голосовать! Ведь мне они не помогают. Мне хоть что будь — безразлично. Только бы жилось хорошо. Все они шкурники. Сколько ни голосуй, всё равно сидим голодом». 3 ноября в конторе комунхоза завода Раева говорила: «Снижением норм выдачи продуктов в одни руки правительство только озлобляет народ. Сами руководители обжираются, а народ морят голодом. Вот посмотрите на вождей партии, какие они жирные, только лишь потому, что у них всё есть, а нас заставляют по три раза стоять в очереди за хлебом. Если бы была возможность, то я бы всех руководителей Советской власти взорвала!» Аналогичные высказывания Раева ведёт и по отношению местных партийных и советских руководителей. «Вот подходит праздник, а над нами издеваются. Выдали по 300 грамм масла, и то пришлось стоять в очереди, после этого хотят, чтобы люди шли на демонстрацию» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.31794, л.3-4).

Насколько обвинение соответствовало истине — посмотрим опираясь на протокол допроса, составленный следователем ГО НКВД Соловьёвым 19 ноября 1940 года:

ВОПРОС. Вы арестованы и привлечены к уголовной ответственности за проводимую Вами контрреволюционную деятельность. Что Вы можете сообщить следствию по существу вопроса?

ОТВЕТ. Никакой вины я за собой не чувствую. Контрреволюционную деятельность я не проводила.

ВОПРОС. Следствие располагает данными о том, что Вы среди окружающих Вас лиц вели антисоветскую агитацию, направленную против мероприятий ВКП(б) и Советского правительства. В этом Вы признаётесь?

ОТВЕТ. Нет, не признаюсь. Никакой антисоветской агитации, направленной против мероприятий ВКП(б) и Советского правительства я не проводила. В начале ноября 1940 года во время выборов профсоюзных органов я не принимала участия в голосовании, так как не знала кандидатов, выдвинутых в состав

завкома металлургического завода. Про это я говорила, что выдвинутых кандидатов я не знаю и поэтому голосовать не буду.

ВОПРОС. Какие высказывания Вы имели по вопросу реализации займа 3-й пятилетки выпуска третьего года?

ОТВЕТ. Никаких разговоров, направленных против реализации займов я не проводила.

ВОПРОС. Вы имели разговор о введении платного обучения в средних и высших учебных заведениях?

ОТВЕТ. Да, такой разговор я имела. Утром, когда я пришла на работу, не помню, кто из работников бухгалтерии мне сообщил о постановлении правительства. Я сначала не поверила, так как мне это показалось очень странным. Во время этого разговора я сказала, что теперь не каждый рабочий сможет своим детям дать высшее образование. Сейчас будут обучаться в ВУЗах дети, родители которых материально обеспечены.

ВОПРОС. Что Вы говорили об участии в демонстрации трудящихся, посвящённой 23-й годовщине Октябрьской революции?

ОТВЕТ. В присутствии всех работников бухгалтерии я сказала старшему бухгалтеру Гвоздеву, что я на демонстрацию не пойду, так как никогда в демонстрациях не участвовала. Больше на эту тему никаких разговоров не было.

ВОПРОС. Почему Вы никогда не принимали участия в демонстрациях трудящихся?

ОТВЕТ. На демонстрации я не ходила, так как там всегда трудящиеся веселятся. Я, имея физический недостаток, избегала находиться в обществе.

ВОПРОС. Вам предъявляется обвинение в преступлении, предусмотренном ст.58 п.10, ч.1 УК РСФСР. Признаёте себя виновным в предъявленном обвинении?

ОТВЕТ. В предъявленном обвинении виновной себя не признаю. Никакой контрреволюционной агитации я не проводила. Недовольствий к издаваемым законам Советским правительством я не проявляла. Что касается проявления противодействий в период выборов профсоюзных органов, то с моей стороны подобных действий не было.

ВОПРОС. Следствие располагает материалами, что Вы среди окружающих Вас лиц распространяли провокационные слухи о голоде в СССР. Вы подтверждаете это?

ОТВЕТ. Нет, не подтверждаю. Никаких провокационных слухов о голоде в СССР я не распространяла и подобных разговоров среди сотрудников бухгалтерии коммунального хозяйства завода не было. Больше я дополнить что-либо к своим показаниям ничего не могу. О всех моих высказываниях и разговорах, которые были с моей стороны, я сообщила полностью, как на допросе, так и на очных ставках» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.31794, л.12).

10 января 1941 года Судебная коллегия по уголовным делам Свердловского областного суда в составе председателя Обухова, народного заседателя Останина, с участием прокурора Пушкарёва, рассмотрев в закрытом судебном заседании дело по обвинению Раевой Е.С., приговорила её к заключению в ИТЛ сроком на 10 лет с поражением избирательных прав сроком на 5 лет. На суде Раева виновной себя не признала. Елена Семёновна подавала кассационную жалобу в Верховный Суд РСФСР, однако рассмотрев обращение Раевой, суд оставил приговор без изменения. Реабилитирована Раева Елена Семёновна 10 октября 1962 года.

Глава 11. Дело «Уральского штаба восстания».

В мае 1937 года УНКВД по Свердловской области было сфабриковано дело о так называемом «Уральском штабе восстания». Руководителями организации были названы первый секретарь Свердловского обкома ВКП(б) И.Д.Кабаков, председатель облисполкома В.Ф.Головин и командующий Уральским военным округом И.И.Гарькавый. В ходе расследования этого дела в Надеждинске был арестован преподаватель металлургического техникума М.П.Миончинский, названный руководителем Надеждинского отделения повстанческой организации.

Михаил Петрович Миончинский родился 8 октября 1876 года в Петербурге, в семье военного. В 1893 году окончил 1-й Петербургский кадетский корпус, в 1895 – Павловское военное училище, в 1904 – Михайловскую артиллерийскую академию, получив чин капитана. С 1895 по 1918 годы служил в старой армии, командовал артиллерийской бригадой, воинское звание полковник (в других протоколах допроса – генерал). В 1918-1920 г.г. служил в Белой армии, начальник офицерской школы, принимал участие в боях против красных. После окончания Гражданской войны был арестован

ЧК во Владивостоке и выслан в Вятку. В 1926 году арестован в Москве по статье 58-7 УК РСФСР (диверсионная работа), однако по постановлению ЦИК был оправдан и от наказания освобождён. В 1930 году приехал в Надеждинск, где у него жил сын (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.34301, л.6-8).

В деле Миончинского записано, что до 1930 года он работал на пороховом заводе в Казани в должности заведующего пороховым производством. Там он состоял в контрреволюционной вредительской организации, которая ставила своей целью дезорганизацию порохового производства в СССР. В 1930-1935 г.г. работал инженером энергобюро Надеждинского металлургического завода. За время работы на заводе занимался активной контрреволюционной вредительской деятельностью, выражавшейся в систематическом разрушении энергетического хозяйства завода, умышленном пережоге топлива, дезорганизации горючего хозяйства. В своей деятельности Миончинский был связан с активными участниками контрреволюционной организации – бывшим белым офицером Поносовым и инженером Чупраковым, поддерживал тесные связи со шпионом Шнейдером, бывшим начальником спецотдела завода, и некоторыми немецкими специалистами. При отъезде немецкого специалиста Купце, предоставил ему ряд клеветнических сведений о Советском Союзе, которые Купце использовал в своих открытых выступлениях против СССР. Через немецкого специалиста Бурхарда Миончинский установил связь с представителем газеты «Кёльнишер цайтунг» Юстом, который являлся агентом немецкой разведки. Будучи в Москве он посетил квартиру Юста и впоследствии поддерживал с ним переписку (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.34301, л.1-2).

В постановлении на арест Миончинского, выданном 16 июля 1937 года, говорится, что он «...достаточно изобличается в том, что является участником контрреволюционной шпионской организации, оперирующей на территории Надеждинского района и в других населённых пунктах Союза. Сведения шпионского характера о состоянии надеждинских заводов передавал немецкой разведке через инспециалиста Купце. Через других участников организации установил связь с представителем немецкой разведки в Москве Юстом» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.34301, л.3).

На допросе Миончинский показал, что с 1930 года он являлся агентом немецкой разведки (псевдоним – «Нетц-82»). Кроме него в шпионско-диверсионную группу на металлургическом заводе

входили: заведующий химической лабораторией Поносов (ныне арестован), главный электрик Чупраков (арестован), начальник спецотдела Шнейдер (уволился) и машинист заводской электростанции, бывший кулак Сюткин. Подобная же группа действовала и на заводе №76. Она состояла из главного инженера Константина Михайловича Гурастова, механика Андрея Ефимовича Александрова, начальника снабжения завода Александра Филипповича Данилова и агента по снабжению Якова Ивановича Хошева (ГААОСО, Ф.Р-1, оп.2, д.34301, л.15).

Участники групп получали от Юста задания по сбору сведений о работе предприятий Надеждинска. По металлургическому заводу они предоставляли данные о количестве стали, производимой для авиационной промышленности, адреса заводов – потребителей этой стали, размеры заказов на высококачественную сталь, годовые программы производства. По заводу №76 – производственные программы завода, калибры производимых корпусов снарядов, количество их выпуска по месяцам, количество производимых дистанционных трубок, состояние производства цилиндров для авиамоторов, адреса заводов-потребителей (ГААОСО, Ф.Р-1, оп.2, д.34301, л.22-23).

Также Миончинский дал признательные показания об участии в повстанческой организации, входившей в «Уральский штаб восстания». По его словам территория Среднего Урала была разбита на семь округов: Свердловский, Коми-Пермяцкий, Пермский, Красноуфимский, Березниковский, Надеждинский и Тагильский. Во главе каждого округа стоял окружной штаб из трёх человек, во главе с начальником округа. Руководство Надеждинского повстанческого округа составляли следующие лица: Миончинский – начальник округа, Мызников – заместитель начальника, командир Надеждинского батальона и Смирнов (секретарь горкома партии) – политический руководитель. В характеристике Мызникова отмечалось, что он подпрапорщик царской армии, участник одного из красногвардейских отрядов, очень популярный в Надеждинске человек. Среди бывших красных партизан и красногвардейцев много недовольных Советской властью, многие совершенно опустили и деклассировались. Эта группа может пойти за кем угодно. В Надеждинский повстанческий округ входили Ивдельский, Новолялинский, Верхотурский, Надеждинский и Гаринский районы. Организация вооружённых сил была следующей: взвод (15-50

человек), рота (4-6 взводов), батальон (8-15 взводов). Надеждинский повстанческий округ имел следующие формирования:

1-й Надеждинский взвод (30 человек) – командир Сенников (бывший штабс-капитан),

2-й Надеждинский взвод (30 человек) – Смирнов (бывший офицер),

3-й Надеждинский взвод (30 человек) – Перевалов (бывший унтер-офицер),

Петропавловский взвод (25 человек) – Скорин (бывший офицер),

Богословский взвод (30 человек) – Птах (бывший офицер),

Воронцовский взвод (10 человек) – Мешков (бывший офицер),

Сосьвинский взвод (26 человек) – Котельников (бывший офицер),

Романовский взвод (10 человек) – Рагозин,

подрывная команда на Богословском руднике – Поздняков (бывший офицер),

Ивдельская рота (56 человек) – Арапов,

Верхотурская рота (35 человек) – Мслехин (бывший офицер),

Новолялинская рота (20 человек) – Касьянов (бывший казачий урядник).

Организация также поддерживала связи с боевыми группами, состоящими из бывших членов партии эсеров. В задачи округа входили захват власти, разрушение промышленных предприятий, мобилизация среди спецпоселенцев (до 5-6 тысяч человек) и выход к Нижнему Тагилу на соединение с вооружёнными силами Тагильского округа (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.34301, л.30-35).

Деятельность окружных организаций координировал областной штаб, в который входили: Пшеницын (второй секретарь обкома партии), военный руководитель Василенко (штаб Уральского военного округа), Зитнер (бывший полковник), Васильев (бывший командир красноармейской дивизии), митрополит Холмогорцев, представители эсеровских и других контрреволюционных организаций. Общее руководство осуществлял первый секретарь обкома И.Д.Кабаков.

Следствие закончилось быстро. Тройка УНКВД по Свердловской области, рассмотрев 2 ноября 1937 года дело Михаила Петровича Миончинского, приговорила его к высшей мере наказания – расстрелу. Приговор приведён в исполнение на следующий день – 3 ноября 1937 года. То, что обвинение было сфабриковано следственными органами, подтверждает следующий факт:

впоследствии следователи Титов, Смирнов и Варшавский, расследовавшие дело повстанческой организации, были осуждены за нарушение законности и фальсификации при расследовании многих дел, в том числе и дела Миончинского. Сам же Михаил Петрович Миончинский был реабилитирован 15 сентября 1966 года.

Вместе с Михаилом Миончинским 16 июля 1937 года был арестован Афанасий Яковлевич Перевалов, который по версии следователей НКВД являлся командиром Надеждинского повстанческого взвода. Родился Афанасий Яковлевич 22 февраля 1892 года в селе Ерзовка Махнёвской волости Верхотурского уезда в крестьянской семье. Закончил 3 класса начальной школы. До 1929 года занимался хлебопашеством и торговлей хлебом. После того, как семья была раскулачена, переехал в Надеждинск. В 1932 году арестовывался горотделом НКВД за контрреволюционную пропаганду, однако был освобождён. В своих показаниях Миончинский называет его бывшим унтер-офицером, но сведений о службе Перевалова в старой армии в следственном деле нет. На момент ареста он работал завхозом артели инвалидов «Восход».

Также по данному делу был арестован ряд лиц, проживавших в Надеждинске которые, якобы, состояли в Надеждинском повстанческом взводе под командованием Перевалова:

Перевалов Иван Иванович – родился в 1889 году в деревне Тропково Махнёвской волости, бывший кулак, работал коновозчиком в Петропавловской экспедиции,

Долгополов Иван Степанович – родился в 1906 году в деревне Коробейниково Махнёвской волости, сын бывшего кулака, работал продавцом в магазине райторга,

Долгополов Тимофей Дмитриевич – родился 1906 году в деревне Коробейниково, сын бывшего кулака, работал грузчиком на заводе №76,

Корчёмкин Аркадий Павлович – родился в 1906 году в селе Савино Махнёвской волости, бывший кулак, работал грузчиком транспортного цеха завода №76,

Селиванов Семён Дмитриевич – родился в 1899 году в селе Шамы Казанской губернии, сын бывшего кулака, работал конюхом в городской больнице,

Берстенёв Михаил Петрович – родился в 1881 году в деревне Берстенёво Махнёвской волости, бывший кулак, работал кочегаром в аптекарском магазине,

Берстенёв Влас Назарович – родился в 1883 году в деревне Берстенёво, бывший кулак, к моменту ареста нигде не работал,

Сюткин Василий Константинович – родился в 1884 году в Турьинских Рудниках, работал машинистом турбины на электростанции металлургического завода.

Все арестованные обвинялись следствием по ст.58, п.2,10,11. Им вменялось в вину то, что они являлись участниками контрреволюционной повстанческой организации, возглавляемой командиром повстанческого взвода Переваловым Афанасием Яковлевичем, входившей в состав Надеждинского повстанческого округа, руководителем которого являлся бывший белый генерал Миончинский. Организация ставила своей задачей подготовить вооружённое восстание в целях свержения Советской власти. Ведущую роль в ней играли Перевалов А.Я., Селиванов С.Д. и Сюткин ВК. Перевалов организовал повстанческий взвод из числа бывших кулаков, после раскулачивания проживавших в Надеждинске, снабжал их огнестрельным оружием, которое приобретал из склада городской милиции через участника повстанческой организации Селиванова. Одновременно среди окружающих систематически распространял слухи о скорой войне и гибели Советской власти, говорил о том, что положение в СССР с каждым днём ухудшается, у крестьян всё отобрали, лучших людей разогнали, сослали в леса и пересадили в тюрьмы, призывал к организованному выступлению против Советской власти. Селиванов по заданию Перевалова из склада городской милиции похищал огнестрельное оружие в целях вооружения участников организации. Сюткин по заданию Перевалова проводил подготовку к совершению диверсионного акта на заводской электростанции, где он работал, с целью вывести из строя весь завод и рудники и этим дать сигнал к началу восстания. Все остальные были рядовыми участниками организации и должны были выступить с оружием в руках после начала восстания (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.20539, т.1, л.121-124).

В ходе следствия арестованные все обвинения в свой адрес отрицали, вину признал только один Селиванов. До 1932 года он работал в продовольственном ларьке при городской милиции, откуда был уволен за растрату и осуждён на 6 месяцев. Затем работал в овощном хранилище, которое находилось далеко за городом. Ходить туда на работу, особенно в позднее время, было небезопасно. Используя старых знакомых, Селиванов похитил со склада милиции

два нагана, изъятых у преступников, намереваясь использовать их в целях самообороны. Больше никакого оружия у него не было.

О том, как проходило следствие, при повторном рассмотрении дела в 1956 году писал И.С.Долгополов: «В ночь на 5 августа 1937 года я был арестован органами НКВД, находился под следствием до 7 октября 1937 года. Сидел без допроса, без предъявления мне какого-либо обвинения. 8 сентября был вызван на допрос к следователю Кулакову, который впоследствии был осуждён. На допросе у меня спросили: знаю ли я Перевалова А.Я., Перевалова И.И., Дедюхина З.В., которые на 30, а то и более лет старше меня. Я их знал как возчиков и ответил, что знаю их по работе. Вторым вопросом меня спросили: бывал ли я у них. Я ответил отрицательно. Следователь Кулаков сказал мне, что некий Селиванов говорил ему, что меня видели у них. Ни фамилии, ни лица Селиванова я не знал. Я настаивал на очной ставке с Селивановым, который меня оклеветал, но меня не стали слушать и снова посадили в тюрьму, где я сидел до 3 ноября 1937 года. 3 ноября я снова был вызван к Кулакову, который требовал признаться, подписать протокол, в котором было написано, что мы якобы собирались все, проводили контрреволюционную работу. Такой протокол меня возмутил, я просил доказательств, просил вызвать свидетелей с моей стороны, просил доказательств со стороны лиц, которые меня обвинили в неизвестном мне деле. Слушать меня не стали, заявление даже не прочли, а меня посадили. Протокол я не подписывал, ждал суда, упорно ждал доказательств и не дождался. Через пять дней после разговора и пыток с Кулаковым меня увезли из Надеждинска в тюрьму Нижнего Тагила. Через девять дней я был увезён в Архангельскую область и только на пересыльном пункте в Няндоме мне объявили – статья 58-10, срок 10 лет» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.20539, т.2, л.4).

В том же, 1956 году, был допрошен директор серовской гостиницы, бывший следователь городского отдела НКВД Филипп Фёдорович Кулаков (1903 г.р., уроженец посёлка Висим Свердловской области), который принимал участие в расследовании дела группы Перевалова. Об обстоятельствах появления этого дела он показал следующее: «Следственное дело по обвинению Перевалова Афанасия Яковлевича и других возникло в момент производившейся кулацкой операции или как продолжение её. В 1937 году со стороны начальника Надеждинского горотдела НКВД всему оперативному составу горотдела были даны указания о проведении массовой кулацкой

операции. При этом было разъяснено, что эта операция производится по указанию центра в целях ликвидации возможной антисоветской базы и что она будет проводиться путём упрощённого метода следствия, то есть без постановлений на арест и о возбуждении следствия, без предъявления обвинений и пр., а лишь будут оформляться персональные, а в отдельных случаях и групповые дела, с приобщением к ним ордеров на арест, протоколов обыска, анкет арестованных, протоколов допроса арестованных и справок с компрометирующими данными и что эти дела будут рассматриваться Тройкой УНКВД. Каждому оперативному работнику было предложено подобрать на бывших кулаков и торговцев все имеющиеся в наличии компрометирующие материалы, независимо от их важности, для приобщения к делам. Все эти операции проводились под непосредственным руководством начальника горотдела Коткова, как начальника оперучастка. В том числе были арестованы и обвиняемые по делу Перевалов Афанасий Яковлевич и другие. Как мне помнится, первоначально был арестован, как бывший торговец, Перевалов А.Я., на которого оформили персональное дело согласно указания по кулацкой операции. Но так как в горотделе имелся оперативный материал и ряд официальных заявлений свидетелей об антисоветских проявлениях Перевалова А.Я. и других лиц, проходивших с ним по связям, Котков заинтересовался этими материалами и предложил мне оформить на Перевалова А.Я. и других групповое дело, что мной и было сделано. Одного арестованного – Селиванова – взялся допрашивать сам Котков. Как он допрашивал его и с кем – с участием работников оперативной группы, приезжавшей из Свердловска, или один – я не знаю, так как при допросах Селиванова я не участвовал. Помню, что Котков вызвал меня к себе в кабинет и передал мне в готовом виде отпечатанные на машинке показания уже подписанные Селивановым и самим Катковым, как допрашивающим, и велел их подписать мне, так как в них была напечатана на подпись и моя фамилия. Не имея ещё в то время достаточно опыта и политической зрелости я, не подозревая ничего, подписал эти показания и принял их как реальные, а в реальности их я вообще сомневаться не мог, потому что в это же время нас, оперативных работников, систематически знакомили с центральными и областными директивами и ориентировками НКВД, а также с показаниями арестованных, свидетельствующими о раскрытии в центре, областях и на местах различных контрреволюционных организаций. Тем самым

налагалась на нас большая требовательность на усиление работы по вскрытию враждебной деятельности врагов. Тут же Котков мне предложил это дело вести в разрезе показаний Селиванова. В этом направлении я и вёл все допросы остальных обвиняемых по этому делу. Однако, ни один из обвиняемых, которых я допрашивал, не признавал своей причастности к контрреволюционной организации и не подтвердил показаний Селиванова» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.20539, т.2, л.158-165).

Далее Кулаков рассказал о том, как велась работа со свидетелями: «Показания свидетелей мною фиксировались со слов самих свидетелей. Там, где они затруднялись формулировать и воспроизводить их на память, я их по возможности уточнял тут же в процессе допроса устно, а затем записывал в протокол. Свидетели читали их и подписывали. Некорректность изложения фактов об антисоветских проявлениях обвиняемых объясняется тем, что я как оперативный работник, а тем более как следователь, в то время был ещё слаб и не опытен, поэтому писал показания так, как объясняли свидетели и как умел сам. В связи с этим в показаниях и были допущены записи их личных мнений, предположений и догадок. Что касается таких формулировок в показаниях, как принадлежность обвиняемых к контрреволюционным организациям и т.п., то это делалось специально по указаниям Коткова, так как произвольные показания свидетелей он обычно браковал и заставлял их переделывать, ввиду чего мне приходилось свидетелей передопрашивать и вносить в них требуемые формулировки. Отпечатанные на машинке показания свидетеля Угрюмова составлялись не мною. Их составлял кто-то другой из более опытных работников горотдела или оперативной группы УНКВД, но кем именно – я сейчас не помню. На подпись Угрюмову предъявлял их я и, как мне помнится, он подписал их беспрепятственно. Две выписки, приобщённых к делу, мною были взяты из показаний арестованных Ларькова-Пименова П.Н. и Мызникова С.Г., поступавших от оперативных групп городов Свердловска и Нижнего Тагила, с которыми обычно нас знакомили. То, что по делу не выполнялись ст.ст.128,129 и 206 УПК РСФСР – это в то время было обычным явлением почти по всем делам по вышеуказанным причинам» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.20539, т.2, л.166-168).

После окончания следствия дело Псрвалова и его группы поступило на рассмотрение Тройки УНКВД по Свердловской области.

Четверо обвиняемых – Перевалов А.Я., Перевалов И.И., Селиванов С.Д. и Сюткин В.К., как наиболее активные участники контрреволюционной повстанческой организации, 4 ноября 1937 года были приговорены к расстрелу, приговор приведён в исполнение 13 ноября. Долгополов И.С., Долгополов Т.Д., Берстенёв М.П., Берстенёв В.Н. и Корчёмкин А.П. получили по 10 лет ИТЛ. Все осуждённые были реабилитированы 17 ноября 1956 года.

Дело А.Я.Перевалова и его группы было полностью выдуманно работниками НКВД. Об этом писал и бывший следователь Кулаков в своих объяснениях, которые он давал спустя 19 лет после его завершения, конечно же, не забывая при этом оправдать себя: «В заключении я должен сказать, что в оперативных материалах, которые имелись в горотделе на Перевалова Афанасия Яковлевича и других, данных о причастности их к контрреволюционной организации, как это изложено в показаниях Селиванова, Мызникова и Ларькова-Пименова, не было, а там лишь отмечались их антисоветские настроения и общие недовольства. Поэтому, если я в то время по своей незрелости и верил в реальность этих показаний, то в настоящее время стало ясно, что они не соответствовали действительности» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.20539, т.2, л.169).

Глава 12. Дело членов партии социалистов-революционеров.

К числу «классово-чуждого» элемента, помимо лиц, сотрудничавших со старой властью, относились и бывшие члены оппозиционных большевикам политических партий, действовавших до начала 1920-х годов. В начале 1938 года УНКВД по Свердловской области проводилась операция, в ходе которой были арестованы сотни бывших членов партий социалистов-революционеров и меньшевиков. В феврале-марте городской отдел НКВД в Надеждинске сфальсифицировал дело об эсеровской контрреволюционной диверсионно-повстанческой организации, действовавшей в городе с 1928 года и ставившей своей целью свержение Советской власти, по которому были арестованы люди, в прошлом принимавшие участие в деятельности местной эсеровской организации. Руководителем этой организации, по версии следствия, являлся работник заводууправления Михаил Иванович Борцов, который вовлёк в неё бывших товарищей по партии, проживавших и работавших в

Надеждинске. Следствие вели работники городского отдела НКВД Смирнов, Трубочёв, Ожгихин, Юдин, Шитов и Филиппов. Протоколы допросов включали стандартные вопросы: когда вступил в ряды партии социалистов-революционеров и какую партийную работу вёл до ликвидации партии, когда и кем завербован в диверсионно-повстанческую организацию, какую работу проводил по указанию данной организации. Обратимся к показаниям обвиняемых.

Борцов Михаил Иванович, родился 10 августа 1898 года в Катав-Ивановском заводе Челябинской области, из семьи рабочего, окончил четырёхклассное городское училище. В 1917-1918 г.г. состоял в партии левых эсеров, в 1919-1922 г.г. – в ВКП(б), откуда выбыл из-за несогласия с НЭПом. На момент ареста работал старшим бухгалтером бухгалтерии металлургического завода. О своей партийной деятельности Борцов дал такие показания: «В период Февральской революции в Надеждинске было сильное формирование эсеровской организации. На митингах и рабочих собраниях выступали эсеры. Слушая их речи, я пришёл к убеждению, что эсеровская организация действительно стоит на защите интересов трудящихся. Будучи убеждённым в этом, я примкнул к партии эсеров. Вовлечён в партию я был близким своим товарищем Власовым Александром Ивановичем, который уже состоял в партии эсеров и принимал активное участие в её работе. Эсеровская организация в тот период доходила до 300 человек. В состав Надеждинского эсеровского комитета входили: Д.Сенявский – председатель, И.Клековкин, И.Кучин, М.М.Рассанов – члены комитета и я – секретарь и сборщик членских взносов. Руководством эсеровской организации я был послан в мае 1917 года на агрономические курсы в Екатеринбург, где совместно с нами обучались и представители от партии большевиков, которые проводили линию большевистской партии. Мы, как эсеры, организовали забастовку против этого. К тому времени к Екатеринбургу уже подходили чехословаки. Партия большевиков боялась захвата белыми ценностей монетного двора Екатеринбурга, решила изъять их и направить в Москву. Для охраны этого поезда была сформирована дружина, в которую вошли от партии большевиков 15 человек и от партии эсеров 10 человек. Колчаковцы к этому времени подступали к станции Кузино и мы решили сдать поезд им. Для сдачи «Золотого эшелона» мы имели два варианта. Первый – ехать через станцию Кузино. Если это будет отвергнуто со стороны большевиков, то организовать крушение на Горнозаводской линии

между станциями Екатеринбург и Шурала. Намеченное мероприятие осуществить не удалось. «Золотой поезд» прошёл через станцию Кузино, к тому времени её ещё не захватили белые. Из Кузино поезд направили на станцию Калино и на Пермь» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.6519, л.7-9). Об истории создания контрреволюционной организации Михаил Борцов рассказал следующее: «В 1921 году эсеровская организация в Надеждинске распалась. В 1923 году в город приезжала одна из руководительниц эсеровской организации на Урале, фамилию её не помню. Она останавливалась у меня на квартире. До 1926 года я вёл с ней переписку. Она указала на пассивность надеждинских эсеров, которые прекратили всякую борьбу с партией большевиков. В 1925 году она приехала вторично и потребовала от меня конкретной работы. На мой отказ заявила, что выдаст меня следственным органам. До 1928 года я проводил выявление старых эсеровских кадров. Проводил антисоветскую агитацию, направленную против мероприятий, проводимых партией большевиков и Советским правительством, говорил, что в стране вводится капитализм. В начале 1928 года мною была создана контрреволюционная эсеровская диверсионно-повстанческая организация в городе Надеждинске» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.6519, л.10-12). Также Борцов показал, что помимо руководства созданной им организацией, работая бухгалтером он систематически проводил неправильную калькуляцию материальных ценностей. Поступающие материалы (сырьё для цехов) калькулировал по завышенным ценам, что приводило к удорожанию стоимости выпускаемой продукции, а выпускаемую продукцию калькулировал по заниженным ценам, тем самым нанося ущерб финансовой деятельности завода. Дело Борцова передали на рассмотрение Тройки УНКВД по Свердловской области. Однако в декабре на допросе Михаил Иванович отказался от данных ранее признательных показаний. Он заявил, что они были записаны без его участия и подписаны под влиянием следствия. Единственно верный момент – это приезд эсерки в 1923 году.

Одним из организаторов и активных участников организации, по мнению следствия, являлся Михаил Васильевич Рассанов. Родился он 10 октября 1887 года в селе Залазна Омутнинского района Кировской области в семье рабочего, образование – три класса сельской школы. С 1909 по 1930 год работал в сортопрокатном цехе, затем, до лета 1933 года – помощником директора по труду на химзаводе, последнее место работы – председатель земельного общества при городском

земельном отделе. Сочувствующим партии эсеров считал себя с 1905 года, посещал собрания, разделял программу партии. В организацию был привлечён руководителем надеждинских эсеров Киселёвым, с которым был хорошо знаком (Киселёв уехал из Надеждинска в 1907 году). В 1917 году вступил в партию официально. О партийной работе Рассанов дал следующие показания: «В августе месяце 1917 года я пришёл на собрание членов партии левых эсеров, проходившее в городской школе, после этого я ещё два раза был на собраниях и меня записали членом этой партии. В январе 1918 года я от рабочих сортопрокатного цеха был избран в городской Совет, где стал работать членом президиума и заместителем председателя по бытовым условиям рабочих. В городском Совете я работал до марта 1918 года, после чего на 3-м уездном съезде Советов в Верхотурье я был избран членом президиума Верхотурского уездного исполкома и работал заместителем председателя земельного отдела до последних чисел мая 1918 года. С восстанием чехословаков в Челябинске я пожелал ехать на фронт в ряды Красной армии в составе эсеровского отряда. Военкоматом я был отправлен в Екатеринбург, где находился в отряде до отступления Красной армии. С уходом Красной армии у меня связь с партией прекратилась. Официально я с партией левых эсеров порвал в августе 1919 года, опубликовав по этому поводу своё заявление. Был членом ВКП(б) с 1919 по 1923 год и с 1928 по 1934 год. В 1923 году вышел из партии по следующей причине: в тот период на заводе проводились субботники, за участие в которых выдавали хлеб. Районной партийной организацией было вынесено постановление, чтобы члены ВКП(б) за участие в субботниках хлеб не брали. Потом выяснилось, что рядовые члены партии хлеб не брали, а работники райкома брали. Возмущённый таким положением, я вышел из ВКП(б). Второй раз, в 1933 году, исключен из ВКП(Б) по чистке партии» (ГУ ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.6546, л.30, 33). Далее Рассанов дал признательные показания о своём участии в диверсионно-повстанческой организации: «В контрреволюционную эсеровскую организацию я был завербован в 1928 году участником организации, активным эсером Борцовым Михаилом Ивановичем, его я знал до революции. При встречах мы часто обсуждали вопросы контрреволюционного характера, высказывали недовольство проводимыми партией и правительством мероприятиями. В 1923 году в Надеждинск приезжала эсерка из Свердловска, фамилию которой я не помню, и созывала нелегальное собрание эсеров, на котором

упрекала нас в том, что надеждинские эсеры попали под влияние коммунистов, не ведут борьбы против ВКП(б) и Советской власти, высказывалась о необходимости создания эсеровской организации в Надеждинске и организованной борьбы против ВКП(б). Одновременно она рекомендовала эсерам вступать в ВКП(б) и проводить подрывную работу изнутри. В одну из встреч с Борцовым в середине 1925 года между нами снова возник разговор о неправильности политики партии и руководства ВКП(б). Борцов говорил о необходимости отстранения ныне существующего руководства ЦК партии. Если этого сделано не будет, то какого-либо улучшения в стране ожидать нельзя, политика ЦК направлена против тех, которые боролись и завоевывали революцию, а кто не принимал участия в революции, тот теперь и стоит у власти. В конце 1928 года в беседе о высылке Троцкого из СССР Борцов мне сказал: «Троцкого выслали потому, что он пользуется большим авторитетом среди рабочих, так как являлся одним из активных руководителей февральского переворота в России, от него хотят избавиться, опасаясь разоблачения неправильной политики ЦК ВКП(б). Высказанное Борцовым контрреволюционное настроение мной было поддержано, после чего Борцов мне заявил: «В Надеждинске существует контрреволюционная организация, в состав которой входят бывшие эсеры, поставившие своей целью сменить руководство, а вслед за этим свергнуть Советскую власть». Высказанное Борцовым мной снова было одобрено, после этого он предложил мне вступить в существовавшую контрреволюционную организацию, на что я ответил согласием. Контрреволюционная эсеровская организация ставила своей целью смену руководства ЦК ВКП(б) и в первую очередь Сталина, свержение Советской власти, восстановление капитализма в СССР. Для этого мы должны были подготовить кадры для вооружённого восстания или оказания помощи путём вооружённого восстания в тылу в момент объявления войны против СССР. Борцов поставил передо мной задачу подбирать надёжных людей с целью вовлечения их в контрреволюционную организацию, проводить контрреволюционную деятельность среди населения, призывая его к организованной борьбе против Советской власти. Наиболее активная деятельность относится к концу 1928 и 1929 годам. В этот период была возможность прикрываться оппозиционными фразами о несогласии с политикой партии и проводить контрреволюционную деятельность. На собраниях рабочих мы

выступали в защиту Троцкого, всячески старались перед рабочими дискредитировать руководство ЦК ВКП(б) и Советской власти. В январе 1929 года я говорил на рабочем собрании: «Советская власть заставляет создавать ударные бригады, а много ли голодный насоревнуется. Хлеб отправляют за границу, надо бросать работу, тогда будут знать, как издеваться над рабочими». В феврале 1929 года на профсоюзном собрании я говорил: «Вот до чего довела Советская власть, что люди ходят как тени. Нужно рабочим организовываться и потребовать от руководителей, сидящих у власти, создания человеческих условий для рабочих – дальше терпеть невозможно». Аналогичные высказывания имели место и в последующие годы. Работая бригадиром сортировки крупносортового цеха в 1929-1930 г.г., я проводил вредительскую работу путём систематического перепутывания сортов выпускаемой цехом продукции. В результате за получаемый потребителями брак завод платил большие штрафы, чем подрывалось экономическое состояние завода – с одной стороны, своевременная выдача зарплаты рабочим – с другой стороны. Этим искусственно вызывалось недовольство рабочих и служащих не только к администрации, но и в целом к Советской власти. С 1930 по 1933 год, будучи помощником директора по труду на строительстве Надеждинского химзавода, моя вредительская деятельность была направлена на срыв строительства завода. Работа планировалась с таким расчётом, чтобы летние работы переложить на зиму, этим самым затруднялись работы и повышалась оплата производимых работ. Систематически срывал снабжение рабочих, продовольственные карточки выдавались с опозданием до полутора месяцев, зарплата задерживалась до трёх месяцев. Этим вызывалось недовольство рабочих, после чего они бросали работу на строительстве и передача завода в эксплуатацию срывалась, государство понесло убытки в сумме 4,5 млн рублей» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.6546, л.9-15). Дав первоначально признательные показания, при рассмотрении дела Тройкой УНКВД по Свердловской области Михаил Рассанов отказался от них, заявив, что показания были записаны не с его слов и без его участия.

Борцов Егор Иванович, родился 21 февраля 1888 года в Катав-Ивановском заводе. В 1910-1913 г.г. служил в армии, имел звание унтер-офицера. В 1927 году судим за халатность по работе. Ко времени ареста работал мастером в мартеновском цехе. Эсером сочувствовал с 1905 года, вступил в партию в 1917 году по

предложению брата Михаила. На допросе Егор Иванович показал: «В период 1917-1918 годов деятельность надеждинского эсеровского комитета выражалась в том, что в Народном доме проводились митинги, среди населения распространялась эсеровская литература. Основная работа – запись добровольцев в Красную гвардию и формирование отрядов. При белых в 1918 году был арестован как член партии эсеров. Когда за мной пришли, я был на работе в механическом цехе. Как заложника взяли брата Андрея. На следующий день сам явился в комендатуру. Там меня допрашивали о принадлежности к партии эсеров и о других членах организации. Тех, кого я знал, в Надеждинске уже не было, ушли с красными. Я остался потому, что у меня изуродована рука. В этот же день рабочие собрали около 400 подписей о поручительстве за меня. После допроса я был освобождён под подписку о невыезде. Больше в комендатуру не вызывали» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.6517, л.23-24). О своей деятельности в контрреволюционной организации Борцов сообщил следующее: «В контрреволюционную организацию вступил в 1929 году, завербован братом Михаилом. В 1929 году, когда началась коллективизация, я проводил контрреволюционную пропаганду против неё. В декабре 1929 года выезжал в деревню Медянкино с целью не допустить создания там колхоза. Я говорил, что колхозы будут только закабалить крестьянство, крестьянин будет обречён на голод и нищету. В 1930-1931 г.г. среди рабочих я говорил, что партия и Советская власть довели страну до развала, крестьянство разорили, рабочим хлеба не дают, заработки урезают. С 1930 по 1935 год я работал мастером ремонтно-механического цеха. Вредительски проводил ремонт паровых кранов. После ремонта они быстро выходили из строя. В 1934 году мною было выведено из строя путём неправильного использования (удар не по центру) два паровых молотка. В 1935 году к октябрьским торжествам наш цех готовил к выпуску из ремонта паровоз №3. Этот ремонт я произвёл так, что при испытании его все краны отказались работать, и паровоз из ремонта выпущен не был. В июне или июле, работая мастером кранового хозяйства мартеновского цеха, вывел из строя два мотора подъёмного крана путём наливания масла с металлической стружкой в мотор. В январе 1938 года мною была выведена из строя завалочная машина путём чрезмерной её перегрузки (лопнул каркас). Работая мастером, я пускал работу цеха на самотёк, совершенно не боролся за укрепление дисциплины в цехе, создавал текучесть в рабочей силе, работу

рабочим давал без наряда. Рабочий никогда не знал, сколько он заработал за смену, наряды рабочим давал дней через пять после того, как работа была выполнена, умышленно снижал расценки, а иногда ставил наугад. Всё это создавало недовольство среди рабочих и плохую работу. Бывший директор завода Щербина и бывший технический директор Носов знали об этом, но прикрывали это, а потому была полная возможность действовать более свободно. Мне известно со слов Борцова Михаила, что в Надеждинске существует повстанческий взвод, которым руководит Перевалов Афанасий Яковлевич, ныне арестованный органами НКВД. Кроме того, Перевалов мне говорил, что его повстанческий взвод входит в состав Надеждинского повстанческого округа, руководителем которого является бывший генерал Миончинский. Разработан план вооружённого восстания» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.6517, л.7-11). После получения признательных показаний дело Егора Ивановича Борцова передали на рассмотрение Тройки УНКВД по Свердловской области, где он отказался от всего сказанного им ранее. Аварии на производстве имели место, заявил Борцов, но он к ним никакого отношения не имел, наоборот. Принимал меры к быстрейшему исправлению этих поломок. Также он отрицал свои показания о существовании в Надеждинске повстанческой организации.

Никонов Андрей Михайлович, родился 18 мая 1881 года в посёлке Турьинских Рудников. Образование средне-техническое, на момент ареста работал на металлургическом заводе ответственным исполнителем по технической информации. В 1917-1918 годах состоял в партии эсеров. В организацию, созданную Михаилом Борцовым, вступил в 1930 году. На допросах в горотделе Никонов НКВД дал такие показания: «В 1930-1931 г.г. среди окружающих проводил контрреволюционную пропаганду, направленную против мероприятий большевистской партии и правительства. Я говорил, что политика партии направлена на разорение крестьянства. Ликвидация кулачества проводится с целью разорения крестьян, от колхозов пользы не будет, рабочие хлебом не будут обеспечены, будут сидеть полуголодные. В 1934-1936 г.г. среди рабочих я говорил, что ЦК ВКП(б) проводит террор, уничтожает безвинных людей, таких как Зиновьев и Каменев, которые боролись за свою правоту. В 1936-1937 г.г. я говорил рабочим, что стахановское движение придумано для эксплуатации рабочих. Дают непосильные выработки, заработки всё время снижают. В 1932 году, в январе месяце, я организовал поджог

здания, которое строилось для военного ведомства ОКСом металлургического завода. Убытки от пожара составили около миллиона рублей. Для поджога этого здания я подговорил сторожа, фамилию его теперь не помню, который и совершил поджог. Причём, я договорился с начальником пожарной команды Платоновым Иваном Семёновичем организовать тушение пожара таким образом, чтобы дать возможность полностью сгореть зданию. В 1934 году мною при содействии прораба Власова был организован поджог второго здания, которое строилось для квартир рабочих. Убытки от пожара этого здания также были около миллиона рублей. Платонова я опять информировал о подготовке пожара. Расследование причин возгорания каким-то образом было поручено Платонову, результаты были таковы, что основной виновник Власов от уголовной ответственности скрылся. Работая сметчиком, я умышленно составлял неправильные сметы по строительству. Работая ответственным исполнителем по технической информации, я ценные изобретения не продвигал, а наоборот, задерживал их, чем понижал инициативу изобретателей» (ГААОСО. Ф.Р.-1, оп.2, д.6513, л.9-10). В ноябре 1938 года дело Никонова рассматривала Тройка УНКВД по Свердловской области, там он от своих прежних показаний отказался. Андрей Михайлович заявил, что в партии эсеров никогда не состоял и не сочувствовал. Все показания следователем были составлены без его участия и не соответствуют действительности.

Кайсин Алексей Иванович родился 2 октября 1888 года в Белохолуницком заводе (Кировская область), из семьи рабочего, имел начальное образование. На момент ареста работал бригадиром в сортопрокатном цехе металлургического завода. В 1917-1918 г.г. был сочувствующим партии эсеров. К партийной работе Кайсина привлекли Иван Лаврентьевич Клековкин и Николай Михайлович Щелканов. По поручению эсеровской организации вёл разъяснительную работу среди рабочих металлургического завода, выступал на собраниях и митингах, однако, по словам Алексея Ивановича, официально членство в партии он не оформлял. Летом 1918 года выехал добровольцем на фронт вместе с эсеровским отрядом, но из Екатеринбурга был направлен партийной организацией на военные курсы в Пермь, где обучался два месяца. С тех пор всякую связь с эсерами потерял. В начале 30-х годов вступил в диверсионно-повстанческую организацию. О своей деятельности в рядах организации Кайсин дал следующие показания: «Работая

вальцовщиком сортопрокатного цеха, я сознательно производил аварии механизмов, допускал брак выпускаемой продукции, в результате чего производственная программа цеха систематически не выполнялась. В 1934 году неоднократно сжигал канат, идущий от мотора к прокатному стану, чем создавал большие простои. Путем перегруза и охлаждения болванки я часто выводил прокатный стан из строя из-за поломки сцепления, прокатных валиков и систематической поломки шестерён, приводивших весь прокатный стан в движение. В 1935 году по протекции Савицкого Иосифа Филипповича (мастер прокатного цеха, ныне осуждён как польский шпион) я был поставлен бригадиром сортопрокатного цеха и, имея в своём подчинении 16 человек рабочих, я наталкивал их на сознательное создание аварийных ситуаций, простоев, производство брака. Всё это покрывалось мастером Савицким. В результате цех, в целом, имел систематические недовыполнения и убытки» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.6395, л.14-15). Дело Алексея Ивановича Кайсина было передано для вынесения приговора Тройке УНКВД по Свердловской области, однако на допросах он от своих прежних показаний о вредительской деятельности отказался, заявив, что они были составлены следователем без его участия.

Торопов Гавриил Кузьмич, родился 17 марта 1897 года в деревне Медянкино в семье крестьянина, образование среднее. До революции – рабочий на заводе, после революции – служащий. На момент ареста работал счетоводом в магазине №34 Надеждинского райторга. На допросе Торопов показал, что вступил в партию левых эсеров в 1917 году и состоял в ней до 1919 года. В рядах эсеров оказался под влиянием своего зятя Алексея Кузьмича Медянкина, одного из активистов надеждинской организации. Среди других известных ему эсеров он назвал Калганова по кличке "Бутунда", братьев Петра Петровича и Павла Петровича Кобяковых и Ивана Лаврентьевича Клековкина, где они находятся в настоящее время он не знает. В 1919 году эсеровская организация в Надеждинске прекратила существование, часть эсеров решила вступить в партию большевиков, в их числе и Торопов. Из ВКП(б) он вышел в 1922 году, основная причина, подтолкнувшая к такому шагу – несогласие с политикой партии, особенно по вопросу НЭПа. В 1930 году восстановил членство в ВКП(б), однако через пять лет был вторично исключён из партии. Поводом послужило обвинение в том, что он в 1918 году выдал белым склад оружия, спрятанного эсерами без согласия с

представителями Советской власти. По вопросу о своей контрреволюционной деятельности Торопов дал следующие показания: «В 1932 году я дал согласие на участие в контрреволюционной организации. В 1935 и 1936 годах, работая счетоводом на складе материальных ценностей Надеждинского завода №76, в контрреволюционных целях запутывал учёт материальных ценностей. Поступающий материал я на приход не ставил, что давало возможность к его расхищению. В декабре 1935 года я дал шпионские сведения германскому агенту Матвееву Семёну Никифоровичу (арестован) о имеющихся на складе ценностях, а также сообщил куда сбывается продукция завода №76, за что Матвеев обещал уплатить деньгами, но не уплатил, т.к. меня с работы сняли и с завода уволили. В 1937 году, февраль и март месяцы, в связи с затруднениями в хлебной торговле, эсеры этим моментом воспользовались. Я лично почти каждый день ходил в очередь и вёл контрреволюционные разговоры в очередях говоря, что Советская власть хлеб отправила в Испанию, а свой народ морит голодом. Этим создавались панические настроения среди населения города и очереди за покупкой хлеба» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.6453, л.12). Дело было передано на рассмотрение Тройки УНКВД по Свердловской области. Здесь Торопов заявил, что в партии левых эсеров он официально никогда не состоял, вся помощь партии заключалась в том, что он принимал участие в организации вышеупомянутого склада оружия. Действительно, эта акция не была согласована с представителями Надеждинского Совета. Местонахождение оружия Торопов белым не указывал. Наоборот, при белой власти он вынужден был скрываться от преследования. Все показания об участии в контрреволюционной организации не соответствуют действительности, они были составлены следователем Юдиным без участия обвиняемого.

Собенин Александр Николаевич, родился 6 декабря 1884 года в Богословском заводе в семье подрядчика. Образование – три класса начальной школы и Комвуз без отрыва от производства. В Надеждинске проживал с 1927 года, на момент ареста работал токарем кузнечно-механического цеха металлургического завода. По его словам с 1905 по 1908 год состоял в партии меньшевиков. В 1917 году официально оформил членство в партии, вёл активную партийную работу в Богословске. В партии находился до сентября 1918 года, последние шесть месяцев был секретарём богословской организации. Об её деятельности Собенин дал такие показания: «Накануне выборов

в Учредительное собрание по указанию уральской организации из Тагила в Богословск приезжали два эсера, назвались «черновцы», т.е. правые эсеры. Они и создали организацию в Богословске. Фамилии не помню, один из них назвал себя по кличке «Митрич». В богословской организации состояло семь человек: Зверев Дмитрий Яковлевич – начальник богословской милиции, Воложенинов Василий Иванович – лесообъездчик, Дёгтева Александра Арёфьевна – учительница, Постникова Александра Михайловна – учительница, двое милиционеров: Смердов, фамилию второго не помню и я. Зверев в то время работал начальником милиции в Богословске. В момент организации ячейки партии правых эсеров он был избран её руководителем, т.е. секретарём. В апреле или мае 1918 года Зверев вступил в большевистскую партию, а перед эвакуацией красных в конце 1918 года неизвестно куда скрылся и после этого я его не видел. Перед отступлением из Богословска белых, я от своей жены слышал, что Зверев приезжал за своей семьёй в форме белого офицера. Где в данное время он находится – для меня неизвестно. В моей квартире было одно собрание членов эсеровской организации, это было летом 1918 года после опубликования в печати, что лидер правых эсеров Чернов вошёл во Временное Сибирское правительство и я, как руководитель богословской эсеровской организации, созвал собрание обсудить вопрос, что нам делать дальше. На этом собрании мы вынесли решение, что политику Чернова проводить не будем и решили организацию распустить. На собрании присутствовали Дёгтева, Постникова и я» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.6414, л.7,8,25,26). В 1920 году Собенин вступил в ВКП(б). В 1925 году был исключён из партии на один год за несогласие с политикой партии, в 1936 году повторно исключён за социальное происхождение. О своей вредительской деятельности в составе контрреволюционной организации Собенин рассказал на следствии следующее: «Работая мастером в токарном цехе завода №76, с диверсионно-вредительской целью давал неверные указания молодым токарям по обточке стаканов снарядов, а также тракторных гильз, отчего брак доходил в отдельных случаях до 30%. Пример: по обточке стаканов давал указания стачивать больше, от этого годные стаканы считались браком по весу и диаметру. Работая мастером по режущим инструментам, изготовлял планки для обточки дна стакана с браком, отчего также происходил брак при обточке. Кроме того, при сильном нажиме при обточке неоднократно производилась поломка стаканов.

В 1936 году я с завода №76 был уволен, устроился в механический цех Надеждинского металлургического завода. Где продолжал свою диверсионно-вредительскую работу. В 1936 году для ремонта электростанции, обтачивая ответственную деталь, я её выпустил с браком, тем самым сорвал ремонт в электростанции, за что из токарей я был переведён чернорабочим на кран. В январе 1937 года я при обточке заporол бандаж для паровоза №40 и провёл ряд других мелких диверсионных актов» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.6414, л.14-15). Дело Собенина для вынесения приговора передали тройке УНКВД по Свердловской области. Здесь он от своих ранее данных показаний отказался, объясняя, что они были сфабрикованы следователем Ожгихиным и подписаны под давлением следствия.

Тройка УНКВД по Свердловской области, рассмотрев дела Борцова М.И., Борцова Е.И., Рассанова М.В., Никонова А.М., Кайсина А.И., Торопова Г.К. и Собенина А.Н., заявивших о давлении на них следствия, в декабре 1938 года вынесла постановление о прекращении следственных дел в отношении этих лиц за отсутствием состава преступления. Такое решение, скорее всего, было связано с постановлением Совета Народных Комиссаров СССР от 17 ноября 1938 года. В соответствии с ним запрещалось проведение массовых операций по арестам и выселению, осуждались нарушения законности, 25 ноября от должности наркома внутренних дел СССР был освобождён Н.И.Ежов. Прекращение уголовного преследования по отношению к ним объясняется тем, что эти люди не боролись в годы Гражданской войны против Советской власти, не участвовали в оппозиции и не представляли никакой социальной опасности для государства. Сведений о дальнейшей судьбе этих людей немного. Из архивных материалов известно, что Михаил Рассанов в 1967 году был награждён медалью «За боевые заслуги», умер и похоронен в Магнитогорске. Александр Собенин после окончания следствия работал токарем на металлургическом заводе, умер в Серове в 1942 году. Однако, не всех участников сфабрикованного Надеждинским НКВД дела ожидал такой благополучный исход.

Медянкин Степан Кузьмич, родился в 1898 году на хуторе Медянкино в семье крестьянина и являлся внуком основателя хутора. Образование – 3 класса начальной школы. На момент ареста работал слесарем в цехе №4 механического завода. Под влиянием брата Алексея в 1917 году вступил в партию эсеров. Занимался распространением листовок, участвовал в собраниях, выступал с

речами политического характера. В октябре 1918 года, после прихода белых, был призван в Белую армию, в которой служил до лета 1919 года. На вопрос о своём участии в контрреволюционной организации он рассказал следующее: «В состав контрреволюционной организации вступил в 1929 году по инициативе Шилонцева Павла Ильича. В 1930 году мною был вовлечён в организацию бывший активный эсер Кобяков Павел Петрович, по специальности счётный работник. Я его знал ещё по совместной эсеровской деятельности в 1918 году. Кобякову я дал задание установить связь с эсерами и участниками кулацкого восстания в 1918 году в деревнях Монастырка, Якимово, Денисово и селе Романово. Эсеровские диверсионные повстанческие группы были созданы в Романовском и Верх-Сосьвинском сельсоветах. С 1935 года вёл контрреволюционную пропаганду среди окружающих в период отдельных затруднений и производимых партией и Советским правительством мероприятий, как-то: заем, помощь испанским рабочим и конституция, объясняя эти мероприятия советской власти ничем иным, как грабежом крестьян и наживой коммунистов. В реализации займов, продаже хлеба за границу, в допущении тяжёлого материального положения обвиняли руководство партии и Советскую власть. Против Конституции и выборов также вели агитацию, разъясняя это как обман трудящихся. Работая на заводе №76, я активно принимал участие в разведении станков, которые впоследствии становились без действия. Таким образом, мной умышленно было выведено из строя около 10 станков в течение 1936 года. Для срыва выполнения военных заказов и производственного плана недоброкачественно производился ремонт станков. Части одних станков ставились на другие, некоторые совершенно раздевались. Ввиду неодинаковой изнашиваемости частей, станки оказывались разваленными, доводка не производилась. В результате, значительная часть станочного оборудования разрушалась. Путём недоброкачественного ремонта станков и постоянного выхода их из строя, среди рабочих создавались недовольствия, так как они лишались заработка, имели постоянные простои (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.35099, л.10-11). Для вынесения приговора дело было направлено на рассмотрение Тройки УНКВД по Свердловской области, которая 10 июля 1938 года приговорила Медянкина Степана Кузьмича к высшей мере наказания – расстрелу. Приговор приведён в исполнение 28 июля. Скорее всего, на принятие

такого решения повлиял факт службы Медянкина в Белой армии. Реабилитирован Степан Кузьмич был в 1969 году.

Рублёнов Илларион Васильевич, родился 10 октября 1889 года в Нижнем Тагиле в семье рабочего. Образование – 3 класса начальной школы. С 1901 года жил в Надеждинске, работал на металлургическом заводе, после окончания Гражданской войны – в различных торговых организациях. В 1905-1906 г.г. принимал участие в забастовках надеждинских рабочих. До 1918 года ни к какой партийной организации не принадлежал. В начале 1918 года примкнул к левым эсерам, лидером которых в Надеждинске был Д.Е.Синявский. Никакого участия в деятельности эсеровской организации не принимал, за исключением того, что в мае 1918 года вступил в надеждинский эсеровский отряд под командованием Синявского, в котором находился рядовым стрелком в течение 2,5 месяцев. О службе в отряде Рублёнов дал такие показания: «Участия в боях не принимал. Примерно в мае 1918 года наш отряд из Надеждинска был переброшен в Екатеринбург, где через несколько дней я в числе 15-ти бойцов-эсеров во главе с Синявским был назначен для сопровождения из Екатеринбурга одного вагона государственного груза, значение которого нам не было известно. С вышеуказанным грузом мы доехали до станции Шарья, но вследствие вспыхнувшего восстания в Ярославле нас вернули обратно с грузом в Пермь. Охрану сняли и разрешили вернуться по домам, после чего я прибыл в Надеждинск и с этого времени порвал всякую связь с эсерами. В сопровождении указанных выше государственных ценностей на одинаковых правах с нами была охрана в числе 15-ти человек из числа большевиков, которая осталась в Перми. Количественный состав эсеровского отряда, сформированного в Надеждинске в 1918 году, состоял примерно из 40 человек. При сопровождении государственных ценностей из Екатеринбурга в числе эсеров кроме меня были из Надеждинска Колганов, Кокорин, расстрелянный белыми в 1919 году, Чернов и другие» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.29777, л.7). В 1923 году Рублёнов вступил в ВКП(б), исключён из партии в 1933 году как нарушитель партийной дисциплины (оппортунистическое руководство организацией, отсутствие борьбы с растратами). В 1930 году приговорён Надеждинским судом к 6-ти месяцам принудительных работ за превышение цен. О деятельности в составе контрреволюционной организации Рублёнов дал такие показания: «В

организацию меня вовлѣк Борцов Михаил Иванович. Он мне рассказал, что основными задачами организации являются:

1.Создание кадров из среды недовольных политикой ВКП(б) и Советской власти для пополнения рядов эсеровских организаций.

2.Подготовка вооружѣнного восстания в тылу в момент объявления войны СССР с капиталистическими странами.

3.Проведение диверсионной деятельности на производстве с целью подрыва мощи СССР.

4.Проводить пропаганду среди населения, чем создавать недовольство среди масс, озлобляя их против проводимой ВКП(б) и Советской властью политики.

Работая в торговых организациях и используя своё служебное положение, я умышленно создавал тормозы в снабжении. Все возникающие перебои в снабжении я не ликвидировал, а усугублял их путѣм несвоевременной заброски дефицитных продуктов и товаров, обеспечивал свои торговые точки не теми товарами, которые имели большие запросы со стороны потребителей, в результате чего одних товаров имелось больше, других же не было совершенно. Например, на складах скапливалось на сотни тысяч дорогих кондитерских изделий, которые из-за отсутствия спроса на них гнили и приходили в негодность. В конце 1936 и начале 1937 года по указанию контрреволюционной организации я занижал заявки на хлеб для торговых точек, не принимая меры к своевременной завозке хлеба по этим точкам, а некоторые вовсе оставлял без хлеба. С 1937 года, работая в Нарпите, я умышленно не обеспечивал столовые надлежащими продуктами, от чего создавались перебои в питании, требования масс столовые не удовлетворяли, отсюда создавались всякие недовольства. Наряду с этим я создавал кадры из лиц, недовольных Советской властью, обрабатывая которых, я разъяснял им неправильность политики ВКП(б). Своего лично оружия эсеровская организация не имела, но в начале вооружѣнного восстания мы надеялись, что оружием будем обеспечены через наших руководителей» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.29777, л.13-14). Дело было предано на рассмотрение Особого Сопещания НКВД СССР, которое 2 августа 1938 года приговорило Рублѣнова И.В. к 8 годам ИТЛ. Наказание Илларион Васильевич отбывал в Магаданской области, умер в лагере 8 апреля 1939 года.

Шитов Степан Платонович, родился 25 июля 1889 года в Белохолуницком заводе Вятской губернии в крестьянской семье,

получил начальное образование. В партию эсеров вступил в Мотовилихе в 1917 году. В 1918-1921 г.г. состоял в ВКП(Б), исключён за несогласие с новой экономической политикой, в 1930-1935 г.г. вновь в партии, вторично исключён за принадлежность ранее к партии эсеров. В Надеждинске жил с 1924 года, в 1938 году занимал должность временно исполняющего обязанности начальника складского хозяйства Надеждинского металлургического завода. На следствии Шитов дал такие показания: «В Надеждинск я прибыл в 1924 году и познакомился с эсером Сурковым Алексеем Петровичем, через него с Борцовым Михаилом Ивановичем. При встречах Борцов мне говорил, что эсеры не должны мириться с тем положением, которое создалось в стране в 1929 году, когда началась коллективизация. Он говорил, что эта политика окончательно разорит крестьянство, он также высказывал недовольство репрессиями к эсерам и меньшевикам. Борцов говорил, что эсеров и меньшевиков ЦК ВКП(б) преследует потому, что они правы в своей политике и народ за ними пойдёт. В мае 1930 года я дал согласие принять участие в контрреволюционной эсеровской организации. Я среди окружающих лиц проводил контрреволюционную пропаганду против мероприятий партии и правительства. В 1930 году я среди рабочих говорил, что Советская власть коллективизацией доведёт крестьянство до нищеты, колхозы рентабельными никогда не будут, ликвидация кулака как класса приведёт страну к голоду, организованные колхозы никогда не обеспечат страну хлебом. В 1932-1933 г.г., когда начались перебои в снабжении рабочих продуктами, наша контрреволюционная организация использовала в своих целях. В беседах с рабочими я говорил, что Советская власть умышленно урезает снабжение рабочих, хлеб отправляет за границу, а оттуда привозят ненужные товары. В 1934-1936 г.г. по вопросу убийства Кирова я говорил, что зиновьевцы в своих действиях были правы, только насильственным путём можно изменить положение в стране. Зиновьева и Каменева расстреляли за то, что они могли разоблачить неправильную политику ЦК ВКП(б). С 1935 года, работая заместителем начальника складского хозяйства, я с вредительской целью неправильно распределял уголь, руду и другие материалы, ставил на голодный паёк электростанцию, мотивируя отсутствием угля. В результате выключались промышленные объекты, например в феврале 1937 года сутки стоял сортопрокатный цех металлургического завода. Распределение руды мною проводилось

тоже вредительски. Основные цеха, как мартен, всё время находились на голодном пайке. В цеха, которые требуют меньше руды, направляя больше (как, например, доменный и литейный), в результате получался перебой в работе, не выполнялся план. Всё это резко отражалось на материальном положении рабочих и резко ударяло по заводу. Я по заданию вредителя Волкова (осуждён) производил порчу овощей, которые шли на снабжение рабочих. В 1934-35 г.г., работая заведующим овощника ОРСа, я умышленно сгноил овощи до 200 тонн, что резко отразилось на снабжении рабочих» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.20626, л.8-11). 2 августа 1938 года Тройка УНКВД по Свердловской области приговорила Шитова к 8 годам ИТЛ. 23 октября 1940 года по просьбе сына Шитова дело было направлено на следствие. Из объяснений сержанта госбезопасности Юдина явствует, как добывались из подследственных признательные показания: «Шитов был арестован в феврале 1938 года Надеждинским ГО НКВД как эсер, были и другие компрометирующие материалы, содержание которых теперь не помню. Имеющиеся материалы на Шитова не расследовались, а от бывшего начальника ГО НКВД Трубачёва была дана установка – от Шитова получить показания о его контрреволюционной деятельности, такая установка была и для других арестованных эсеров. Для этого была организована камерная обработка арестованных для дачи показаний о контрреволюционной деятельности. Показания Шитова от 7 апреля получены под влиянием камерной обработки, но его принадлежность к эсерам, исключение из ВКП(б) за уклон, судимость подтверждаются официальными документами. То, что Шитов является участником контрреволюционной организации, не соответствует действительности, контрреволюционной организации как таковой в то время не существовало и материалов об этом в Надеждинском ГО НКВД не имелось» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.20626, л.66). 19 декабря 1940 года определением Особого Собрания НКВД СССР приговор в отношении Шитова Степана Платоновича был отменён, однако, по неизвестным причинам из лагеря он освобождён не был. Умер в августе 1942 года в лагере в бухте Нагаева на прииске Чай-Улья.

Глава 13. Учащиеся – жертвы политических репрессий.

Политические репрессии 30-х годов не обошли стороной и учащуюся молодёжь. В годы «большого террора» в первую очередь

уголовному преследованию подвергались дети из семей врагов народа, спецпереселенцев и иностранных граждан, незаконно перешедших границу СССР. Органы НКВД приписывали им участие в различных контрреволюционных организациях, шпионско-диверсионную деятельность в пользу иностранных разведок, проведение антисоветской агитации среди окружающих. Аресту подвергались, несмотря на столь юный возраст, даже ученики средних школ.

16 ноября 1937 года помощником оперуполномоченного 3 отделения ГО НКВД Гавриловым была арестована учащаяся средней школы №22 Неворотова Надежда Григорьевна. Её мать Мария Степановна, арестованная 1 октября, обвинялась в работе на японскую разведку. Дочери следствие предъявило обвинение по ст.58 п.6 УК РСФСР в том, что она, зная о шпионской деятельности матери, не только не донесла об этом органам НКВД, но и сама участвовала в сборе шпионских сведений. Надежда Неворотова родилась 5 октября 1921 года в семье служащего Китайско-Восточной железной дороги. До 1935 года семья проживала в городе Харбине (Манчжурия). После японской оккупации Манчжурии оттуда началась эвакуация советских граждан. В сентябре 1935 года Неворотовы, в числе других эвакуированных, вернулись в СССР и были направлены в Надеждинск. Семья проживала по адресу: Новый посёлок, 12 линия, дом 9, квартира 1. Мать работала в швейной мастерской артели «Трудовик», а дочь училась в 22-й школе, в феврале 1937 года вступила в ряды ВЛКСМ. Находясь под стражей, Надежда под давлением следствия вынуждена была написать следующее заявление: «После того, как меня арестовали и заключили под стражу, я глубоко продумала своё положение. Убеждена в том, что мой арест явился результатом разоблачения меня, как врага советской власти, как шпиона японской разведки, высланной в СССР с определённым заданием. Работала в пользу Японии до моего ареста. Продумав своё положение, я решила следствию рассказать правду о своей шпионской работе и о моей матери Неворотовой М.С. и других крупных шпионах, известных мне на Урале. Прошу вызвать меня на допрос. 1 декабря 1937 г.» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.40100, л.12). На основании заявления следствие сфабриковало обвинительное заключение, в котором говорилось: «Неворотова Н.Г., проживая в Харбине, в 1935 году была завербована агентом японской разведки Погосским и приехала в СССР с целью ведения шпионской диверсионной работы в

пользу Японии. По приезде в город Надеждинск Неворова поступила учиться в среднюю школу №22 и сразу же начала свою шпионскую деятельность. Собирала сведения о политических настроениях молодёжи города Надеждинска, план города с его заводами оборонного значения и железными дорогами. Все эти сведения она пересылала в зашифрованном виде письмами японской разведке» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.40100, л.8). Комиссия НКВД СССР 25 декабря 1937 года приговорила Надежду Неворову к высшей мере наказания. Расстреляна 26 января 1938 года. Реабилитирована в апреле 1989 года. Из надеждинцев, казнённых в годы политических репрессий Надежда Григорьевна была самой юной, на момент ареста ей только исполнилось 16 лет.

22 декабря 1937 года был арестован Рак Михаил Иванович, учащийся неполной средней школы №16. Михаил родился 7 декабря 1919 года в селе Лукашевка Глобинского района Полтавской области, сын кулака-спецпереселенца, украинец. Проживал в посёлке Новая Кола. В 1931 году семья была раскулачена и выслана в Надеждинский район. Отец Иван Васильевич в 1937 году арестован НКВД. На воспитании матери Харитины Ильиничны остались Михаил и его двенадцатилетняя сестра Ольга. Следствие вёл сотрудник ГО НКВД Белоногов. Михаил Рак обвинялся по ст.58 п.9,10 в том, что с 1937 года являлся участником диверсионно-повстанческой организации молодёжи, созданной на Урале латвийской разведкой, в которую был завербован агентом латвийской разведки Розенбергом. По заданию последнего занимался контрреволюционной деятельностью, проводил подготовительную работу среди молодёжи для вовлечения в контрреволюционную организацию. Имел задание добиться получения паспорта, чтобы попасть в ряды РККА и там проводить шпионскую и подрывную работу» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.40805, л.13). Постановлением Тройки УНКВД по Свердловской области 14 марта 1938 года Рак Михаил Иванович приговорён к расстрелу. Приговор приведён в исполнение 22 марта. Реабилитирован в 1989 году.

Много детей спецпереселенцев и перебежчиков обучалось в школе фабрично-заводского ученичества (ФЗУ). Первым из учащихся ФЗУ по политическим мотивам был арестован 28 марта 1935 года Семён Иоселевич Гельфанд. Он родился 7 апреля 1913 года в городе Вильно (Польша) в семье рабочего. Рано потерял родителей, воспитывался в детском доме в Вильно. В 1925 году окончил ремесленное училище по

специальности переплётчик. Трудился на фабрике, откуда в 1929 году был уволен за профсоюзную деятельность. После увольнения год работал рассыльным в банке, уволен за участие в забастовке. До середины ноября 1931 года служил в конторе типографии. Состоял в молодёжной организации «Бунд». 17 ноября арестован за участие в городских волнениях, осуждён на шесть месяцев тюрьмы. После освобождения не мог устроиться на работу и в связи с тяжёлым материальным положением решил перейти на постоянное место жительства в СССР. 1 сентября 1932 года перешёл границу в местечке Орехово, где был арестован и направлен в Полоцк, а оттуда в Саровский лагерь. В ноябре 1933 года прибыл в Надеждинск. Здесь работал грузчиком в крупносортом цехе. В 1934 году поступил в школу ФЗУ, где учился до ареста. Жил в общежитии школы ФЗУ в Загородке. Обвинялся по ст.58 п.10 в том, что среди учащихся, рабочих завода и перебежчиков вёл контрреволюционную агитацию, направленную против Советской власти и правительства, призывал учащихся к забастовке (ГАОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.34313, л.4). 29 июля 1935 года Специальной Судебной Комиссией Свердловского областного суда приговорён к 7-ми годам лишения свободы. Срок отбывал в Свердловской и Нижнетуринской тюрьмах и Байкало-Амурском лагере (Бамлаг). Реабилитирован 12 октября 1966 года.

Особенно сильно ударил по учащимся ФЗУ 1937 год, когда сразу несколько человек были обвинены в работе на разведки иностранных государств. Следствие по делу арестованных вели оперуполномоченные 2 отделения ГО НКВД Белоногов, Кордяков и Якубович. Антоненко Михаил Савельевич, родился в 1916 году в Екатеринославской губернии в семье зажиточного крестьянина, украинец. Семья в 1931 году была раскулачена и выслана в Надеждинский район, проживала в посёлке Новая Каква. 22 декабря 1937 года Михаил вместе с отцом Савелием Арестовичем и братьями Сергеем, Дмитрием и Александром был арестован горотделом НКВД. Обвинялся по ст.58 п.6 УК РСФСР в том, что являлся агентом германской разведки по заданию которой должен был осуществить ряд диверсий (ГАОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.40016, л.4). Комиссией НКВД и Прокуратуры СССР 21 января 1938 года приговорён к высшей мере наказания. Расстрелян 17 февраля 1938 года. Реабилитирован в 1989 году.

Вместе с Михаилом Антоненко был арестован Коваленко Григорий Фёдорович, его товарищ. Он родился 14 ноября 1916 года в селе

Хрищатитское Екатеринбургской губернии в семье крестьянина-кулака, украинец. В 1931 году семья раскулачена и выслана в Надеждинский район. Проживал вместе с родителями в посёлке Новая Каква. Обвинялся по ст.58 п.6 УК РСФСР в том, что был с 1937 года участником контрреволюционной диверсионно-повстанческой организации, в которую был завербован агентом германской разведки Карлом Гетцем и проводил диверсионную работу» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.43632, л.10). Особой Тройкой УНКВД по Свердловской области 4 ноября 1938 года осуждён к 5 годам заключения в ИТЛ. Срок отбывал в Вятлаге. Находясь в заключении, Коваленко подал в июне 1939 года жалобу прокурору СССР с просьбой о пересмотре его дела. В связи с этим оно было в октябре 1939 года направлено на дополнительное расследование. По его материалам контрреволюционная деятельность Коваленко не подтвердилась. При допросе бывшего следователя Кордякова, последний объяснил, что показания Коваленко были добыты провокационным путём и не соответствуют действительности. Принимая во внимание, что состав преступления Коваленко следствием не доказан, начальник УНКВД по Свердловской области майор ГБ Иванов 22 февраля 1940 года вынес следующее постановление: «Решение Тройки УНКВД по Свердловской области от 4.11.1938 в отношении Коваленко отменить, освободить его из заключения и водворить в прежнее место ссылки в Серовский район Свердловской области». Коваленко реабилитирован в мае 1989 года. Такое смягчение приговора объяснялось изменениями в НКВД, последовавшими после ареста наркома Ежова.

Мейстер Антон Христианович, родился 25 февраля 1915 года в деревне Новоалександровка Екатеринбургской губернии в семье крестьянина-кулака, по национальности немец. В 1929 году семья раскулачена и выслана в Надеждинский район в село Филькино. Арестован 26 декабря 1937 года. Обвинялся по ст.58 п.6 УК РСФСР. По материалам горотдела НКВД Мейстер проходил как агент германской разведки. В следственном деле говорилось: «Мейстер А.Х. завербован в 1936 году германским разведчиком Яковом Ваалом, по заданию которого в 1937 году в кузнечно-механическом цехе металлургического завода вывел из строя два токарных станка путём резки ремней и насыпания песка в подшипники. Как участник контрреволюционной организации должен был принять участие в вооружённом восстании против Советской власти во время войны. Будучи агентом германской разведки, по её заданию проводил

контрреволюционную деятельность (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.30729, л.12). Комиссией НКВД и Прокуратуры СССР 7 февраля 1938 года приговорён к высшей мере наказания. Расстрелян 16 марта 1938 года. Реабилитирован 23 мая 1961 года.

Ногай Ибрагим Гафур, родился 20 ноября 1915 года в деревне Кучкузей Ялтинского уезда Таврической губернии в семье крестьянина-кулака. По национальности – крымский татарин. В годы коллективизации семья выслана в Надеждинский район. Проживал в общежитии школы ФЗУ в Загородке. Арестован 31 декабря 1937 года. Обвинялся по ст.58 п.6 в том, что будучи агентом японской разведки проводил по её заданию контрреволюционную деятельность. В справке горотдела НКВД, составленной на Ибрагима Ногай говорилось: «Ногай являлся участником контрреволюционной диверсионно-повстанческой организации, в которую был вовлечён в 1936 году японским разведчиком Авлакимовым. Как участник контрреволюционной организации должен был принять участие в вооружённом восстании против советской власти в момент возникновения войны» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.36258, л.17). Решением Особой Тройки при УНКВД по Свердловской области 15 ноября 1938 года приговорён к заключению в ИТЛ сроком на 5 лет. Реабилитирован в 1989 году.

Виноградов Василий Петрович, родился 25 декабря 1912 года в с/селе Ново-Челны-Сюрбеево Казанской губернии в семье крестьянина-середняка. По национальности чуваш. В 1930 году семья раскулачена и выслана в ссылку в Надеждинский район. Обучался в группе каменщиков, проживал в общежитии школы ФЗУ в Загородке. Арестован 4 января 1938 года. Обвинялся по ст.58 п.6 в том, что будучи агентом японской разведки проводил по её заданию контрреволюционную деятельность, являлся участником диверсионно-повстанческой организации, в которую был вовлечён в 1937 году агентом японской разведки Аблиговым (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.19621, л.5). Особой Тройкой УНКВД по Свердловской области 21 октября 1938 года приговорён к заключению в ИТЛ сроком на 5 лет. Находясь в заключении Виноградов в марте 1940 года направил Прокурору РСФСР жалобу: «4 января 1938 года я был арестован органами НКВД города Надеждинска и заключён в Нижнетагильскую тюрьму, откуда был переброшен в Нижнетуринскую тюрьму, а из последней в ноябре 1938 года с этапом направлен в ББК НКВД, где мне объявили, что постановлением Свердловской областной Тройки я

признан контрреволюционным элементом и осуждён к пяти годам лишения свободы. Это постановление я считаю неправильным и подлежащим отмене по следующим основаниям:

1) В момент ареста мне не было предъявлено постановления о привлечении меня к уголовной ответственности и об избрании мне меры пресечения – содержания под стражей, также как не было предъявлено и объявлено о наличии прокурорской санкции на мой арест. В результате этого арест был произведён противозаконно и с моим арестом были грубо нарушены мои личные права, нормы Уголовно-процессуального кодекса и Сталинская Конституция.

2) 28 января 1938 года я был вызван на допрос и следователь НКВД Плотников предложил мне подписать заранее приготовленный им материал, в котором указывалось, что я японский шпион, что в шайку японских шпионов я завербован каким-то Мустафой и т.д. На моё возражение о том, что я не шпион, никогда шпионом не был и никто меня никогда не вербовал, последний объяснил, что следственным властям хорошо известно, что я не шпион, а честный человек и что такой документ крайне нужен государству для каких-то очень важных государственных дел, что для подписания его органы НКВД избрали меня только потому, что я честный человек, ранее работал на Новой Коле и был стахановцем, а последнее время, учась в ФЗУ, иду одним из первых учеников, что только по этому на меня можно положиться и что я этой тайны никому не открою, что никаких репрессий по отношению ко мне за подписание этого протокола применяться не будет и меня после подписания освободят. После моего второго объяснения о том, что это противоречит действительности, Плотников заявил, что если я не подпишу этот протокол, то против меня будет возбуждено уголовное преследование за измену Родине и будут приняты меры физического воздействия, что им и было сделано. Под таким давлением я был вынужден подписать этот документ. Таким образом следователь Плотников добился от меня признания вины в каких-то неизвестных мне преступлениях, которые я не совершал. И только после объявления мне срока наказания я понял, что на моём несчастье Плотников строил себе карьеру.

3) В заседание Тройки меня не вызывали и я не имел возможности вскрыть неправильности, допущенные предварительным расследованием. О назначенном Тройкой сроке мне объявили в лагерях, причём копии постановления Тройки мне на руки не вручали. Я до сего времени не знаю, что Тройка признала за мною преступного.

4) По формуляру я значусь кулаком, что не отвечает действительности. До 1926 года хозяйство вёл мой дед. В хозяйстве кроме лошади, коровы и ветряной мельницы, которую сдали селькресткому, ничего не было. Арендованной и купленной земли не было, наёмную рабочую силу не применяли. После смерти деда хозяйство вёл отец, который работал агрономом. В 1931 году хозяйство раскулачили и вся семья была переселена из села Ново-Челны-Сюрбеево в Надеждинский район. До 1931 года хозяйство отца налогами по повышенным ставкам не облагалось и с самого начала коллективизации вступило в колхоз и числилось типичным крестьянским середняцким хозяйством. В 1931 году отец убыв на работу бесследно исчез. До 1936 года я работал рабочим на углежжении Новой Колы, затем меня послали в ФЗУ, где я учился по день ареста. Классово-чуждым и опасным элементом я не являюсь, врагом народа быть не могу и изолировать меня от семьи и общества не было надобности. На основании выше изложенного прошу Вас пересмотреть моё дело» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.19621, л.47). Произведённой по делу проверкой было установлено, что Виноградов не причастен к совершению каких-либо преступлений, однако его из-под стражи не освободили. Реабилитирован 31 июля 1956 года.

Хабибуллин Нурулла, родился 3 июля 1921 года в селе Юрт-Тамат Байкаловского района Омской области в семье крестьянина. По национальности – татарин. В Надеждинск приехал в сентябре 1938 года по приглашению брата, который работал в милиции. Проживал в общежитии школы ФЗУ в Загородке. Член ВЛКСМ с января 1939 года. Арестован 1 февраля 1939 года. Обвинялся по ст.58 п.10 в том, что среди учащихся школы ФЗУ систематически проводил контрреволюционную пропаганду, пытался организовать из учащихся контрреволюционную группу с целью борьбы с Советской властью. Сам писал и распространял листовки контрреволюционного содержания, открыто призывал молодёжь к борьбе с Советской властью и ВКП(б), готовил поджог здания городского отдела НКВД (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.47905, л.54). Судебной коллегией по уголовным делам Свердловского областного суда 6 января 1940 года осуждён к шести годам ИТЛ. К сожалению, следствие не учло весьма серьёзное обстоятельство, вытекающее из свидетельских показаний и поведения самого обвиняемого, а именно – его действия и поступки являлись результатом психической неуравновешенности и неустойчивости. Психиатрическая экспертиза НКВД, несмотря на

явные отклонения в состоянии здоровья Хабибуллина, признала его вменяемым. Реабилитирован 2 ноября 1993 года.

Учащиеся школы ФЗУ, осуждённые органами НКВД, отбывали свой срок в ВятЛаге в Кировской области.

Кроме школ и ФЗУ в городе действовали два техникума: металлургический и медицинский, где также учились дети из семей спецпереселенцев и перебежчики волею судьбы оказавшиеся причастными к различным делам, сфабрикованным горотделом НКВД. Заглянем в некоторые из них.

20 марта 1937 года горотделом НКВД был арестован студент 3 курса медицинского техникума Дмитров Лазарь Костович. Родился он в 1909 году в городе Варна (Болгария), сын рабочего, по национальности – болгарин. С 1928 по 1930 год проходил военную службу на флоте. На родине состоял членом Коммунистического Союза Молодёжи Болгарии, в 1928 и 1931 годах арестовывался полицией за участие в революционном движении. В июле 1932 года с группой товарищей нелегально перебрался в СССР, приплыв на рыбацкой лодке в Одессу. Здесь Лазарь Дмитров был арестован и отправлен в Саровский лагерь для перемещённых лиц, откуда направлен на жительство в Надеждинск. Сначала трудился разнорабочим, в 1934 году поступил в медицинский техникум, где и обучался до своего ареста. Являлся членом бюро физкультурного совета техникума. Проживал в общежитии по адресу – проспект Ленина, 6. Обвинялся по ст. 58 п. 10 в том, что по прибытию в Надеждинск и будучи недовольным нахождением в СССР, в 1933 году готовил план побега в Турцию, но не осуществил его вследствие опасения ареста при побеге. После отказа от намеченного плана, с 1934 года открыто вёл среди перебежчиков контрреволюционную троцкистскую пропаганду, направленную против политики ВКП(б) и Советского правительства. Также проводил троцкистскую агитацию среди студентов медицинского техникума, восхвалял контрреволюционеров Троцкого, Зиновьева и Каменева (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.48387, л.69). Специальная судебная коллегия Свердловского областного суда приговорила Дмитрова к семи годам заключения с последующим поражением в правах на 5 лет. Наказание он отбывал в Нижнетагильской тюрьме. В марте 1938 года против Дмитрова выдвинули новое обвинение по ст. 58 п. 6 – разведывательная деятельность в пользу иностранной разведки. Следствие вёл следователь 3 отделения УГБ УНКВД по Свердловской

области Малявин. В обвинительном заключении говорилось: «Установлено, что Дмитрий агент германской разведки. Для разведывательной работы был завербован в 1931 году в Болгарии агентом германской разведки Марковым. В 1932 году для шпионажа переброшен в СССР. В 1933 году на Урале установил связь с германским агентом, руководителем шпионско-диверсионной организации Вурмом, по заданию которого, работая кочегаром Надеждинского Дворца культуры, взорвал паровой котёл. В 1935 году, будучи на практике в Надеждинской бактериологической станции, совершил заражение питьевой воды города бактериями тифа и дизентерии. В 1936 году вместе с участником организации Хоменко совершил крушение пассажирского поезда около станции Надеждинск. В 1937 году по заданию Дмитрова участник контрреволюционной организации Хоменко вывел из строя газопровод в доменном цехе Надеждинского металлургического завода» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.39763, л.8). На следствии Дмитрий признал себя виновным в выдвинутых против него обвинениях. Комиссия НКВД и Прокуратуры СССР 31 мая 1938 года приговорила его к высшей мере наказания. Приговор приведён в исполнение 15 сентября 1938 года. Реабилитирован 16 января 1989 года.

По обвинению в работе на разведывательные службы иностранных государств арестовали ещё несколько студентов медицинского техникума. Осенью 1937 года горотделом НКВД было сфальсифицировано дело участников контрреволюционной организации «Польская организация войскова» (ПОВ). Проходил по нему и студент Григорий Иванович Левчук, перебежчик из Польши. Он родился в 1904 году в селе Степанки Кобринского уезда Гродненской губернии, по национальности – украинец. Выходец из семьи крестьянина-бедняка. В поисках заработка в 1929 году уехал в Аргентину, три года работал чернорабочим на железной дороге. Брат Левчука – член Польской Коммунистической партии, был приговорён к шести годам тюремного заключения. В 1932 году, вернувшись на родину, Левчук решил в поисках лучшей жизни перебраться в СССР. 12 октября он нелегально перешёл советско-польскую границу. Из Саровского лагеря для перемещённых лиц направлен в Надеждинск, советского гражданства не имел. Работал столяром в медицинском техникуме, затем решил получить профессию фельдшера и стал студентом. Проживал в общежитии техникума по проспекту Ленина, 6. Арестован 7 октября 1937 года. Обвинялся по ст.58 п.6. Согласно

обвинительного заключения, в 1932 году Левчук, как агент польской разведки был перебросен из Польши в СССР с шпионско-диверсионными заданиями. Находясь в Надеждинске, польским резидентом Майзиком был завербован в надеждинскую ячейку ПОВ. До момента ареста, являясь одновременно агентом польской разведки и активным участником организации ПОВ, по заданию Майзика вёл активную шпионско-диверсионную работу (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.34098, т.2, л.109). Каких-либо конкретных примеров шпионской деятельности Левчука в следственном деле нет. На суде обвиняемый виновным себя не признал, однако, Комиссией НКВД и Прокуратуры СССР 26 октября 1937 года был приговорён к высшей мере наказания. Расстрелян 9 ноября. Реабилитирован 28 сентября 1965 года.

14 декабря 1937 года была арестована студентка медицинского техникума Маховская Анастасия Александровна, уроженка города Пскова, родилась 28 августа 1910 года в семье крестьянина-кулака, русская. После раскулачивания семья была выслана на Урал и проживала в Надеждинске. Обвинялась по ст.58 п.6,11. Следствие вёл следователь горотдела НКВД сержант ГБ Долбилов. На допросе Анастасия Маховская рассказала, что была в 1936 году завербована агентом эстонской разведки Кудряшовым Фёдором Федотовичем в контрреволюционную организацию. Причинами, подтолкнувшими её на этот шаг, стали любовь к Эстонии, откуда родом были её родители, а также тяжёлое материальное положение и маленькая стипендия. Несколько раз она обращалась к местным властям за помощью, но получала отказ. О своей деятельности Маховская дала такие показания: «Возможности для работы в пользу эстонской разведки были. Я, учась в медицинском техникуме, работала на практике — вращалась среди работников охраны труда, устанавливала причины несчастных случаев на заводе. Наряду с этим собирала сведения шпионского характера по выполнению производственной программы на заводе №76 и передавала их Кудряшову. Путём антисоветской агитации сумела приобрести авторитет среди обиженных. В 1936 году перед праздником 1 мая нами было разбросано несколько листовок контрреволюционного содержания, написанных от руки. В момент выборов в Верховный Совет СССР нашей организацией проводилась агитация против выхода для голосования. Мне лично было поручено проводить работу среди домохозяек, живущих на окраине города. Перед организацией была поставлена задача проводить диверсионную работу на Надеждинском металлургическом заводе, совершать

террористические акты над руководителями местных организаций, проводить антисоветскую агитацию среди отсталой части населения, объединять всех лиц, принадлежащих к эстонской нации, в группы, которые готовить на случай войны против Советской власти. Из участников контрреволюционной организации мне известны: Лаксберг Иван Иванович – рабочий металлургического завода, Тислер Эдуард Осипович – плотник металлургического завода, Рудольф Зоя Михайловна – машинистка госбанка, Петрова Капитолина Петровна – счетовод детских яслей, Рейнштейн Антон Иванович – токарь химзавода» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.43157, л.60б-70б). На суде Маховская признала себя виновной. Тройкой УНКВД по Свердловской области 15 января 1938 года приговорена к высшей мере наказания. Даты расстрела в деле нет. Реабилитирована 4 апреля 1989 года.

16 января 1938 года органами НКВД были арестованы учащиеся медицинского техникума – участники контрреволюционной шпионско-террористической повстанческой группировки, созданной якобы по заданию финской разведки. В состав организации входили:

Брусилин Алексей Васильевич, студент 2 курса. Родился 1 января 1918 года на хуторе Большая Таловая Веселовского района Азово-Черноморского края, русский. Сын кулака, сосланного в Надеждинский район. Проживал в общежитии техникума.

Полянский Григорий Дмитриевич, студент 1 курса. Родился 5 декабря 1918 года в станице Воздвиженской Курганинского района Краснодарского края, русский. Сын кулака, сосланного в Надеждинск в 1930 году. Проживал по адресу: Первый разъезд, барак №3, квартира 3.

Скрыпник Николай Иванович, студент 2 курса. Родился 23 января 1917 года в селе Троицкое Межевского района Днепропетровской области УССР, украинец. Сын кулака, высланного на Урал в 1931 году. Проживал в общежитии техникума.

Все трое обвинялись по ст.58 п.6 УК РСФСР. Следствие вёл следователь горотдела НКВД Фёдоров. По версии следствия организатором контрреволюционной группы в медицинском училище являлся Брусилин, завербовавший в неё своих товарищей по учёбе. Организация была создана в январе 1937 года по указанию агента финской разведки Николая Николаевича Чевакинского – выпускника кадетского корпуса, бывшего белого офицера, высланного из Ленинграда как социально-опасный элемент и проживавшего в

посёлке Красноярка. Поводом к аресту участников группы послужили анонимные письма с угрозами в адрес комсомольских активистов. Григорий Полянский показал на следствии: «Мне было поручено проводить контрреволюционную фашистскую агитацию и высказывать террористические угрозы по отношению к активистам техникума. Лично мною совместно с Брусилиным и Скрыпником было написано анонимное письмо комсомолкам-активисткам Лубегиной и Обрезковой. Содержание анонимного письма сводилось к угрозам – если они будут проводить комсомольскую работу, то мы вынуждены будем их убить. Такого содержания анонимное письмо было написано 8 февраля 1937 года на имя Обрезковой. 5 января 1938 года мною, Брусилиным и Скрыпником было написано анонимное письмо на имя Лубегиной на обложке тетради, где написали фашистские знаки на портрете Ленина и угрожали ей, что фашистские знаки скоро появятся у тебя на лбу» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.35310, л.6). Также следствие вменяло участникам группы планы совершения террористических актов против представителей власти. Брусилин дал об этом такие показания: «На учёбе мы в порядке осоавиахимовской работы тренировали себя в стрельбе, рассчитывали каким-нибудь путём получить оружие с тем, чтобы достигнуть совершенства в стрельбе. С этой целью посещали тир. Практиковались в стрельбе из мелкокалиберной винтовки. Во время каникул, пользуясь правами студентов, можно попасть в Москву в порядке экскурсии, приурочив это к какому-либо торжеству – 1 Мая или Октябрьским дням и совершить теракт» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.35301, л.10). Николай Скрыпник дал признательные показания о том, что должен был в случае войны с Германией или Японией совершить теракты против городских и районных партийно-советских работников (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.35312, л.6-6об). О дальнейших планах группы Алексей Брусилин говорил на следствии: «Мы считали, что учась в медицинском техникуме, мы должны будем продолжить учёбу и получить звание врача. После каждому участнику контрреволюционной организации представится широкое поле деятельности для диверсионной работы в своей практической медицинской деятельности. Мы считали, что в руках врача очень большие возможности проводить любые диверсионные акты посредством не только неправильного определения болезней, но и проведения в широких размерах бактериологических диверсий» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.35301, л. 11). Дело студентов медицинского

техникума Брусилина, Полянского и Скрыпника было передано на рассмотрение Тройки УНКВД по Свердловской области. 14 марта 1938 года они были приговорены к высшей мере наказания, приговор приведён в исполнение 20 марта. Григорий Полянский реабилитирован 16 ноября 1967 года, Алексей Брусилин и Николай Скрыпник – 7 января 1970 года.

Среди студентов металлургического техникума первым был арестован 5 августа 1937 года Ковалёв Николай Георгиевич. Он родился 23 января 1913 года в селе Мангуш Екатеринославской губернии, по национальности – грек, сын зажиточного крестьянина. В 1930 году семья была раскулачена и выслана на Урал, проживала в посёлке Черноярка, с 1936 года Ковалёв обучался в металлургическом техникуме. Следствие вёл следователь Волков. Николай Георгиевич обвинялся по ст.58 п.10 УК РСФСР в том, что участвовал в организации ячейки контрреволюционной группы «Союз освобождения Украины». Такая организация действительно существовала, но прекратила своё существование ещё в середине 20-х годов. Согласно показаниям Ковалёва в задачи группы входили дискредитация политики партии и правительства, распространение провокационных слухов о голоде в СССР в 1932-1933 годах. Также в вину ему ставилось то, что на занятиях по истории Гражданской войны 22 февраля 1937 года при разборе сталинского плана разгрома Деникина он восхвалял Каменева, а не Сталина (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.39313, л.13-13об). На следствии Ковалёв отрицал все выдвинутые против него обвинения, заявив, что его заставили подписать протокол допроса заранее составленный следователем. Тройкой УНКВД по Свердловской области 10 октября 1937 года приговорён к 10 годам ИТЛ. Наказание отбывал в Асинском ОЛП Томской области. 22 сентября 1938 года Ковалёв подал протест на вынесенный ему приговор. В характеристике, составленной администрацией лагеря на Николая Георгиевича, говорилось, что он трудится на общественных работах, к труду относится удовлетворительно, норму выполняет на 100%, качество работы удовлетворительное, в культурно-массовой работе не участвует, поведение в быту удовлетворительное, административных взысканий и замечаний не получал (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.39313, л.20). Дело было пересмотрено и 15 февраля 1940 года срок заключения сокращён до 5 лет. В следственном деле Ковалёва хранится справка о реабилитации, дата на ней отсутствует.

Двое студентов металлургического техникума, перебежчики из Польши Кельнер Л.Ф. и Хаит Л.М. 1 октября 1937 года были арестованы за причастность к деятельности надеждинской ячейки «Польской организации войсковой». Кельнер Лейб Филиппович родился 4 декабря 1914 года в городе Вильно, в семье бухгалтера. На родине состоял членом бундовской детской организации «СКИФ» (1929 г.) и спортивного общества «Маккаби» (1930-1932 г.г.). По профессии – столяр. В 1932 году в поисках работы нелегально перешёл границу СССР. Из Саровского лагеря для перемещённых лиц направлен в Надеждинск, работал столяром на металлургическом заводе. Учился на вечерних подготовительных курсах в металлургическом техникуме, затем стал студентом дневного отделения. На момент ареста – студент 4 курса. Советского гражданства не имел. Проживал в общежитии техникума по адресу: Новый посёлок, 3 линия, дом 16. Хаит Лазарь Маркович родился 4 августа 1910 года в местечке Рожице Луцкого уезда Вольнской губернии в семье торговца. По профессии – шофёр. В 1930-1933 г.г. состоял в Коммунистической партии Западной Украины. В 1933 году нелегально перешёл советско-польскую границу, после Саровского лагеря также был направлен в Надеждинск. Ко времени ареста учился на 3 курсе металлургического техникума, проживал по адресу: ул.Типографская, дом 16, квартира 4. В 1936 году получил советское гражданство. Кельнер и Хаит обвинялись по ст.58 п.6 УК РСФСР в том, что на родине были завербованы польской разведкой и переброшены в СССР для шпионской и подрывной работы. Проживая в Надеждинске, оба были привлечены к работе в POV польским агентом Майзиком и по его заданию вели активную шпионскую работу (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.34098, т.1, л.130; т.2, л.121). На следствии обвиняемые выдвинутые против себя обвинения не признали, однако были осуждены на основании свидетельских показаний и 26 октября 1937 года Комиссией НКВД и Прокуратуры СССР приговорены в высшей мере наказания. Приговор приведён в исполнение 9 ноября. В сентябре 1965 года Кельнер и Хаит были реабилитированы.

15 октября 1937 года горотделом НКВД был арестован ещё один студент металлургического техникума – Гольдгерш Самуил Иосифович. Следствие вёл следователь горотдела НКВД Першаков. Родился Гольдгерш 12 сентября 1912 года в городе Полонец Келецкого уезда (Польша) в семье торговца мясом. До 1932 года

работал столяром. В 1932 году нелегально перешёл на территорию СССР в поисках работы, 10 месяцев находился в Саровском лагере, затем направлен в Надеждинск. В 1936 году получил советское гражданство. Проживал в общежитии техникума. Самуил Иосифович обвинялся по ст.58 п.6,11 УК РСФСР в том, что состоя на родине членом польской фашистской организации «Молодой страж» был привлечён к работе в польской разведке и в том же году переброшен в СССР. Проживая в Надеждинске, установил связь с польскими агентами Моисеем Лейбовичем Гершкопом и Михаилом Леонтьевичем Ирхой, передавал им шпионские сведения. По заданию польских агентов среди учащихся занимался вербовкой новых лиц для шпионско-диверсионной работы в пользу польской разведки (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.39747, л.14). На следствии Гольдгерш виновным себя не признал. Дал признательные показания только о том, что на родине в течение трёх лет состоял членом «Гашомер Гацайр» – легальной еврейской националистической организации. 15 ноября 1937 года Комиссией НКВД и Прокуратуры СССР приговорён к расстрелу. Приговор приведён в исполнение 21 ноября. Реабилитирован 26 апреля 1989 года.

Поиски шпионов в техникуме на этом не закончились. 15 января 1938 года по обвинению в шпионской деятельности (ст.58 п.6 УК РСФСР) арестовали студента 3 курса Волкова Василия Андреевича, уроженца деревни Нюльгери Казанской губернии. Родился 29 декабря 1926 года в семье крестьянина-кулака, по национальности – чуваш. В 1931 году семья была раскулачена и выслана на Урал, проживала в посёлке Новая Кола. Следствие вёл следователь городского отдела милиции Плотников. Волков обвинялся в том, что являлся участником контрреволюционной шпионской диверсионно-повстанческой организации, в которую был вовлечён японским разведчиком Василием Петровичем Виноградовым. О своей деятельности Волков дал следующие показания: «Я выявлял настроения учащихся в техникуме. Со всеми, кто был враждебно настроен по отношению к Советской власти, я вёл работу по подготовке их с тем, чтобы они поддерживали нас в вооружённом восстании. Кроме того, я сам готовился к предстоящему выступлению» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.17027, л.60б). На следствии Волков признал себя виновным. Тройкой УНКВД по Свердловской области приговорён к пяти годам ИТЛ. 19 декабря 1939 года Василий Андреевич подал Прокурору СССР протест на приговор, в котором говорилось, что следователь

заставил его подписать готовый протокол допроса. 22 августа 1940 года дело было прекращено и Волков выпущен из-под стражи. Остался жить по месту высылки: Коми АССР, город Инта, комбинат «Интауголь». Реабилитирован 24 января 1956 года.

В декабре 1940 года в горотдел НКВД поступили сведения о том, что группа студентов, проживающих в общежитии техникума по адресу: Старый посёлок, 6 линия, дом 28, в беседах между собой допускает неправильные и нездоровые высказывания по ряду вопросов внутренней и внешней политики Советского государства. 29 декабря были арестованы студенты 4 курса Простаковский С.С., Дягилев А.Г., Распутин М.Ф. и Прокопьев И.Н. Все они обвинялись по ст.58 п.10, следствие вёл следователь ГО НКВД сержант ГБ Подмазов.

Простаковский Степан Спиридонович родился в 1910 году в деревне Григорьевка Таврической губернии в семье кулака, по национальности - русский. В 1930 году семья была раскулачена и выслана на Урал. В том же году Простаковский был осуждён на 3 года по ст.82 УК РСФСР за побег из трудссылки, срок отбывал на строительстве Красновишерского бумажного комбината в Пермской области.

Дягилев Анатолий Георгиевич родился в 1921 году в селе Куберла Ростовской области в семье кулака, русский. После раскулачивания семья выслана на Урал.

Распутин Михаил Фёдорович родился в 1921 году в селе Ивдель Свердловской области в семье кулака, русский. Член ВЛКСМ.

Прокопьев Иван Никифорович родился в 1921 году в деревне Олексино Каргапольского района Вологодской области, русский. Семья после раскулачивания выслана на Урал, отец умер в 1935 году в селе Коптяки. Член ВЛКСМ.

Организатором контрреволюционной группы следствие считало Степана Простаковского, как самого старшего и уже к этому времени имевшего судимость. В предъявленном ему обвинении говорилось: «Простаковский в сентябре 1940 года среди студентов, ведя разговор о продуктах питания, возводил клевету на руководителей ВКП(б) и Советского правительства заявляя, что всё вывозят за границу, а народ морят голодом. Аналогичные высказывания допускал в октябре дополняя, что наши руководители не знают куда вести страну. В октябре 1940 года в разговорах о войне с Финляндией распускал контрреволюционные слухи по отношению павших в бою бойцов

Красной Армии и клеветнически опошлял советскую печать. 20 октября 1940 года в разговоре по вопросу присоединения прибалтийских стран к СССР заявлял: «Пускай поживут, узнают как жить при Советской власти». После издания закона о введении платного обучения в средних школах и ВУЗах высказал своё недовольство и в контрреволюционном смысле истолковал Сталинскую Конституцию и политику ЦК ВКП(б). В октябре 1940 года на уроке об организации труда и конвейерной системы говорил, что у нас, также как и в капиталистических не считаются с рабочими. В ноябре 1940 года восхвалял врагов народа и возводил контрреволюционную клевету на основоположников теории о коммунистическом обществе. 9 декабря высказывал террористические намерения, не указывая над кем именно. Кроме того говорил, что в СССР, так же как и в капиталистических странах, существует прибавочная стоимость, которая идёт неизвестно куда» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.33965, л.4-4об).

Однако, на допросе Простаковский дал показания из которых видно, что его высказывания не несли в себе угрозы государственному строю и не являлись общественно-опасным деянием. Приведём некоторые из его высказываний:

о введении платного обучения – «Учиться все равно не брошу, хотя и последние брюки продам», «В СССР получилось перепроизводство инженеров и техников, ишачить стало некому, вот потому и издали такой указ»,

о советско-финской войне – «Я ожидал, что война закончится в 2-3 дня, а в действительности оказалось иначе. О количестве павших в бою красноармейцев я говорил, что эти цифры будут неточными, так как ещё имеется большое количество раненых, из числа которых тяжело раненные могут умереть и тогда количество павших увеличится»,

об основоположниках коммунистического учения – «Действительными основоположниками учения о коммунизме являются Маркс и Энгельс, а в основу их учения была положена диалектика Гегеля и материализм Фейербаха»,

о Председателе Президиума Верховного Совета СССР – «Он только то и делает, что награждает орденами»,

о некоторых руководителях партии и страны – «Уже старики, а поженились на молоденьких женщинах»,

о торговле – «Наша страна по заключённым договорам вывоз за границу продуктов выполнила. Но сейчас сложилась такая международная обстановка, что выпуск на внутренний рынок пришлось сократить. Но ничего, русский народ терпеливый, выносливый, он ещё не такое переносил»,

о социалистическом соревновании – «В декабре 1940 года у нас между курсами шла борьба за овладение переходящим Красным знаменем. Кто-то из студентов в нашей комнате задал мне вопрос, как я смотрю по отношению к овладению этим знаменем. Я ответил: «За зная я спорить не буду. А вот если бы мне дали отрез на трусы, то я бы спорил до потери сознания и доказывал, что это мне, а никому другому» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.33965, л.13-20об).

Подобного же рода мысли высказывали и товарищи Простаковского. Вот что говорил при обсуждении различных вопросов Анатолий Дягилев:

о платном образовании – «Ранее, какие законы издавались, они касались только рабочих и служащих, а теперь уже до студенчества добрались. До этого закона он (глава Советского правительства) от студентов пользовался большим авторитетом, а теперь этого уже не будет. Вот если бы Ленин сейчас проснулся и посмотрел вокруг, он бы спросил: «Во что вы мои завоевания превратили? Разве для этого я строил коммунистическую партию, разве для этого вёл народ на борьбу и на смерть?»»,

о памятнике Ленину – «4 ноября 1940 года я шёл мимо памятника Ленину и говорил так: «Зачем Ленин протянул так руку? Вот дед мне говорил, что Ленин протянул так руку, так как он что-то всё просит»,

о перебежчиках из-за границы – «Еврей из Польши, лет 25-ти, живущий в Ауэрбахе, говорил мне, что когда жил в Польше, то ничего не работал, за исключением спекуляции и целыми днями играл в домино и карты. А вот здесь заставляют работать, но заработка на пропитание никак не хватает, уже изнашиваю последнюю рубашку. Один старик из Ауэрбаха говорил мне: «Я на помещика в Польше работал 30 лет и ещё проработал бы 20 лет, чем здесь жить».

о советско-финской войне – «На финский фронт сначала посылали красноармейцев из южных районов, которые совершенно не умели ходить на лыжах и не переносили морозы, и только после того, как Красная Армия потерпела сильное поражение, тогда на фронт были привезены уральцы. Что касается обмундирования, то красноармейцы были одеты очень тяжело – шинель, полушубок, ватные брюки, белый

халат и вещевой мешок. В результате этого они были не уворотливы и неуклюжи, как верблюды. Хлеб красноармейцам привозили мёрзлый и приходилось его рубить топором. Всё это я слышал от участника боёв Лаптева Ивана Ивановича, проживающего в Ростове-на-Дону» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.33965, л.41-47).

Следующий обвиняемый – Михаил Распутин, в конце ноября стал участником инцидента, суть которого заключалась в следующем. В буфет на втором этаже техникума зашел студент 1 курса в пальто. Его увидел директор Шапатин и сделал замечание, что в одежде сюда заходить нельзя. Распутин заступился за первокурсника и сказал, что тот зашёл сюда только за тем, чтобы получить хлеб в буфете и затем заявил Шапату: «Нечего тут дурака валять, что это за палочная дисциплина!». Этот поступок Распутина стал предметом разбирательства на студесческом собрании. Также, после ареста органами НКВД, в его тетрадях нашли портрет Троцкого. А вот некоторые из высказываний Распутина:

о платном образовании – «В Конституции записано о бесплатном образовании, а теперь будет введено платное. Вот пойду я сейчас в техникум и записанные в Конституции слова «бесплатное образование» вычеркну. Нужно собирать все свои манатки в мешок и ехать домой. Закончился курс моей науки», «Опять движемся к феодализму, появляется класс имущих и класс неимущих. Теперь учиться будет не каждый, а только дети инженеров да начальства»,

о советско-финской войне – «Один из участников боёв говорил, что финская армия была вооружена гораздо лучше, чем Красная, а также её обмундирование было не как у наших. Красноармейцы надевали на себя всего и были неуворотливы, неуклюжи. Красная армия имела превосходство только численностью» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.33965, л.64-69).

Ряд неосторожных высказываний допустил в разговорах и Иван Прокопьев:

«Мне учиться не придётся, так как для оплаты за обучение возможности не имею. Отца нет, а мать пенсионерка и если бы мне из кассы взаимопомощи денег не выдали, то несомненно, я учиться не стал бы, хотя учиться оставалось один год»,

«Вот артистам платят по 300 тысяч рублей в год, а нам каких-то 60-70 рублей и то пожалели. Сделали бы вот так: оплату артистам убавили и те деньги пустили на стипендию и сколько бы тогда студентов обеспечили»,

«Те, кто составляли Библию, были великими мыслителями и что ими написано, то сбывается. Вот там написано, что на земле появится такой человек, фамилия которого будет состоять из пяти букв и он будет вождём народа. Так и получилось – Ленин явился вождём народа, фамилия его из пяти букв» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.33965, л.85-88).

Все эти, по сути дела бытовые разговоры, и стали поводом для обвинения студентов в антисоветской агитации. На суде обвиняемые заявили, что не призывали к борьбе с Советской властью. В частности, Простаковский сказал: «Такие высказывания я допускал не с какой-либо злоумышленной целью, а вообще необдуманно и порой механически». 2 апреля 1941 года Судебная коллегия по уголовным делам Свердловского областного суда приговорила Ивана Прокопьева к 5 годам ИТЛ, Анатолия Дягилева и Михаила Распутина – к 8 годам ИТЛ, Степана Простаковского – к 10 годам ИТЛ. После отбытия наказания они также подлежали поражению в избирательных правах: Прокопьев на 2 года, Дягилев и Распутин на 3 года, Простаковский на 5 лет. Срок осуждённые отбывали в Нижнетуринской тюрьме. В 1957 году судимость с них была снята.

Глава 14. Дело «Надеждинской контрреволюционной повстанческой организации церковников».

В 1920-30-е годы в СССР проводилась активная антирелигиозная политика, были приняты законы, согласно которым религиозная пропаганда объявлялась государственным преступлением. Священники и члены их семей лишались гражданских прав. В 1930 году местные органы власти получили право решать судьбу культовых зданий и на Урале началась компания по закрытию храмов и мечетей. В это время в Надеждинске закрыли Спасо-Преображенскую церковь, а в июле 1931 года храм взорвали. К 1937 году в районе закрыли практически все культовые сооружения. Несмотря на насилие над верующими и священнослужителями, власти не смогли достичь своей цели. Даже в 1937 году, согласно данным Всесоюзной переписи, значительная часть уральцев оставалась людьми верующими. Многие сохраняли веру и передавали из поколения в поколение иконы, священные книги, молитвенники, атрибуты религиозных культов.

26 мая 1937 года органами НКВД был арестован Свердловский митрополит обновленческой церкви Михаил Трубин. Чекисты обвинили его в создании контрреволюционной фашистской шпионско-повстанческой организации церковников на Урале. 25 сентября 1937 года Тройка УНКВД по Свердловской области приговорила Трубина к высшей мере наказания. Расправа над митрополитом послужила сигналом к массовым арестам священнослужителей по всей Свердловской области.

В октябре 1937 года Надеждинский городской отдел НКВД отпартовал о раскрытии контрреволюционной повстанческой организации церковников в Надеждинском районе. В расследовании дела принимали участие начальник ГО НКВД Катков, следователи Кулаков, Юдин и Смирнов. В обзорной справке по данному делу, составленной оперуполномоченным 4 отделения ГО НКВД сержантом ГБ Кулаковым, говорилось: «Произведённым расследованием установлено, что в Надеждинском районе существовала контрреволюционная организация, руководимая Свердловским митрополитом Трубиным, епископами Савельевым и Бородулиным, участниками областного повстанческого центра. На территории Надеждинского района бывший священник Турьинской церкви Петров Ювеналий Иванович создал ряд ячеек в Турьинских Рудниках, Богословске, Надеждинске, Филькино, руководителями которых были священники и трудпоселенцы. В состав организации входили церковники, сектанты, бывшие белогвардейские офицеры, эсеры, меньшевики, трудпоселенцы, находящиеся в ссылке. Контрреволюционная организация ставила своей задачей вести среди населения широкую контрреволюционную пропаганду с целью дискредитации советского строя, руководителей партии и Советского правительства, используя для этой цели всякого рода затруднения в стране, чтобы подготовить асоциальные и контрреволюционные элементы к восстанию» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.26780, л.177). В результате были арестованы и осуждены по ст.58 п.10,11 УК РСФСР двадцать два человека. Из них четверо – Шистеров А.М., Денисов Н.Я., Петров Ю.И. и Крылов П.А., Тройкой УНКВД по Свердловской области приговорены 10 ноября 1937 года к высшей мере наказания (расстреляны 10 декабря 1937 года), остальные – к 10 годам заключения в ИТЛ: Пехтеров Н.С., Гуляев П.Д., Юшков И.Ф., Попов О.П., Ивашов А.П., Мясников И.А., Доронин Н.П., Бакулин Е.Н., Графова М.Е., Караваева Н.М., Потапова К.П., Семендяев В.И.,

Пупков И.П., Ратьковская З.П., Верина М.Н., Тарасова К.И., Шабалина А.М. Отбывая срок наказания, в ТайшетЛаге умерли Мясников Илья Николаевич (1938 г.) и Доронин Николай Прокопьевич. Обратимся к биографиям людей, осуждённых по делу церковников.

Петров Ювеналий Иванович, родился 1 июля 1878 года в селе Большая Шалга Архангельской губернии в семье священника. В 1900 году окончил Пермскую духовную семинарию, с 1901 года служил священником в Максимовской церкви посёлка Турьинские Рудники, благочинный 5-го духовного округа. В 1930 году арестовывался ОГПУ за антисоветскую агитацию, однако вскоре был освобождён. Арестован 8 октября 1937 года по обвинению в создании контрреволюционной повстанческой организации церковников в Надеждинском районе. На момент ареста – без определённых занятий.

Шистеров Александр Матвеевич родился 21 ноября 1890 года в городе Кунгуре в семье кустика. Окончил городское училище и педагогические курсы. Работал помощником учителя в Ачитской школе Красноуфимского уезда. В апреле 1908 года выслан на 1 год в Уфу за хранение революционной литературы. В 1915-1917 г.г. служил в царской армии, подпоручик. В феврале 1918 года после демобилизации приехал в село Михино Медянской волости Кунгурского уезда, служил псаломщиком в местной церкви. Летом 1918 года в период антибольшевистского восстания в Медянской волости Шистеров командовал отрядом восставших. После поражения восстания уехал в Челябинск, где поступил в 41-й Уральский полк Белой армии на должность командира взвода. Участвовал в боях против Красной армии. В июле 1919 года попал в плен, находился на излечении в Екатеринбургском госпитале. В декабре 1919 года арестован Пермской ГубЧК, как участник Медянского восстания. 21 февраля 1920 года приговорён к трём годам заключения в концлагерь. 16 апреля 1921 года дело по обвинению Шистерова вновь было принято к производству ГубЧК. Военным отделением Пермского губернского ревтрибунала 21 июля 1922 года Шистерова приговорили к пяти годам лишения свободы. 2 марта 1923 года он был досрочно освобождён. В том же году рукоположен в сан священника. Разделял взгляды обновленческого движения. В 1934 году после образования обновленческой общины в селе Филькино направлен на службу в Симеоновскую церковь. Возведён в сан протоиерея (ГАОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.26780, л.248). Арестован 20 октября 1937 года. Обвинялся в

том, что являлся участником Надеждинской контрреволюционной повстанческой организации.

Денисов Николай Яковлевич, родился 3 декабря 1903 года в городе Верхотурье в семье крестьянина-середняка. Окончил городское училище. После революции – пономарь в одной из церквей города Верхотурья, с 1927 года – священник. В 1929 году в административном порядке шесть месяцев отбывал принудительные работы на лесозаготовках. С 1930 года проживал в Надеждинске, служил священником в Симеоновской церкви села Филькино. Арестован 20 октября 1937 года. Обвинялся в том, что являлся активным участником контрреволюционной организации в Надеждинском районе, поддерживал связи с руководителями ячеек, группировал вокруг себя контрреволюционный элемент, главным образом из числа трудпоселенцев, среди которых проводил контрреволюционную пропаганду, привлекая их на свою сторону. В целях контрреволюционной пропаганды использовал церковный приход, где под видом проповеди вёл антисоветскую агитацию, направленную на дискредитацию руководства компартии и Советского правительства, говорил, что коммунисты тиранят народ, сажают в тюрьмы, ссылают безвинных людей, которые страдают здесь в ссылке (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.26780, л.179).

Крылов Порфирий Афанасьевич, родился 10 февраля 1869 года в селе Каменское Гаринской волости Туринского уезда в семье священника. Окончил духовное училище. В 1925-1926 г.г. находился под следствием как белобандит, но дело за отсутствием доказательств прекратили. С 1933 года проживал в посёлке Турьинские рудники по адресу: ул.Обаймова, дом 29, служил в Максимовской церкви до её закрытия в 1936 году. Арестован 20 октября 1937 года за причастность к контрреволюционной организации. Обвинялся в том, что под видом религиозных обрядов у себя на квартире проводил нелегальные сборища. Кроме того, следствие обратило пристальное внимание на его деятельность в годы Гражданской войны, приписывая ему сотрудничество с белыми. Приведём протокол допроса:

ВОПРОС. Расскажите подробнее, в чём выражалось Ваше участие при белых в 1918 году?

ОТВЕТ. В период революции я служил священником в деревне Шабурово и никакого участия у белых не принимал.

ВОПРОС. Неправда. Следствию известно, что Вы поддерживали связи с белогвардейцами. В контрразведку последних доносили о

скрывающихся коммунистах. Предлагаю по этому вопросу рассказать правду.

ОТВЕТ. В Гаринском районе в 1918 году скрывался в деревне Кузино красный комиссар из посёлка Сосьва, фамилию его не помню. Указанный комиссар был выдан в контрразведку белых, арестован и отправлен в Туринскую тюрьму. Какая его была последняя судьба — я не знаю. В выдаче комиссара белым меня уже обвиняли в 1925-1926 г.г., в связи с чем я был арестован, но за отсутствием доказательств моей вины был освобождён. Утверждаю и сейчас, что я к этому делу не причастен и никаких связей с белыми не имел.

ВОПРОС. Вы отрицаете своё причастие к этому делу, откуда же Вам в таком случае известны такие подробности о комиссаре?

ОТВЕТ. Об этом я слышал в том же 1918 году от населения деревни Кузино, которая принадлежала к моему приходу. Кто персонально мне говорил об этом, я сейчас не помню.

ВОПРОС. Вы скрываете свои связи с белобандитами. Следствие располагает данными о том, что Вы поддерживали связи с активным белобандитом Овешковым Константином, который посещал Вашу квартиру.

ОТВЕТ. Овешкова К.Е. я действительно знаю хорошо. Встречаемся с ним часто, но был ли он у меня в квартире в 1918-1919 г.г., я сейчас не помню. Был ли Овешков связан с контрразведкой белых, я не знаю.

ВОПРОС. Откуда Вам стало известно о том, что красный комиссар после ареста белыми был направлен в Туринскую тюрьму?

ОТВЕТ. Об этом я также слышал от населения, но от кого персонально — сейчас не помню.

ВОПРОС. Вы обвиняетесь как участник контрреволюционной организации, существовавшей в Надеждинском районе под видом организации церковников. Признаёте ли Вы себя в этом виновным?

ОТВЕТ. Нет. В контрреволюционной организации я не состою и виновным себя в этом я не признаю.

ВОПРОС. Неправда. Следствию известно, что Вы, являясь участником контрреволюционной организации, поддерживали связь с руководителем организации Петровым, группировали вокруг себя контрреволюционный элемент. Почему Вы это скрываете?

ОТВЕТ. Я утверждаю, что участником контрреволюционной организации я не являюсь, а если поддерживал связи с Петровым, то они носили исключительно бытовой характер. Контрреволюционного

элемента вокруг себя я тоже не группировал, а имел дело только с церковниками как священник.

ВОПРОС. Следствию известно, что Вы не имели официального прихода, так как церкви в посёлке Турьинские Рудники закрыты, однако проводили церковные службы у себя на дому и по квартирам других.

ОТВЕТ. Церковные службы, как крещение детей, отпевание усопших и прочие, я проводил у себя на дому и по квартирам граждан.

ВОПРОС. Вам известно о том, что эта деятельность Вами проводилась незаконно?

ОТВЕТ. Я, как священник, отправлял религиозные обряды и не мог отказать людям» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.26780, л.90-93).

Пехтеров Нестор Иванович, родился 9 мая 1867 года, уроженец села Хващенко Екатеринославской губернии, из крестьян-середняков, отец имел 100 десятин пахотной земли, две лошади. Окончил два класса церковно-приходской сельской школы. Бывший священник. В 1931 году выслан в город Оренбург, с 1935 года проживал в селе Филькино. К моменту ареста служил сторожем в местной церкви. Арестован 20 октября 1937 года. Обвинялся в том, что состоял активным участником контрреволюционной организации, выявлял настроения в городе Надеждинске, о чём докладывал руководству организации. Во время проводимых нелегальных соборщ и совещаний в Филькинской церкви, дежурил около здания, чтобы не допустить провала (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.26780, л.53об).

Ивашов Александр Прокопьевич, 1863 г.р., уроженец посёлка Турьинских Рудников, бывший церковный певчий. В 1932 году подвергался аресту за сокрытие золота. Проживал в посёлке Турьинские Рудники. Арестован 23 октября 1937 года. Обвинялся в том, что среди окружающих его лиц проводил контрреволюционную пропаганду. Говорил, что Советская власть без разбора сажает безвинных людей в тюрьмы. Народ живёт под гнётом коммунистов, но эта власть скоро должна смениться. Распространял при этом провокационные слухи о том, что семья бывшего царя Романова Николая жива, сам он живёт в Италии, а его дочь Татьяна проживает нелегально в СССР (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.26780, л.182).

Словцов Филарет Васильевич, 1886 г.р., уроженец посёлка Турьинских Рудников, бывший священник Казанской церкви Богословского завода. В 1918-1919 г.г. псаломщик Максимовской церкви. Арестован 23 октября 1937 года. Обвинялся в том, что по

установке Бородулина и Шистерова осуществлял связи с бывшими меньшевиками Савиным и другими, ставя своей целью создать контрреволюционную группу. На квартире Савинова устраивал нелегальные сборища. В своём приходе среди прихожан Богословской церкви под видом религиозной проповеди проводил контрреволюционную пропаганду (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.26780, л.180).

Гуляев Пётр Давыдович, 1880 г.р., уроженец посёлка завода Кын Пермской губернии, бывший меньшевик. К моменту ареста проживал в городе Надеждинске. Арестован 21 октября 1937 года. Обвинялся в том, что принимал активное участие в контрреволюционной деятельности. Среди окружающих проводил контрреволюционную пропаганду, говорил о том, что большевики сейчас стали врагами рабочего класса. Раньше, при царском строе, жизнь была лучше, чем теперь. Долго эта власть и партия не просуществуют. С новыми выборами коммунистам будет не мило.

Попов Олимпий Поликарпович, 1874 г.р., уроженец села Барышниково Вятской губернии, бывший священник Казанской церкви в Богословском заводе. Арестован 20 октября 1937 года. Обвинялся в том, что в Богословске группировал вокруг себя контрреволюционный элемент, используя церковный приход в церкви под видом религиозной проповеди проводил контрреволюционную пропаганду. Говорил о том, что в партии идёт раскол, Советской власти скоро не будет. Призывал верующих не поддаваться влиянию большевиков и их яду – учению о социализме. Проводил подготовку к выборам в Советы, предлагая избирать своих людей и не голосовать за безбожников-коммунистов.

Юшков Иван Фёдорович, 1880 г.р., уроженец села Юсьва Пермской губернии, из крестьян. Окончил церковно-приходское учительское училище. В 1902-1906 г.г. служил в царской армии унтер-офицером. До 1910 года учительствовал. В 1914- 1916 г.г. участвовал в I мировой войне, имел звание поручика. С 1916 года псаломщик, в 1919 году рукоположен в сан священника и направлен в часовню села Морозково Верх-Сосьвинской волости. В 1926 году судился за оскорбление председателя сельского Совета, приговорён к двум месяцам принудительных работ. Арестован 20 октября 1937 года. Обвинялся в том, что ставил своей целью создать контрреволюционную эсеровскую группу, с этой целью восстановил связь с бывшим эсером Постниковым, враждебно настроенным

против Советской власти, по версии следствия входил в состав контрреволюционной организации церковников. Приведём протокол допроса:

«ВОПРОС. Вы изобличаетесь как участник контрреволюционной организации, существующей под видом церковников. Признаёте ли Вы себя виновным в этом?

ОТВЕТ. О существовании контрреволюционной организации мне ничего не известно. Её участником я не был и виновным я в этом себя признать не могу.

ВОПРОС. Следствию известно, что Вы являетесь участником контрреволюционной организации. Скажите – кем и откуда Вы были высланы для работы священником в Надеждинский район? Дайте правдивые показания.

ОТВЕТ. Участником контрреволюционной организации я не являюсь. Для работы в Морозковскую церковь Надеждинского района я был направлен из Свердловска по решению епархии.

ВОПРОС. Следствию известно, что Вы имели связь с участниками контрреволюционной повстанческой организации благочинным Бородулиным Леонидом из Свердловской епархии и Трубиным Михаилом, арестованными ныне органами НКВД. Бородулину Вы направляли деньги для ведения контрреволюционной работы.

ОТВЕТ. Связь с Бородулиным и Трубиным я имел исключительно по делам службы. Никаких заданий о ведении контрреволюционной деятельности я от них не получал.

ВОПРОС. Следствие ещё раз Вам предлагает дать правдивые показания вашего участия в контрреволюционной организации.

ОТВЕТ. О существовании контрреволюционной организации я ничего не знаю и никакого участия в ней не принимал» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.26780, л.77-79).

Ратьковская Зинаида Павловна, 1890 г.р., уроженка города Пскова, из семьи священника, домохозяйка. Окончила гимназию в городе Великие Луки. Проживала в Надеждинске по адресу: Старый посёлок, 7 линия, дом 6. Её муж, Ратьковский Михаил с 1924 года служил священником в Спасо-Преображенском соборе. В 1930 году он был арестован и осуждён к пяти годам лишения свободы, в 1935 году, отбывая срок заключения, умер в лагере. Арестована 23 октября 1937 года. Обвинялась в том, что являлась активной участницей Надеждинской ячейки контрреволюционной организации церковников. Среди окружающих проводила антисоветскую агитацию

и пропаганду, направленную на дискредитацию партии и Советского правительства. Осуществляла связь с руководителем областного центра Савельевым и Коровиным, бывшим настоятелем Спасо-Преображенского собора, служившим в Невьянской Воскресенской церкви.

Тарасова Ксения Ивановна, 1893 г.р., уроженка станицы Песчанковская Области войска Донского, из крестьян-кулаков. В 1931 году семья раскулачена и выслана на Урал. Проживала в Надеждинске, домохозяйка. Арестована 23 октября 1937 года. Обвинялась в распространении слухов о голоде в СССР.

Потапова Клавдия Павловна, 1899 г.р., уроженка Турьинских Рудников, дочь торговца. Домохозяйка, член церковного совета Максимовской церкви. Арестована 21 октября 1937 года. Обвинялась в том, что среди своих знакомых говорила следующее: «Опять Сталин выдумал мясоналог, обдирают людей. Свернуть бы ему голову».

Каравеева Мария Михайловна, 1894 г.р., уроженка Турьинских Рудников. Член церковного совета, домохозяйка. Арестована 23 октября 1937 года за принадлежность к контрреволюционной организации.

Шабалина Апполинария Матвеевна, уроженка города Семипалатинска. Проживала в деревне Медянкино. Арестована 21 октября 1937 года. Входила в состав Надеждинской ячейки контрреволюционной организации церковников.

Графова Мария Ефимовна, 1872 г.р., уроженка Турьинских Рудников, из семьи торговца. Член церковного совета Максимовской церкви. В 1936 году судилась за выступление против закрытия церкви, за что оштрафована на 500 рублей. Арестована 21 октября 1937 года за принадлежность к контрреволюционной организации церковников (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.26670, л.185).

Мясников Илья Алексеевич, 1886 г.р., уроженец посёлка Турьинские Рудники, бывший церковный регент. Арестован 22 октября 1937 года. Обвинялся в проведении антисоветской агитации, говорил, что у власти сидят безбожники, служители антихриста.

Доронин Николай Поликарпович, 1880 г.р., уроженец Турьинских Рудников, из рабочих, бывший церковный певчий. Арестован 21 октября 1937 года за принадлежность к организации церковников.

Бакулин Евдоким Никифорович, 1886 г.р., уроженец станицы Романовская Области войска Донского. В 1931 году раскулачен и выслан в Турьинские Рудники. Конюх Турьинского совхоза.

Арестован 5 марта 1937 года за проведение антисоветской агитации. Говорил, что коммунисты это тираны, разорили всех крестьян, отбирают у них за бесценок хлеб, а рабочим его продают по дорогим ценам.

Пупков Иван Петрович, 1861 г.р., уроженец посёлка Турьинские Рудники. Бывший член церковного совета Максимовской церкви. Арестован 21 октября 1937 года за причастность к контрреволюционной организации церковников.

Семендяев Василий Иванович, родился 22 марта 1897 года в станице Песчанковская Области войска Донского в семье зажиточного крестьянина. В 1931 году семья раскулачена и выслана в Надеждинск. Проживал в посёлке Первого разъезда, дом 2, квартира 17. Арестован 7 июня 1937 года. Обвинялся в том, что под видом нелегальной религиозной секты создал контрреволюционную ячейку в Надеждинске, завербовал ряд трудпоселенцев, среди которых проводил контрреволюционную монархическую пропаганду. Давал установку участникам своей ячейки проводить агитацию, направленную на дискредитацию руководителей партии и правительства, срывы проводимых политических кампаний с целью подготовить население к перевыборам в Советы с таким расчётом, чтобы противопоставить кандидатурам, намеченным партийно-советскими организациями, своих кандидатов, защищающих интересы церковников. В материалах следствия в отношении Семендяева говорилось: «Характеризуя политическое положение страны, говорил, что политика, проводимая Лениным, а теперь Сталиным, направлена на угнетение и уничтожение людей и что свобода и построение социализма – это есть один обман. В действительности же, от этих мероприятий крестьянское население, загнанное насильно в колхозы, сейчас обездолено, стонет и проклинает Советскую власть, которая загубила много людей, разбросав их по разным концам страны, превратила в своих рабов» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.22830, л.74). 17 октября 1937 года Тройкой УНКВД по Свердловской области Семендяев Василий Иванович приговорён к заключению в ИТЛ сроком на 10 лет.

Верина Мария Николаевна, 1891 г.р., уроженка Катав-Ивановского завода Уфимской губернии. Проживала в Надеждинске. Бывший член церковного совета. Арестована 23 октября 1937 года. Обвинялась в том, что поддерживала связь с участником областной контрреволюционной организации Коровиным, выезжала несколько

раз к нему в город Невьянск с поручениями от руководителя Надеждинской ячейки Семендяева. В доме у себя содержала явочную квартиру для участников контрреволюционной организации. Находясь в заключении Мария Николаевна 17 апреля 1940 года подала кассационную жалобу на имя Народного Комиссара внутренних дел Берия, в которой писала: «Я арестована органами НКВД 23 октября 1937 года в городе Надеждинске Свердловской области, где я проживала с мужем в течении 33-х лет имея свой дом. Муж в течении всех этих 33-х лет работал в заводе сварщиком рельсопрокатного цеха, а всего он имел рабочий стаж 55 лет, так как работать в заводах начал с 11 лет. Во время допроса, на который я вызывалась только однажды, следователем мне были заданы вопросы: 1) верую ли я в Бога и молюсь ли, 2) была ли на молебствии в Руднике, когда приезжал туда архиерей, 3) заходил ли ко мне ко мне в квартиру священник Коровин в 1935 году, 4) была ли я занесена в список лиц, ходатайствующих перед горсоветом о предоставлении помещение для совершения религиозных обрядов. На все эти вопросы были даны разъяснения и я при том нисколько не искажая действительность и не скрывая ответила, что в Бога я верю и молюсь. Когда в городе Надеждинске была церковь, то посещала и церковь, хотя не часто. В 1931 году церковь была разрушена (взорвана) и, естественно, что с тех пор в церкви не бывала. Что касается молебствия в Руднике – в 30-ти км от Надеждинска, куда приезжал архиерей, то там я не была, а священник Коровин, проезжая туда из завода Невьянска, заходил в наш дом для того, чтобы оставить чемодан. Священник этот раньше в течении 18 лет служил в городе Надеждинске и знал нашу квартиру. Вероятно, если бы наш дом не был около самого вокзала, то он к нам бы и не зашёл. В этот момент я лежала больной и даже не встала с постели, а Коровин, поставив чемодан, уехал в Рудник. Кроме этого, я следователю объяснила, что ещё был один случай, когда священник Коровин также заходил в нашу квартиру оставить вещи, приезжая в Надеждинск за покупками и опять же видимо потому, что мы жили около самого вокзала. Выгнать его или просто сказать, чтоб он не заходил, я и мой муж считали неудобным, да и не предвидели, что это может рассматриваться как какое-то тяжкое преступление. В отношении списка верующих, ходатайствующих о предоставлении помещения для молебна – дело обстояло таким образом: вскоре после утверждения Конституции верующие решили просить горсовет о разрешении молитвенного дома, для чего необходимо было создать

общину верующих из какого-то числа лиц. С этой целью пришла ко мне женщина и просила меня записаться в список. Всего в списке было, насколько я помню, 32 человека. Горсоветом было разрешено в одном доме совершать христианские обряды, как-то: крестить детей, отпевать и т.п. Эти записавшиеся в список, безусловно с разрешения местных властей когда-то собирали собрание, избирали на нём церковный совет, но я на том собрании не была, а также не бывала ни одного раза и в том молитвенном доме. Там был какой-то священник, которого я тоже не знала, не видела и не знаю до сих пор. Поскольку ходатайство о молитвенном доме было возбуждено пред горсоветом, причём меня убедили, что по Конституции это не возбраняется, я не имея абсолютно никакого злого умысла по отношению к Советской власти и опять же не видя в данном случае ничего преступного, записалась в список верующих. На этом следствие было закончено, никакого конкретного обвинения следователь мне не предъявил, а лишь сказал, что все верующие – контрреволюционеры. Протокол допроса мною был подписан не зная, что и как там изложено, так как следователь его мне не прочёл и мне в этом оказал в очень грубой форме. В результате, по прибытии на место отбытия наказания в город Тайшет мне объявили, что я по статье «контрреволюция» лишена свободы сроком на 10 лет по постановлению Тройки. Находясь в заключении два с половиной года, я совершенно не знаю, за что я так жестоко наказана, так как ничего контрреволюционного я никогда не совершала и не только не совершала, а ничего подобного у меня не было и в мысли. Проживая с мужем, заработок которого в заводе вполне нас обеспечивал, я никогда не имела недовольства по отношению к Советской власти, а за то, что я верую в Бога и молюсь, такое суровое наказание нахожу, что ко мне применено несправедливо. До сих пор с ходатайством я никуда не обращалась, но узнав о Вашем чутком отношении к людям, надеясь на Вашу гуманность, я осмеливаюсь обратиться к Вам с просьбой о пересмотре моего дела и об освобождении меня от незаслуженного наказания» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.26670, л.241). После письма дело в отношении Вериной Марии Николаевны было пересмотрено Областной прокуратурой, однако решение Тройки от 10 ноября 1937 года оставлено в силе.

Дело о Надеждинской контрреволюционной организации церковников получило продолжение в конце 1940-х годов. В июне 1947 года в Серов, отбыв срок заключения, вернулся Василий

Иванович Семендяев. Но уже 28 марта 1948 года он вновь был арестован. Дело вёл начальник Серовского горотдела МГБ подполковник Чупин. На этот раз обвинительное заключение гласило: «По возвращении из мест заключения к постоянному месту жительства в город Серов, Семендяев объявил себя последователем святого апостола Павла и возглавил руководство нелегальными сектантскими группами религиозного течения «Истинно-православных христиан», действовавших в разных городах СССР. Как идеолог и руководитель этого течения проводил нелегальные сборища и индивидуальные беседы с сектантами, на которых дискредитировал руководителей ВКП(б) и Советского правительства, клеветал на советскую действительность, побуждая участников сектантских групп противодействовать мероприятиям, проводимым Советским правительством, а также распространял разные пораженческие настроения» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.48824, т.4, л.145-146).

Судебной Коллегией по уголовным делам Свердловской области 14 июля 1948 года Семендяев В.И. был приговорён к 25 годам заключения в ИТЛ с поражением в правах на 5 лет. 20 августа 1948 года определением Судебной Коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР срок уголовного наказания снизили до 10 лет лишения свободы без поражения в правах и без конфискации имущества, за отсутствием такового.

В августе 1958 года по делу Надеждинской контрреволюционной повстанческой организации церковников была проведена дополнительная проверка, выявившая отсутствие какой-либо подобной организации в 1937 году в Надеждинске и районе. Все лица, осуждённые по настоящему делу, были арестованы и осуждены незаконно, в связи с чем их реабилитировали. О том, что дело было сфальсифицировано, свидетельствуют показания бывшего следователя ГО НКВД Кулакова Филиппа Фёдоровича от 29 августа 1956 года: «В 1937 году начальник Надеждинского горотдела НКВД всему оперативному составу объявил, что по указанию центра будет проводиться массовая кулацкая операция в целях ликвидации возможной контрреволюционной базы и разъяснил, что эта операция будет проводиться с применением упрощённого способа следствия, то есть без оформления постановлений на арест, о возбуждении следствия без предъявления обвинений, без допросов свидетелей и пр., а лишь будут оформляться дела с приобщением в них ордеров на арест, протоколов обыска, анкет и протоколов допроса арестованных

и справок с компрометирующими данными, хотя бы они были и малозначительными и что эти дела будут рассматриваться Тройкой управления УНКВД Свердловской области. Каждому оперативному работнику были даны указания – учесть всех бывших кулаков, торговцев, подобрать на них материалы и приступить к арестам, что и делалось всем оперативным составом. В этом числе были арестованы Петров, Семендяев и другие, привлечённые по выше указанному делу. На Семендяева и других были оперативные материалы, как на религиозную группу сектантов, состоящую из числа высланных кулаков, говорящих о том, что они устраивали нелегальные сборища, наряду с религиозной пропагандой распространяли различные антисоветские клеветнические измышления. Но когда начальник горотдела НКВД Котков познакомился со всеми этими материалами, лиц проходящих по ним, предложил арестовать, что и было сделано. В расследовании дела кроме меня участвовали Котков, начальник 4 отделения ГО НКВД Смирнов и оперативные работники Козлов, Юдин, Гаврилов. Технически оформлял это дело я при содействии и контроле Смирнова, которому я был подчинён непосредственно по службе. При допросе арестованных за основу по изобличению их в преступной деятельности я брал оперативные материалы, на основании которых и добивался от них признания. Если арестованные признавали свою принадлежность к религиозной группе сектантов, то в этих случаях мною допускались формулировки в показаниях о принадлежности их к контрреволюционной организации. В аналогичном направлении формулировалась и вся их деятельность. Например, принадлежность их к религиозной группе сектантов заменялась формулировкой принадлежности к контрреволюционной организации. Нелегальные религиозные сборища заменялись формулировкой контрреволюционные сборища. Члены религиозной группы именовались членами контрреволюционной организации и т.д. В таком же направлении допускались мною формулировки в вопросах и ответах, хотя все ответы их были отрицательные, так как они нив чѐм не признавались. В применении таких формулировок настаивал начальник горотдела Котков, заявляя, что раз мы ведѐм борьбу с контрреволюцией, то при следствии и называть это надо собственными именами. Свидетелей по этому делу почти не допрашивалось по выше указанным мотивам» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.22830, л.279-283).

Следователь Кулаков Филипп Фёдорович, 1903 г.р., уроженец посёлка Висим Пермской губернии в отличие от многих своих сослуживцев по горотделу НКВД, понёсших заслуженное наказание за массовые нарушения социалистической законности при проведении следственных мероприятий, репрессирован не был. Уволенный из органов, в 1950-е годы он работал директором серовской гостиницы.

Глава 15. Настоятели Спасо-Преображенского собора.

Спасо-Преображенский собор считался шедевром каменного зодчества начала 20 века на Урале, он стал главным украшением заводского посёлка. Храм был заложен 16 сентября 1905 года епископом Екатеринбургским и Ирбитским Владимиром. Первоначальный проект архитектора Маковского предполагал постройку здания в строго выдержанном византийском стиле, однако вследствие дороговизны проекта в него пришлось вносить серьезные изменения. В результате Спасо-Преображенский собор построили в смешанном русско-византийском стиле. Автор второго исправленного проекта – пермский архитектор А.Б. Турчевич. Храм имел форму вытянутого с востока на запад прямоугольника длиной 53 метра, шириной 25 метров. Средняя высота храма составляла 15 метров. Стены были выложены из красного кирпича на бетонном фундаменте. Помещение освещалось окнами в два ряда, всего в здании насчитывалось 103 окна. Железную крышу венчали позолоченные купола: вокруг большого центрального купола на высоте 37 метров располагались четыре малых. Колокольня высотой 46 метров состояла из трех ярусов, поставленных друг на друга. Последний ярус заканчивался шпилем. На колокольне имелось шесть колоколов: большой благовестный весил 101 пуд 13 фунтов. Спасо-Преображенский собор был трехпрестольный. Главный престол освятили в честь Преображения Господня, правый – во имя святителя Николая, архиепископа Мирликийского, левый – во имя святого праведного Симеона Верхотурского. Внутри церкви стены были оштукатурены и выбелены. Согласно инвентарной описи недвижимого и движимого имущества Спасо-Преображенского собора за 1929 год, средний иконостас состоял из трёх ярусов, покрыт клеевой краской, с золочеными царскими вратами, включал в себя 27 икон. Малые иконостасы – деревянные, кустарной работы, окрашенные белой краской, насчитывали по 13 икон. В иконостасах

имелись образа работы художников Ново-Тихвинского монастыря. Возведение храма завершилось в сентябре 1917 года. Церковь строили на средства супругов Александра Александровича и Надежды Михайловны Половцовых, владельцев Богословского горного округа, и пожертвования прихожан. Постановлением Президиума Уральского облисполкома от 17 января 1930 года Спасо-Преображенский собор закрыли, в июне с него сняли кресты и колокола. В ночь с 12 на 13 июля 1931 года церковь взорвали. В результате, Надеждинск безвозвратно утратил грандиозный памятник истории и культуры, подобных которому на Урале практически не встречалось.

Первым настоятелем храма стал священник Африкан Афанасьевич Богомолов. Он родился в 1878 году в Невьянском заводе. В 1900 году окончил Пермскую духовную семинарию, в 1903 году рукоположен в сан священника и определён к Всехсвятской церкви Надеждинского завода в связи с отъездом приходского священника Александра Рязановского. Надеждинский православный приход Всехсвятской церкви входил в состав пятого благочиннического округа Верхотурского уезда Екатеринбургской епархии, который включал в себя территорию Богословского горного округа.

Отец Африкан слыл человеком во многом одарённым и талантливым. Он обладал широким кругозором, знал несколько иностранных языков, при необходимости мог оказать врачебную помощь. В период своей службы в посёлке (1903-1919) он вёл церковную летопись. Характеризуя природные условия, в которых проживали надеждинцы в начале 20 века, Богомолов писал: «Климат суровый, зимы продолжительные, лета короткие. Снег выпадает иногда в половине сентября, а в начале октября начинается настоящая зима, снег держится до конца марта. Не раз бывали случаи, когда он выпадал и в середине мая. Почва болотистая, дерновая, подзолистая, суглинок и супесок» (АОАСГО. Ф.Р-253, оп.1, д.9, л.8.). Также «Летопись» содержала интересные сведения об истории посёлка и завода, которыми до сих пор пользуются местные историки и краеведы. Отца Африкана по праву можно назвать основоположником исторического краеведения в Надеждинске-Серове.

В его работе можно встретить много интересных фактов, повествующих о быте и жизни прихожан. Большинство населения посёлка, как пишет Богомолов, были людьми верующими. До открытия собственного храма все религиозные требы совершались священниками, приезжавшими из Богословска (Карпинск) и

Турьинских рудников (Краснотурьинск). По крупным церковным праздникам в Надеждинский завод подавался специальный поезд для желающих ехать на службу во Введенский собор в Богословск. В 1898 году в посёлке освятили Всехсвятскую церковь, первым настоятелем которой стал отец Александр Рязановский. «Вплоть до 1905 года, - читаем в летописи отца Африкана, - население Надеждинского завода было религиозно настроенное, великодушное, сердечно отзывчивое. В воскресенья и праздничные дни церковь чрезмерно наполнялась народом. Прихожане, не вместившиеся в храм, стояли всю службу на улице под дождём или снегом, пронизываемые холодным ветром» (АОАСГО. Ф.Р-253, оп.1, д.9, л.15). Постепенно религиозная настроенность населения стала падать. Главная причина, по мнению Африкана, фабрично-заводская жизнь, при которой материальные расчёты брали верх над духовными, поскольку в силу условий своей работы рабочий с утра до вечера трудился в дыму, копоти, пыли, в страшной жаре, с огромным напряжением всех физических сил. Поэтому рабочие, в большинстве своём, думали о земном, а не о небесном. Духовная жизнь постепенно атрофировалась и замирала.

В период первой русской революции 1905 года участились конфликты между рабочими и администрацией завода. В сложившейся ситуации отец Африкан в своих проповедях призывал возмутителей спокойствия к законопослушанию, возлагая всю ответственность за происходившее на рабочих. Такое положение вещей значительно обострило отношение пролетариата к служителям культа в посёлке. Появились кошунственные выходки, как-то: не снятие шапок перед религиозными процессиями, курение в храме, грубость и угрозы в адрес священников. Однажды во время венчания в церкви двое пьяных юношей учинили драку, из-за чего пришлось остановить службу. Африкан Богомолов, проводивший обряд, распорядился отправить их в полицию. На следующую ночь в его доме хулиганы выбили стёкла в окнах. Это был уже не первый подобный случай. После чтения перед прихожанами послания Святейшего Синода настоятелю Всехсвятской церкви вновь пришлось вставлять стёкла. В одну из ночей кто-то вымазал ворота священника дёгтем, что было неслыханным оскорблением духовной особы. В таких условиях Африкан Афанасьевич счёл невозможным продолжение дальнейшей службы. В середине 1907 года он покинул посёлок и продолжил службу священником Вознесенской церкви Каслинского завода Екатеринбургского уезда.

7 июня 1908 года во Всехсвятской церкви случился пожар, полностью уничтоживший храм. Ещё 16 сентября 1905 года в посёлке, по инициативе Богомолова, был заложен Спасо-Преображенский собор, ставший архитектурным шедевром каменного зодчества Пермской губернии. После губительного пожара он стал возводиться более быстрыми темпами. Уже 30 ноября 1908 года церковь освятили и в ней начались богослужения. В апреле 1909 года отец Африкан вернулся в посёлок в должности настоятеля Спасо-Преображенского собора, одновременно исполняя обязанности помощника благочинного 5-го округа Верхотурского уезда, с 1910 года – духовный следователь. Первоначально в состав духовного причта храма входили два священника, диакон и два псаломщика. Вскоре, как показала практика, такое количество священников было недостаточно. Бесконечная вереница хозяйственных дел отвлекала Африкана от церковных служб. Ему приходилось довольно часто ездить в епархию, отсутствуя дома по несколько дней. Оставшийся на службе священник не всегда справлялся с отпавлением возросших духовных треб. Поэтому в 1912 году по настоянию Африкана Богомолова епархия открывает третью вакансию священника, её занимает выпускник Пермской духовной семинарии Леонид Коровин.

Огромное внимание Богомолов уделял подрастающему поколению, прививая детям идеалы нравственности, гуманизма и милосердия. Батюшка всегда был желанным гостем в школах посёлка Надеждинского завода. Его уроки насыщали внутренний мир ребёнка новым смыслом мироздания. Священник, в силу своих возможностей, пытался оградить детские души, избавить их от пороков взрослой жизни посёлка. Анализируя масштабы и причины пьянства, Богомолов резюмировал: «Трудность работы, хороший заработок, отсутствие культурных развлечений, заразительность худых примеров – всё это способствовало развитию народного пьянства и разгула. Не менее важную роль сыграло в этом и то обстоятельство, что здесь всегда и во всякое время дня и ночи можно достать водки в тайных притонах, в которых в обмен на водку принимаются не только денежные знаки, но и другие, имеющие ценность предметы, вплоть до снятого тут же платья» (АОАСГО. Ф.Р-253, оп.1, д.9, л.18). Невзрачную картину пьянства дополняли невыносимые жилищные условия чернорабочих, способствовавшие падению морали и нравственности.

С 1903 по 1919 год Африкан Богомолов руководил деятельностью православных приходов Всехсвятской и Спасо-Преображенской церквей посёлка Надеждинского завода. Годы революции и Гражданской войны стали временем тяжёлых испытаний для многих клириков Русской Православной Церкви. Захват власти большевиками отец Африкан всячески осуждал в своих проповедях, считая новую власть незаконной. По распоряжению комиссара юстиции Верхотурского уезда Н.Сушкова в мае 1918 года за свою деятельность он был впервые арестован Екатеринбургской ЧК. В ходе следствия Богомолова содержали под стражей в городе Верхотурье. В его защиту выступил епископ Екатеринбургский Григорий. Владыка направил в уездный исполком письмо с просьбой освободить священника или передать его в Николаеский мужской монастырь (НТГИА. Ф.9, оп.1, д.14, л.89-92). Следствие по делу Настоятеля Спасо-Преображенского собора затянулось на несколько месяцев. Из под стражи Африкана Афанасьевича освободили 13 октября, когда в город вступили части Белой армии. В июле 1919 года отец Африкан эвакуировался на восток с Белой армией. Его имущество в декабре 1919 года, в основном это были книги в количестве шести ящиков, по распоряжению Ревкома было передано в библиотеку заведующему культурно-просветительским отделом. В списке числились: энциклопедические словари – 3 штуки, сборники журналов на русском языке – 33, на иностранном – 8, народная энциклопедия – 9, разные учебники – 16, энциклопедия Боньшо – 33, универсальная литература – 8, духовные книги – 19, разные журналы – 37, сборники нот – 27 (АОАСГО. Ф.Р-183, оп.1, д.1, л.22).

В 1920 году отец Африкан вернулся из Сибири на Урал и служил в одной из церквей города Екатеринбурга. В мае 1922 года в Русской Православной Церкви произошёл раскол. Группа московского духовенства во главе с епископом Антонионом (Грановским), отстранив от власти патриарха Тихона, образовала Высшее Церковное Управление (ВЦУ). Сторонники церковных перемен ратовали за осуществление ряда реформ, которые по их мнению, должны были приблизить церковь к задачам и потребностям современной жизни при советском строе. С этого времени сторонников церковных перемен стали называть обновленцами. Отец Африкан всецело переходит на сторону обновленцев считая, что в новых исторических условиях священники должны поддерживать Советскую власть, иначе церковь может погибнуть. В связи с арестом архиепископа

Екатеринбургского Григория епархией управлял епископский совет, куда входил и священник Африкан Богомолов. Вместе со священником Голубятниковым он создал инициативную группу в поддержку реформ ВЦУ, после чего был вызван в Москву, откуда вернулся в ранге уполномоченного ВЦУ. «В Екатеринбургской епархии дело обновления мы начали одними из последних, - сообщал в интервью газете «Уральский рабочий» в сентябре 1922 года Богомолов, - надо только удивляться близорукости архиепископа Григория, пытавшегося противодействовать этому могучему движению...». В ноябре Африкан Богомолов вновь был арестован Екатеринбургской ЧК по обвинению в сотрудничестве с царской охранкой. Советская власть припомнила ему события октября 1905 года в Надеждинске, когда Африкан, по мнению следствия, был одним из организаторов демонстрации в поддержку Манифеста 17 октября и вдохновителем черносотенного погрома в Народном доме, закончившимся арестом революционеров и ликвидацией местного Совета. Выдвинутые обвинения значительно подорвали авторитет Африкана в рядах обновленцев, которые не хотели ссориться с Советской властью. Хотя обвинения не были доказаны и Богомолова вскоре отпустили на свободу, Африкан Афанасьевич вынужден был оставить службу в церкви. С 1923 года на гражданской работе в Томске, с 1931 проживал в Новосибирске, с 1932 – в Ленинск-Кузнецке. В 1936 году переехал в город Омск, где работал счетоводом в аптеке №9. 1 декабря 1941 года вновь арестован. 25 марта 1942 года постановлением Особого Совещания при НКВД СССР приговорён к высшей мере. Расстрелян 22 апреля 1942 года в городе Омске. Реабилитирован в 1989 году.

На долю людей, живших в нашей стране в первой половине прошлого века, выпали тяжелейшие испытания. Это революции, братоубийственная Гражданская война, две мировые войны, а в период недолгой мирной передышки – массовые политические репрессии 1920–1930-х годов. Жертвами их стали самые разные люди, в том числе тысячи верующих, церковнослужителей, монахов. Один из них отец Леонид. При знакомстве с судьбой этого человека удивляет сила его духа, мужество и достоинство, с каким он нёс выпавшие на его долю испытания. Немало пришлось претерпеть в годы Советской власти Леониду Михайловичу Коровину, протоиерею Спасо-Преображенского собора города Надеждинска.

Родился отец Леонид в Верхотурье 2 апреля 1889 года в семье священника Михаила Ивановича Коровина. Вполне естественным для него стал выбор профессии. В 1910 году с отличием окончил Пермскую духовную семинарию и был направлен епархиальным советом Пермской епархии заведующим церковно-приходским начальным училищем Екатеринбургской епархии в село Балакино Верхотурского уезда, где прослужил один год.

В 1911 году Леонид Михайлович рукоположен в сан священника и определен к Александро-Невской церкви Верхне-Туринского завода. Летом 1912 года, согласно прошения Л. Коровина, его перевели на открывшуюся третью священническую вакансию в Спасо-Преображенскую церковь Надеждинского завода. Проживал о. Леонид в 7-й линии Старого посёлка, дом 11. Наряду со своими обязанностями священнослужителя, Леонид Михайлович преподавал Закон Божий в высшем начальном, третьем и четвертом смешанных народных земских училищах и в прогимназии. В марте 1917 года от духовенства его избрали гласным в Надеждинский Комитет общественной безопасности, где отец Леонид занимался самыми различными хозяйственно-бытовыми вопросами мирской жизни прихожан. По инициативе Надеждинского духовенства, в том числе Леонида Коровина, в заводском поселке при больнице открыли детский приют.

В июле 1919 года на восток с Белой армией из Надеждинска эвакуировались благочинный протоиерей Василий Словцов, священники Африкан Богомолов, Владимир Павлинов, диакон Александр Алексеев. Обязанности настоятеля Спасо-Преображенского собора стал исполнять священник Леонид Коровин. Только 20 августа 1920 года, по ходатайству прихожан и распоряжению епископа Екатеринбургского Григория, отца Леонида утвердили в новой должности. Через два месяца с благословения и изволения Патриарха Московского и Всея Руси Тихона Леонид Коровин вступил в должность благочинного пятого духовного округа, центром которого с этого времени стал Надеждинск, поскольку, во-первых, здесь проживал и служил благочинный иерей Леонид Коровин; во-вторых, Спасо-Преображенский собор не уступал в своем величии Введенскому храму Богословского завода, где до эвакуации с белыми располагались апартаменты благочинного протоиерея Василия Петровича Словцова. Леонид Коровин в новой должности осуществлял надзор за состоянием церковных служб, качеством

духовных проповедей, боролся с ересями и расколом, оказывая посильную помощь верующим.

В мае 1922 года при содействии органов ОГПУ в русской православной церкви произошел раскол. Группа московского духовенства во главе с епископом Антонионом (Грановским), отстранив от власти Патриарха Тихона, образовала Высшее Церковное Управление (ВЦУ). Сторонники церковных перемен ратовали за осуществление ряда реформ, которые, по их мнению, должны были приблизить церковь к задачам и потребностям современной жизни. 37 архиереев из 73 присоединились к расколу. С этого времени сторонников церковных перемен стали называть обновленцами, тех, кто сохранил верность Патриарху Тихону – староцерковниками.

В начале октября 1922 года в Екатеринбурге состоялся съезд благочинных епархии. Из общего числа присутствующих (21 человек) 18 священников признали ВЦУ, трое высказались против. Среди них протоиерей Леонид Коровин. Большая часть духовенства и мирян Богословского горного округа сохранила верность патриаршему престолу и в этом немалая заслуга благочинного Л. Коровина, так как многие рядовые священники, особенно сельские, держались первого видимого им авторитета – благочинного, всецело доверяя ему в выборе священноначалия.

ВЦУ признала и Советская власть. Священники из числа староцерковников стали подвергаться со стороны карательных органов необоснованному преследованию. Так, Леонид Коровин арестовывался в 1923 и 1926 годах и содержался под стражей некоторое время. 23 февраля 1925 года епископом Кунгурским Аркадием священник Коровин возведен в сан протоиерея. В 1928 году отец Леонид был впервые осужден по доносу жителя Надеждинска Мелькова и получил свой первый срок. Признаки преступления в действиях Коровина усмотрели в том, что благочинный настоятель Спасо-Преображенского собора 10 октября 1928 года во время заседаний церковного совета вел среди присутствующих членов агитацию за оказание материальной помощи священникам, сидящим в тюрьмах, говоря, что «сейчас везде и всюду идут аресты священнослужителей и нет никакой гарантии в том, что сегодня или завтра не арестуют и нас». Тем самым, по мнению следствия (оно началось уже 18 октября) Коровин, используя религиозные предрассудки масс, старался подорвать авторитет Советской власти,

то есть совершил преступления по ст.58 п.10,11 УК РСФСР. Помимо устного призыва, батюшка будто бы собирал средства для оказания материальной помощи репрессированным священникам (ГААОСО. Ф.1, оп 2, д.24645, л.4).

На самом деле в соборе стояли две кружки для подаяния: одна – в пользу заключенных, другая – в пользу бедных. Из первой церковный староста периодически вынимал деньги и закупал продукты, которые относил заключенным при Надеждинской административной части. Вот этот факт и был буквально «за уши притянут» к «преступлению» Л. Коровина. Несколько месяцев, пока рассматривалось его дело, отец Леонид находился в Тагильском исправтруддome. 18 января 1929 года особое совещание при коллегии ОГПУ приняло решение: «Коровина Л.М. выслать за Урал сроком на три года, а по отбытии срока наказания лишить права проживания в 12 пунктах Уральской области с прикреплением к определенному месту жительства сроком на три года». Отбывал срок о.Леонид в Тюменском округе (ГААОСО. Ф.1, оп.2, д. 24645, л.5).

С середины 1930-х годов Леонид Коровин жил в городе Невьянске, служил протоиереем Вознесенской церкви. 6 августа 1937 года вновь был арестован. Теперь ему предъявили обвинение в том, что он – участник «контрреволюционной фашистско-повстанческой организации церковников» (ГААОСО. Ф.1, оп.2, д.24645, л.7).

Много чего было предъявлено в обвинении отцу Леониду дотошным «следствием». Тогда самые обыкновенные вещи квалифицировались как страшные преступления против человечества, вождей партии и правительства. Заслуживал протоиерей Коровин за все эти прегрешения, по мнению «справедливых» органов правосудия, только смерти. Постановлением Тройки УНКВД по Свердловской области от 25 сентября 1937 года Л. Коровина приговорили к расстрелу. Через четыре дня приговор привели в исполнение (ГААОСО. Ф.1, оп.2, д.24645, л.7).

Один из немногих участников «церковной фашистской организации» протоиерей Коровин категорически не признал своего участия в контрреволюционной деятельности. Держался он во время следствия достойно. Выдержаны и логичны были его ответы на вопросы следователя. Народная мудрость гласит: «На миру и смерть красна», а здесь ожидала смерть бесчестная, с замаранным именем, с клеймом для близких – «родственники врага народа». Все это наверняка понимал отец Леонид и, тем не менее, судя по протоколам

допроса, в его ответах сквозил тон общения мудрого и терпеливого педагога с нерадивым учеником. Отец Леонид по сути своей был священнослужителем, пастырем человеческих душ, сумевшим в тяжелый момент собственной жизни сохранить достоинство. В миру у него осталась семья: жена Анна Даниловна, дочери Вера и Ольга.

За усердную и полезную службу по духовному ведомству Л.М. Коровин был Всемилоостивейше награжден набедренником (1914 год), скуфьей (1918 год), наперстным крестом (1923 год), протоиерейством (1925 год). Реабилитирован в 1989 году.

Глава 16. Городской отдел НКВД.

Городской отдел Народного Комиссариата Внутренних Дел образован в июле 1934 года. В своей структуре он объединил рабоче-крестьянскую милицию, службу государственной безопасности, районную комендатуру спецпосёлков и фельдсвязь. В его состав входили четыре отделения: 1 отделение – уголовный розыск, 2 – адресный (паспортный) стол, 3 и 4 – служба государственной безопасности, которая собственно и занималась политическими репрессиями. Горотдел НКВД находился по адресу: ул.Кирова, 4. В 1930-50-е годы его деятельностью руководили офицеры госбезопасности Добош, Козлов, Котков, Трубачёв, Якубович, Романов, Вахонин, Шумков, Гуринов, Кривошеев, Чупин.

Свою историю органы государственной безопасности ведут с 7 декабря 1917 года, когда была создана Всероссийская Чрезвычайная Комиссия (ВЧК) по борьбе с контрреволюцией и саботажем. В губерниях и уездах учреждались губернские и уездные ЧК. В июле 1919 года после освобождения Надеждинска от белых для организации оперативно-следственных мероприятий по выявлению и розыску бывших военнослужащих Белой армии, а также лиц, причастных к расстрелам советских работников, красноармейцев, мирных граждан, сюда был направлен уполномоченный Екатеринбургской ГубЧК Солодовников. В ноябре 1919 года он отправил рапорт в ГубЧК о социально-экономическом и политическом положении в Надеждинске: «В районе Надеждинского завода Верхотурского уезда во всех организациях заняли высшие ответственные должности лица, находившиеся и при власти белых тоже на хороших должностях, одним словом, приспешники Колчака.

А потому, рабочим и семьям красноармейцев, а также и красноармейцам, прибывшим раненым и больным в отпуск или совсем по чистому уволенным, приходится ходить от учреждения до учреждения по несколько дней и в результате ничего не получается, кроме грубого обращения или просто насмешек над таковыми. Продовольственное положение в Надеждинском заводе и его окрестностях очень плохое. Выдают по 2 фунта муки в 3-4 дня, а кто у власти, то замечается, живут по прошлогоднему, им доступно получить паёк побольше, да ещё и уворовать, что там и замечается. По предположению и смотря на все обстоятельства в Надеждинском районе должна быть белогвардейская подпольная организация, выяснить таковую очень трудно, потому что большая половина населения недовольна Советской властью и всеми порядками. Вызывается это недовольство больше всего из-за продовольствия, а также из-за некоторых советских работников, потому что многие советские работники не на своих местах. Трудно выяснить работу некоторых советских работников – с целью или по своему не знанию они злоупотребляют. Например, заставляют насильно записываться в партию РКП, работать на субботниках. Даже и беспартийных пугают тем, что кто не запишется в РКП или не пойдёт работать на субботник, тот не получит продовольствие. Довожу до Вашего сведения, что если не улучшится положение продовольствия в районе Надеждинского завода, то смотря по настроению масс, может быть в скором будущем восстание. Отдел социального обеспечения Надеждинского района плохо удовлетворяет деньгами семьи красноармейцев и других, ссылаясь на уезд, а поэтому, всё растёт и растёт недовольствие (ГАСО. Ф.Р-7, оп.1, д.7, л.2).

6 февраля 1922 года ВЧК преобразуют в Государственное Политическое Управление (ГПУ), с 1923 года – Объединённое Государственное Политическое Управление (ОГПУ). Вплоть до конца 20-х годов в Надеждинске работал уполномоченный представитель ОГПУ. В 1929 году в служебной записке руководству он сообщал о фактах антисоветских настроений, имевших место в некоторых населённых пунктах Надеждинского района: «В Верхне-Сосьвинском сельсовете в деревнях Поспелковой, Таушанковой, Титово-Семёновой и Магинской в течении нескольких лет действуют против мероприятий Советской власти кулацкие группировки, в состав которых входят бывшие бандиты, участники следственных комиссий и т.д. Группировки особенно имели тесную связь между собой в 1926

году в бытность в деревне Титово-Семёновой попа Удинцева, который являлся организатором группировок. За выездом Улинцева, руководство центральной группировкой осталось за кулаком Рагозиным. Три группировки активно выступали против самообложения и одна группировка в деревне Таушанкова активно выступила против бедноты в момент перевыборной компании. Для обработки подкулачников эта группировка устраивала свои нелегальные собрания. В конце декабря 1928 года в деревне Таушанковой проходило собрание бедноты с середняцким активом. Одновременно с этим собранием кулацкая группировка собралась в доме участника Таушанкова, где присутствовало семь человек. В начале января там же было второе собрание бедняков. 12 января на выборном собрании после предложенного списка кандидатов в Советы от бедняцкого собрания, подкулачники и кулаки выступили против выдвигаемых кандидатур. В деревне Магиной группировка распространяла слух, что уже началась война, довольно коммунисты поцарствовали и т.д., выступала против проведения самообложения, а в момент перевыборной компании после ареста головки активно себя не вела. Участники же группировки в деревне Семёновой своё влияние пытались осуществить через своих сторонников. Так например, на выборном собрании третьего участка родственник руководителя кулацкой группировки, бывшего председателя волостной земской управы Рагозина, выдвигал в Совет его кандидатуру. Кандидатура собранием была провалена» (ЦДООСО. Ф.4, оп.6, д.488, л.71).

В апреле 1930 года в городе создаётся полномочное представительство ОГПУ по Уралу (горрайотделение ПП ОГПУ). Это было связано с начавшейся в стране коллективизацией, в ходе которой появилась большая категория населения, именуемая спецпереселенцами. Надеждинский район вошёл в число территорий, куда в массовом количестве насильственно выселяли раскулаченных крестьян. Городское отделение ОГПУ в период 1930-1934 годов возглавляли Макаров, Антонов и Вайварин, в штате сотрудников значились оперуполномоченные Агафонов, Исаев, Козлов, Иванов, Пулов, Федченко, Ганюшкин, Власов, Дьяченко, Михеев, Губин, Щёголев, Анисимков, Майданов, Филаретов, Бахтиаров, Олсуфьев, Пчела, Кедало, Аксёнов, Дегтярёв, Огнев, Таушанков, Григорьев, Дашков, Рязанцев, Тупиков, Лузянин, Даркин, Менчиков, Попов, Дубовиков, Шоргин.

Весной 1930 года надеждинские чекисты совместно с Тагильским окружным отделом ОГПУ принимали участие в расследовании чрезвычайной ситуации, сложившейся в Турьинских рудниках, где спецпереселенцы разогнали органы Советской власти и в течении нескольких дней контролировали ситуацию в посёлке. Виновным в организации беспорядков признали спецпереселенца из Крыма Мейстера Вильгельма Самойловича. Он родился в 1884 году в посёлке Ак-Шейх Перекопского уезда Таврической губернии в семье немецкого колониста. Его отец был один из основателей посёлка Ак-Шейх, вёл большое хозяйство, занимался хлебопашеством, имел 650 десятин земли, 25 лошадей, 8 коров, молотилку. Вильгельм Самойлович вместе с семьёй был раскулачен и выслан из Крыма 5 апреля 1930 года. Вместе с Мейстером в Надеждинский район прибыло 1846 человек. В обвинительном заключении, составленном на Мейстера, говорилось: «Мейстер, будучи чуждым Советской власти, в прошлом лишённый избирательных прав в 1926 году, административно выслан из Крыма за антисоветскую деятельность. По прибытию к месту ссылки в Турьинские Рудники повёл антисоветскую агитацию, направленную против Советской власти. С группой других лиц среди ссыльных препятствовал к отправке их на работу, вследствие чего ссыльные отказались подчиняться власти. 14 апреля 1930 года ссыльные провели массовую демонстрацию, вылившуюся в форму открытого мятежа. Ею руководил Мейстер В.С. Ссыльные численностью свыше 700 человек разогнали милицию, освободили арестованных и выгнали из эшелона людей, отравляющихся на работы по заготовке древесины, после чего в течении трёх дней продолжали контролировать ситуацию. Все расселённые в Турьинских Рудниках кулаки в количестве 950 человек отказались пойти на лесозаготовки, предъявив местным советским органам требования снабдить их хлебом и отправить обратно домой» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.43891, л.76). 25 апреля 1930 года Тройкой ОГПУ Мейстер по ст.58 п.10,11 и ст.59 п.2 УК РСФСР приговорён к расстрелу. Вместе с Мейстером к высшей мере наказания приговорили 15 человек, наиболее активных участников выступления в Турьинских Рудниках.

Наиболее громкие политические дела, сфальсифицированные надеждинскими чекистами в 30-е годы, такие как «Польская организация войскова», организация «правых», «Уральский повстанческий центр» и «Организация церковников», стали частью

«большого террора», развёрнутого по всей стране. Трудности периода коллективизации и индустриализации заставили Сталина обратиться к испытанному ранее средству – «красному террору» против «классовых врагов». В СССР официальным стал тезис о том, что враги народа проникли всюду – во все партийные, советские, хозяйственные органы и Красную Армию. В одном из выступлений конца 1934 года Председатель ЦИК СССР М.И.Калинин говорил: «Вот, товарищи, зарубите себе на носу, что пролетарии Советского Союза находятся в осаждённой крепости, а в соответствии с этим и режим Советского Союза должен соответствовать крепостническому». Исходя из таких представлений, в 1935-1938 годах велась компания по выявлению и очищению «крепости» от врагов, которая сопровождалась многочисленными судебными процессами.

Материалы этих процессов довольно часто становились темой обсуждения на партийных собраниях Надеждинского горотдела НКВД. В частности, 23 августа 1936 года в ходе проработки чекистами обвинительного заключения по делу троцкистско-зиновьевского контрреволюционного московского центра в духе времени прозвучали следующие речи, приведём некоторые из них. БУРЦЕВ: «От нашей партийной организации требуется сейчас особенная революционная бдительность. Мы должны стать серьёзнее по отношению выявления троцкистско-зиновьевских агентов и их единомышленников. Мы должны проявить максимум бдительности в своих рядах. Мы требуем от Верховного Суда расстрела предателей интересов рабочего класса, изменников партии, мерзких убийц пламенного трибуна С.М.Кирова. Врагам народа нет пощады!» ЯЦИНЮК: «Несомненно, контрреволюционная троцкистско-зиновьевская группа пустила свои гнусные гнилые корни и на уральскую почву. Это возможно ещё и потому, что один из ярых троцкистов – Мрачковский, уроженец Урала. Это обстоятельство говорит за то, что мы должны найти эти корни и вырвать их. Мы, коммунисты-чекисты, наряду с усилением бдительности и прозорливости по работе должны быть бдительными и в своей среде. Должны в совершенстве овладеть основами марксизма, должны изучить тактику и методику наших врагов. Врагам народа – расстрел!». ДОЛМАТОВ: «Процесс троцкистско-зиновьевской контрреволюционной группы вызвал естественный взрыв, возмущение и негодование всего честного народа. Трудящиеся

требуют от Верховного Суда расстрела контрреволюционерам, фашистским наёмникам, гнусным убийцам одного из лучших большевиков – С.М.Кирова!». ПЕРШАКОВ: «Процесс троцкистско-зиновьевской контрреволюционной группы нас обязывает к бдительности, уметь распознавать, выявлять врага. Наша парторганизация должна извлечь из этого процесса все уроки и проявлять революционную бдительность, как никто. Подлым наёмникам буржуазии, трижды презренным бандитам – расстрел!». МОШЁНКИН: «Нам нужно неустанно повышать политический уровень для того, чтобы распознавать врага. Изменников и предателей интересов трудящихся нужно уничтожать». По итогам собрания постановили усилить революционную бдительность в своих рядах, изучить методы и тактику борьбы троцкистско-зиновьевской группы, проработать материалы процесса со всеми работниками отдела УГБ и РКМ и домохозяйками, неустанно повышать свой идейно-политический уровень (ЦДООСО. Ф.88, оп.1, д.308, л.48). Пройдёт совсем немного времени, когда эти высказывания надеждынские чекисты воплотят в практическую деятельность.

Начало «большому террору» было положено приказом Наркома НКВД СССР Ежова «Об операции по репрессированию бывших кулаков и других антисоветских элементов». Наряду с бывшими кулаками, в приказе назывались церковники и сектанты, активные участники антисоветских вооружённых выступлений, эсеры, меньшевики, участники белого движения, репатрианты. Все эти люди, обиженные политикой Советской власти могли составить невымысленный потенциал «пятой колонны», внушавшей страх представителям правящего режима. Таким образом, уничтожалась и изолировалась в ГУЛАГ значительная часть населения, пострадавшая от режима в недавнем прошлом, но получившая по Конституции 1936 года право голосовать наравне со всеми на предстоящих выборах. В руководящих кругах не было сомнения в том, что голоса этой части электората на альтернативных выборах, при тайном голосовании будут поданы против представителей партийной и государственной власти, баллотирующихся в Верховный Совет СССР.

Эпоха «большого террора» закончилась в конце 1938 года. 17 ноября правительственным постановлением запрещалось проведение массовых операций по арестам, осуждалось нарушение социалистической законности. 25 ноября, выполнив свою задачу, Н.И.Ежов был снят с должности Наркома НКВД, в апреле 1939 года

арестован по обвинению в заговоре, в феврале 1940 года расстрелян. Его участь справедливо разделили многие работники аппарата НКВД в центре и на местах.

21 июля 1939 года Военный трибунал войск НКВД Уральского округа в закрытом судебном заседании в городе Свердловске рассмотрел дело бывшего начальника Надеждинского горотдела НКВД (1936-1937 г.г.) старшего лейтенанта ГБ Коткова Василия Васильевича, 1902 г.р., из крестьян-бедняков села Селищи Мордовской АССР, члена ВКП(б) с 1925 года, образование низшее, служившего в органах НКВД с 1922 года. Он обвинялся по ст.193 ч.17 УК РСФСР в том, что получал провокационным путём признания в контрреволюционной деятельности от арестованных, составлял справки, в которых указывал вымышленные данные о, якобы, имевших место фактах терактов и диверсий (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.18682, т.2, л.161). Трибунал лишил Коткова воинского звания и приговорил его к высшей мере наказания. Кроме того, было возбуждено ходатайство перед Президиумом Верховного Совета СССР о лишении Коткова ордена Боевого Красного Знамени, полученного в 1922 году во время службы в частях особого назначения.

29-31 августа 1940 года перед Военным трибуналом войск НКВД Уральского округа предстали бывшие сотрудники Надеждинского горотдела НКВД и УНКВД по Свердловской области, принимавшие участие в массовых репрессиях на территории города и района:

Трубачёв Александр Макеевич (начальник горотдела в 1937-1939 г.г.), старший лейтенант ГБ, 1896 г.р., уроженец посёлка Дубровка Сталинградской области, образование низшее,

Коробицин Трофим Ильич (начальник 3 отделения в 1937-1939 г.г.), 1903 г.р., уроженец села Большое Заложное Мостовского района Челябинской области, образование низшее,

Другов Сергей Александрович (начальник 3 отдела УНКВД), лейтенант ГБ, 1906 г.р., уроженец села Песчанка Исовского района Свердловской области, образование низшее, член ВКП(б), из рабочих.

Они обвинялись по ст.193 п.17 УК РСФСР в необоснованных арестах граждан, преступных методах ведения следствия, фальсификации следственных документов, повлекших за собой особо тяжкие последствия. Комиссией по проверке дел, возбуждённых Надеждинским ГО НКВД в период с декабря 1937 по март 1938 года, было установлено следующее: «Арестованных, подписавших

вымышленные протоколы допроса, называли помощниками Советской власти и создавали им в первое время более привилегированное положение. Не подписавших же такие протоколы считали врагами Советской власти и зачастую их с санкции Трубочёва, Другова и Коробицина сажали в холодный карцер. Эти преступные методы следствия привели к тому, что абсолютное большинство арестованных, на которых в основном не было соответствующих компрометирующих данных, не только к их обвинению, но и к аресту, подписали вымышленные протоколы о своей виновности в надежде быть освобождёнными из-под стражи, но впоследствии они во внесудебном порядке осуждались к расстрелу и лишению свободы на длительные сроки. Из обзора взятых на выборку 247 дел на 247 человек, осуждённых к расстрелу, усматривается, что в основном все они были арестованы лишь на том основании, что являлись трудпоселенцами или детьми последних, а доказательств их виновности, за исключением подписанных ими вымышленных протоколов допроса, не было. До ареста абсолютное большинство их работало в качестве рабочих на государственных предприятиях. Среди них 86 человек от 1911 до 1919 г.р. Справки в альбом, служившие основанием к осуждению лиц во внесудебном порядке, корректировались Друговым, подписывались им и Трубочёвым. Из законченных 1627 дел по Надеждинскому горотделу Друговым и Трубочёвым подписано 1225 справок в альбом, а в случае их отсутствия таковые справки подписывались Коробициным и бывшим начальником 4 отделения горотдела НКВД Смирновым. За период с декабря 1937 по март 1938 года горотделом было, в основном необоснованно, арестовано свыше 4000 человек, из которых 2000 отправили для окончания на них дел в города Свердловск и Нижний Тагил. Во многих случаях по указанию Трубочёва аресты проводились с грубейшим нарушением соцзаконности, заключавшимися в том, что по распоряжению Трубочёва поселковые коменданты обходили посёлки трудпоселенцев и встречавшихся им жителей посёлка арестовывали, а затем оформляли ордер на их арест. Комендант собирал задержанных в отдельное помещение, не желая сообщать об их аресте разъяснял им, что они якобы срочно мобилизованы для ликвидации прорыва на том или ином производстве. В конечном итоге, их усаживали в вагоны и по железной дороге отправляли в тюрьмы Нижнего Тагила и Свердловска. С согласия Трубочёва Другов, находясь в Надеждинске, составлял вымышленную схему о

якобы существовавших в Надеждинском районе повстанческих организациях. Эта схема была подписана Трубочёвым и Коробициным» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.34098, т.9, л.537-541).

В суде Трубочёв, Другов и Коробицин виновными себя не признали, но не отрицали, что в своей деятельности они нарушали социалистическую законность. Военный трибунал войск НКВД Уральского округа приговорил Трубочёва и Другова к расстрелу, Коробицина к 10 годам заключения в ИТЛ. 25 ноября 1940 года Президиум Верховного Совета СССР ходатайство о помиловании Трубочёва и Другова отклонил.

К делу были приобщены показания других сотрудников горотдела НКВД – Смирнова, Юдина, Ожгихина, Иванова, Степанова. Так, бывший начальник 4 отделения горотдела НКВД Смирнов показал: «Массовые операции в Надеждинске начались в начале 1938 года. Проводились они по директивам УНКВД по Свердловской области. Практически осуществляли их проведение Трубочёв, Коробицин и приехавший из УНКВД Другов. По окончании отработанных дел, согласно сфальсифицированных протоколов, следователями составлялись справки в альбом. Эти справки корректировались Друговым и Трубочёвым, подписывались Коробициным и мной. Коробицин, как начальник отделения, корректировал протоколы допросов, вносил дополнения и вписывал в протоколы фамилии людей, якобы завербованных в шпионско-вредительскую организацию. Им же вписывалось в протокол дополнение и о шпионско-диверсионной работе. Таким образом, всего за период массовой операции с ноября 1937 по апрель 1938 года по Надеждинскому району было арестовано 5-6 тысяч человек. Друговым, Трубочёвым и Коробициным в феврале или марте 1938 года была составлена схема, якобы существующих и вскрытых в районе контрреволюционных повстанческих организаций. Материалами для составления схемы были протоколы допросов, но поскольку протоколы были вымышленные, то такой же оказалась и схема. Протоколы допросов составлялись следователями заочно, в отсутствии арестованных, и когда протокол был уже готов – вызывали арестованного подписать его» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.34098, т.9, л.539).

Преступной была и методика составления протоколов, о чём говорил оперуполномоченный 4 отделения В.Юдин: «Метод составления протоколов был такой: сначала следователи вызывали к

себе арестованного для того, чтобы выяснить у него автобиографические данные и установить – какие он знает на заводе аварии и поломки. Если фигура эта заслуживала внимания, то его обратно отправляли в камеру, затем уже в отсутствие арестованного писали протокол страниц на 20-30. В протокол записывалось всё, что сумеет надумать следователь. Например, арестованный завербован в шпионско-диверсионную организацию, дальше вписывали кто его завербовал или кого он завербовал, а потом вписывалось, что он что-нибудь взорвал, сломал или расхищал социалистическую собственность. Не все арестованные эти протоколы подписывали. Не подписавшим протоколы ухудшали условия, не разрешали передачи и т.д.» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.34098, т.9, л.541).

Кто подлежал аресту и что это были за люди, видно из показаний оперуполномоченного 3 отделения Иванова: «В декабре месяце 1937 года Трубочёв на совещании сотрудников горотдела говорил, что дан лимит арестовать, как мне помнится, 300 человек по инобазе (иностранцы). На этом совещании Трубочёв внушал, указывая, какой контингент мы должны брать: это инобаза, которые не сегодня – завтра – наши враги. Сначала лимит, как я уже сказал, был дан 300 человек, куда были включены высланные в 1935 году из Ленинградской области и пограничной полосы бывшие генералы, белые офицеры и лица, проживавшие на границе, имевшие связь с заграницей. Впоследствии лимит на арест стал увеличиваться до 500 и 1000 человек. На оперативных совещаниях доводилось Трубочёвым об аресте инобазы: немцев, эстонцев, болгар, татар, казаков. Татары относились к инобазе, на которых ориентируется Япония, а казаки – как база капиталистических государств. Помню такой факт, когда начальник горотдела Трубочёв получил распоряжение бывшего начальника УНКВД Дмитриева арестовать тысячу казаков и направить в Свердловск. Руководил этой операцией Коробицин. Тысяча казаков, находящихся на трудпоселении, были в кратчайший срок арестованы и эшелонам направлены в Свердловск. Никаких следственных дел на них не оформлялось, так как срок был очень короткий» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.34098, т.9, л.537).

23 апреля 1941 года Военный трибунал войск НКВД Уральского округа за необоснованные аресты граждан и фальсификацию следственных документов приговорил по ст.193 п.17 УК РСФСР начальника 4 отделения ГО НКВД старшего лейтенанта ГБ Смирнова Василия Фёдоровича, 1899 г.р., уроженца посёлка Красногвардейский

Егоршинского района Свердловской области к 10 годам заключения в ИТЛ. К 5 годам заключения в ИТЛ осуждены оперуполномоченные 3 отделения: сержант ГБ Иванов Леонид Фёдорович, 1907 г.р., уроженец Богословского завода, член ВКП(б) с 1930 года, из рабочих и сержант ГБ Ожгихин; оперуполномоченный 4 отделения сержант ГБ В.Юдин. Уволены из органов НКВД сержанты ГБ Козлов П.М., Коробкин, Кулаков Ф.Ф., Гаврилов.

Помимо горотдела НКВД поиском врагов народа занималось отделение дорожно-транспортного отдела ГУ ГБ НКВД станции Надеждинск. 31 марта 1941 года за провокационные методы следствия уволены начальник отделения лейтенант ГБ Яцинюк Степан Осипович, 1901 г.р. и его помощник младший лейтенант ГБ Иванов Дмитрий Терентьевич, 1895 г.р., уроженец села Ключевское Канского района Красноярского края.

В результате служебных перестановок в ноябре 1938 года откомандированы в УНКВД Пермской области оперуполномоченные городского отдела Петров Анатолий Николаевич и Петров Марк Пантелеймонович, который до 1948 года работал заместителем начальника УМГБ Молотовской (Пермской), уволен со службы за антигосударственные действия. Младший лейтенант ГБ Пулов Пётр Трофимович, помощник начальника 3 отделения ГО НКВД в 1939 году переведён в город Березники. В 1952 году скончался в госпитале в Москве.

12 марта 1938 года был арестован инспектор Надеждинской районной комендатуры Репин Михаил Осипович. Любопытен тот факт, что он обвинялся не за превышение должностных полномочий, а проходил по ст.58 п.10 УК РСФСР – контрреволюционная агитация и пропаганда. Михаил Репин родился в 1904 году в семье крестьянина-середняка в деревне Воронино Вятской губернии. Образование среднее агрономическое, член ВКП(б) с 1927 года, в 1931 году окончил Нижнетагильскую совпартшколу. В органах НКВД с 6 июля 1932 года. Признан виновным в том, что 24 февраля 1938 года на квартире сотрудника горотдела НКВД Иванова Л.Ф. за распитием спиртных напитков высказывал контрреволюционные измышления о генеральном секретаре Коминтерна Димитрове. Кроме того, Репин высказывал неверие в сообщения об успехах Советского Союза. В процессе следствия по делу положительно отзывался об осуждённых оппозиционерах Зиновьеве и Каменеве. В разное время в кругу коллег выражал своё удивление по поводу массовых репрессий

трудпоселенцев, в связи с чем высказывал предположение о государственном перевороте (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.33883, л.46). 20 февраля 1939 года Военным трибуналом войск НКВД Уральского округа Репин приговорён к 5 годам содержания в ИТЛ с поражением избирательных прав сроком на 2 года. После отбывтия наказания проживал в посёлке Кордон Серовского района. Поскольку Репин был осуждён по политическим мотивам, он единственный из надеждинских чекистов, кто был реабилитирован.

Массовые репрессии в Надеждинске, как и в других городах Свердловской области, проводились по распоряжению областного Управления НКВД. Об этом говорил на допросе 25 апреля 1939 года бывший помощник начальника УНКВД капитан ГБ Боярский: «Для проведения массовой операции по аресту кулацкого элемента, согласно указаний НКВД в начале лета 1937 года Дмитриевым (начальник УНКВД) был создан оперативный штаб. Дмитриев командировал на места в городские отделы НКВД ответственных работников из аппарата Управления НКВД по Свердловской области. Эти представители, совместно с аппаратом горотделов НКВД, на местах составляли списки лиц, подлежащих аресту, которые впоследствии направлялись в оперативный штаб для получения санкций на арест. По указанию НКВД СССР в Свердловской области по этой операции подлежали аресту по первой категории 8000 человек и по второй категории 2000 человек. Как я помню, это количество было арестовано. Все дела на лиц, арестованных в ходе этой операции, после окончания следствия были рассмотрены Особой Тройкой при УНКВД. Причём, приговоры были вынесены согласно преподанных лимитов. Операция по аресту лиц инонациональностей (иностранцев), как-то поляки и другие, началась почти одновременно с кулацкой операцией, так как указания НКВД СССР по этим операциям получались в момент хода кулацкой операции. К 15 декабря 1937 года, к концу срока действия директивы НКВД СССР, всего по Свердловской области по этой линии было арестовано около 3000 человек. Примерно в то же время были получены дополнительные указания НКВД СССР о продолжении этой операции. Аресты в подавляющем большинстве являлись необоснованными, то есть лица арестовывались без всяких оснований и отсутствия каких-либо компрометирующих материалов. Всего вместе с дополнительной операцией было арестовано кулаков, спецпереселенцев и лиц инонациональностей 24000 человек. При ведении следствия по этим

делам в Свердловске и на местах в горотделах НКВД широко применялись методы провокаций. Следователи с ведома руководящих оперативных работников уговаривали арестованных подписывать сфабрикованные ими протоколы, при этом заявляли арестованным, что эти показания нужны в интересах Советской власти, что за преступления, изложенные в этих показаниях, их привлекать к ответственности не будут. Это нужно для того, чтобы предъявить счёт иностранным государствам в их агрессивной деятельности против СССР. Кроме уговора, проводившегося следователем, аналогичная провокационная работа проводилась по обработке арестованных в камерах. Для этой цели из числа арестованных привлекались специальные лица. В результате применения в следствии вышеизложенных мною провокационных методов, ежедневно по всем городским отделениям и в Свердловске был большой процент признавшихся, исчислявшийся иногда сотнями. Таким образом, из числа арестованных кулаков, спецпереселенцев и лиц инонациональности искусственно создавались шпионские, диверсионные и другие контрреволюционные формирования» (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.24420, л.155).

В 1938-1939 годах вместе с Н.Я.Боярским были арестованы работники аппарата УНКВД, имевшие непосредственное отношение к репрессиям в Надеждинске: начальник 8 отделения 3 отдела капитан ГБ Литваков, заместитель начальника 3 отдела капитан ГБ Кричман, начальник 4 отдела Варшавский. Военной Коллегией Верховного Суда СССР 15 февраля 1940 года они были приговорены к 15 годам заключения в ИТЛ.

В период массовых политических репрессий в аппарате государственной безопасности Надеждинского городского отдела НКВД работали:

Акшинцев Фёдор Петрович, помощник оперуполномоченного, 1913 г.р., в органах с 1 июня 1938 года, прибыл из Надеждинского горкома ВЛКСМ, из семьи рабочих, окончил техникум хлебозаводской промышленности, по специальности – техник-механик, секретарь комсомольской организации горотдела НКВД. В массовых операциях 1937-1938 г.г. участия не принимал.

Боровинский Борис Алексеевич, сержант ГБ, в горотделе с февраля 1938 года, курировал основные цеха Надеждинского металлургического завода, образование среднее. Принимал активное участие в массовых операциях в Нижнем Тагиле и Надеждинске. В

ходе следствия применял провокационные методы. По его группе проведено 170 дел.

Волков Николай Максимович, оперуполномоченный 3 отделения, сержант ГБ, член ВКП(б) с 1919 года, в 1921 году исключён из партии за неуплату членских взносов, в 1927 году восстановлен. Из крестьян-бедняков, образование начальное. Участвовал в массовых операциях, по следственным делам представлял заведомо ложные справки о несуществующих фактах. За присвоение денег в сумме 150 рублей родственников одного из арестованных из органов в 1939 году уволен.

Головкин Василий Васильевич, оперуполномоченный, сержант ГБ, член ВКП(б) с 1930 года, из рабочих, в Надеждинск прибыл 23 марта 1938 года из Кизеловского горотдела НКВД. Активно участвовал в массовых операциях в Кизеле и Надеждинске. Провёл до 300 следственных дел, применял провокационные методы следствия.

Гаврилов Николай Антонович, оперуполномоченный, сержант ГБ, член ВКП(б) с 1931 года, окончил Свердловскую межкраевую школу УГБ-НКВД. В горотделе работал с мая 1937 года. Активно участвовал в массовых операциях, провёл до 80 следственных дел, большинство из которых впоследствии было прекращено за отсутствием доказательств.

Данилов Кузьма Дорофеевич, 1905 г.р., помощник оперуполномоченного 3 отделения. В органах ОГПУ-НКВД с 1931 года, на оперативной работе с апреля 1938 года. Член ВКП(б) с 1931 года, из семьи рабочего, образование начальное. Принимал участие в массовой операции по иностранной разведке, работал в оперативно-следственной группе, возглавляемой бывшим оперуполномоченным 3 отделения сержантом ГБ Некипеловым, провёл 15 следственных дел.

Жданов Николай Григорьевич, оперуполномоченный, сержант ГБ, 1906 г.р., из семьи рабочего, член ВКП(б) с 1929 года, бывший рабочий. В органах НКВД с марта 1938 года.

Коробкин Андрей Данилович, 1910 г.р., помощник оперуполномоченного 3 отделения, сержант ГБ, из семьи крестьянина-батрака. В 1934 году окончил лесотехнический техникум, а в 1937 году досрочно Свердловскую межкраевую школу УГБ-НКВД. В горотделе работал с 12 декабря 1937 года. Кандидат в ВКП(б) с ноября 1938 года. Член редколлегии стенной газеты. Участвовал в массовых операциях по базе иностранной разведки в оперативно-следственной группе, возглавляемой оперуполномоченным сержантом ГБ Боровинским, провёл 25 дел.

Коробицин Трофим Ильич, начальник 3 отделения ГО НКВД, младший лейтенант ГБ, 1903 г.р., член ВКП(б) с 1923 года, в органах НКВД с 1930 года, окончил Комвуз (Коммунистический университет). До октября 1937 года принимал участие в массовых операциях Березниковского горотдела НКВД. Будучи переведённым в Надеждинск, являясь начальником отделения, активно участвовал в массовых операциях по перебежчикам, политэмигрантам, харбинцам, иностранным подданным, кулакам-спецпереселенцам. Коробициным с декабря 1937 по май 1938 года было арестовано до 4 тысяч человек. Большинство из которых отправлялись в УНКВД города Свердловска. Непосредственно в Надеждинске им было отработано до 1200 человек совместно с оперативно-следственной бригадой УНКВД. Расследование дел проводилось с применением провокационных методов следствия.

Константинов Николай Васильевич, кандидат на звание оперуполномоченного горотдела НКВД, 1908 г.р., член ВКП(б) с 1932 года. В органах НКВД с 1934 года. Принимал участие в массовых операциях в городе Кировграде. В Надеждинске работал с января 1939 года.

Митяшин Иван Данилович, оперуполномоченный 4 отделения, 1910 г.р., из семьи служащего, образование среднее, с сентября 1938 года – кандидат в ВКП(б). В органах НКВД с конца 1936 года. Окончил Свердловскую межкраевую школу УГБ-НКВД. В Надеждинске с октября 1937 года. Принимал активное участие в массовых операциях, входил в следственную группу Боровинского, провёл 60 следственных дел. С декабря 1938 года в следственной группе в Новолялинском и Исовском районах.

Малявин Пётр Константинович, оперуполномоченный горотдела НКВД, образование среднее, член ВКП(б) с 1931 года, в органах НКВД с мая 1937 года. В Надеждинске с октября 1938 года. Принимал активное участие в массовых операциях, входил в группу УНКВД старшего лейтенанта ГБ Морозова. Провёл несколько дел. В период службы Малявина имел место факт выпивки и утери браунинга. За пьянство и дискредитацию органов НКВД в январе 1939 года арестовывался на пять суток.

Ожгихин Михаил Петрович, оперуполномоченный, из семьи рабочего, член ВКП(б) с 1931 года, образование 7 классов. В органах НКВД с февраля 1936 года. До октября 1937 года секретарь первичной партийной организации горотдела НКВД. Был женат на дочери купца

Турьинских Рудников Бессонова А.Ф. Принимал участие в массовых операциях, возглавлял оперативную группу. Наряду с провокационными методами, в ходе ведения следствия допускал грубость в обращении с отдельными арестованными. По его группе проведено 250 следственных дел. С декабря 1938 года в оперативной бригаде в Нижнем Тагиле.

Панфилов Владимир Андреевич, помощник оперуполномоченного 3 отделения, сержант ГБ, 1911 г.р., из семьи рабочего. В органах НКВД с декабря 1936 года. Окончил Свердловскую межкраевую школу УГБ-НКВД. В Надеждинске с октября 1937 года. Принимал участие в массовых операциях, провёл до 80 следственных дел. Следствие велось провокационным методом, писал липовые протоколы и предлагал арестованным подписать их в пользу Советской власти. Курировал объекты легкой промышленности.

Петров Владимир Никитович, оперуполномоченный 4 отделения, 1905 г.р., младший лейтенант ГБ, из семьи рабочего, окончил городское училище. В Надеждинске с 20 сентября 1938 года. В органах ОГПУ-НКВД работал с августа 1930 года. Окончил основной курс Центральной школы ОГПУ. Член ВКП(б) с 1935 года. Будучи на службе в Пермском горотделе НКВД принимал участие в массовых операциях по базе иностранной разведки, самостоятельно провёл 60 дел.

Смирнов Василий Тимофеевич, начальник 4 отделения горотдела НКВД, старший лейтенант ГБ, член ВКП(б) с 1917 года, образование начальное. В органах НКВД с 1920 года. Начальником Надеждинского горотдела работал с 1936 года. Участвовал в массовых операциях, руководил двумя следственными группами горотдела. До мая 1938 года силами своего отделения проводил операции по меньшевикам, эсерам и анархистам, в ходе которых было арестовано 65 человек.

Филиппов Виктор Николаевич, помощник оперуполномоченного 4 отделения, 1905 г.р., из семьи рабочих, образование начальное. В указанной должности прибыл в Надеждинск в сентябре 1938 года из Кизеловского горотдела НКВД. В органах ОГПУ-НКВД с 1931 года. Окончил 8-ми месячные курсы при Центральной школе НКВД. Член ВКП(б) с 1929 года. В Кизеле принимал участие в массовых операциях, провёл 40 следственных дел. В Надеждинске принимал участие в операциях по изъятию эсеров и меньшевиков, расследовал 13 следственных дел.

Юдин Александр Фёдорович, помощник оперуполномоченного 4 отделения, сержант ГБ, 1905 г.р., из крестьян-бедняков, образование начальное. В органах ОГПУ-НКВД с 1929 года. Член ВКП(б) с 1931 года. Член совета Осоавиахима. Принимал участие в массовых операциях 1937-1938 годов по базе иностранной разведки, меньшевикам и эсерам. Работал в оперативно-следственной группе бывшего оперуполномоченного горотдела НКВД сержанта ГБ Некипелова. Провёл 30 следственных дел.

Якубович Мстислав Николаевич, оперуполномоченный горотдела НКВД, 1911 г.р., из семьи служащего, окончил школу 2-й ступени. Прибыл из Нижнетагильского горотдела 20 апреля 1938 года в должности оперуполномоченного. Член ВКП(б) с 1932 года. В органах НКВД с марта 1936 года. Парторг группы УГБ Надеждинского городского отдела НКВД. Принимал участие в массовых операциях в Нижнем Тагиле, вёл дела на 100 человек. В Надеждинске участвовал в следственной работе по эсерам и меньшевикам (ЦДООСО. Ф.88, оп.1, д.516, л.1-20).

Одной из основных задач работников горотдела НКВД являлось отслеживание политических настроений среди жителей города. Информация, полученная в результате оперативной работы, докладывалась первому секретарю горкома ВКП(б). В качестве примера приведём докладную записку об откликах надеждинцев на постановление правительства о мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, направленную начальником горотдела НКВД Трубачёвым 22 января 1939 года первому секретарю горкома партии Некрыдову: «Постановление СНК, ЦК и ВЦСПС о мерах по упорядочению трудовой дисциплины, улучшению практики государственного страхования и борьбе со злоупотреблениями в этом деле трудящимися города Недеждинска и района встречено с большим политическим подъёмом и с 1 января сего года на предприятиях стало проводиться в жизнь. Но тем не менее, на отдельных предприятиях в реализации данного постановления имеются существенные недостатки, главным образом в вопросе политико-воспитательной и массово-разъяснительной работы. По металлургическому заводу в ряде цехов: теплосиловом, газогенераторном, котельной, комхозе и других, до последних дней должной работы не проводилось. Такое же положение имеет место и по заводу №76. С 1 по 15 января с металлургического завода уволено за прогулы 242 человека, однако с заводских квартир выселено лишь

25 человек и 37 из общежития. Проведение в жизнь решения о выселении прогульщиков с квартир возложено на комендантов комхоза завода. Отдельные из них – политически сомнительные лица. Часть этих комендантов о решении правительства рассуждает так. Комендант комунхоза завода Зелинский во время проработки решения о трудовой дисциплине и о правах на отпуск бросил такую реплику: «Рабочий класс не злоупотребляет правом на отпуск, а это только головка так делает – живут в отпусках непрерывно». Комендант Федяева на этом же собрании заявила: «Рабочий и 10 лет проработает на одном предприятии и всё же не получит путёвок на курорт, а вот начальство ежегодно получает и ездит на курорт». Среди присутствующих на этом собрании комхоза завода чувствовалось скрытое недовольство. Кто-то из присутствующих даже выкрикнул: «Прежде чем заработаешь право на отпуск – умрёшь на работе». Комендант Синицын, бывший член ВКП(б) говорил: «Ходил я вчера выселять две семьи рабочих-прогульщиков и жуть берёт меня. Выселяемые страшно озлоблены на Советскую власть, к ним опасно заходить в комнату, а не только выселять. Один из них вооружился топором и не пустил меня в комнату. Мне кажется – постановление правительства массы рабочих только озлобляет». В практике выполнения решений правительства о трудовой дисциплине встречаются факты искажения и открытого саботажа. Так, главный инженер ОКСа завода №76 Левченко инструктируя прорабов говорил: «Вы можете иногда не видеть прогульщиков, если они вам нужны на работе и не поднимать шум об их увольнении». Среди рабочих промышленных предприятий зарегистрирован целый ряд антисоветских высказываний в отношении решений правительства. Кочегар водонасосной станции металлургического завода Пётр Пономарёв говорил: «Если уволенных рабочих не будут принимать нигде на работу, они тогда будут заниматься бандитизмом и в первую очередь пойдут грабить руководителей». Рабочий котельной теплосилового цеха Русских: «С таким решением правительство всех рабочих сделает трудпоселенцами, которые будут прикреплены к одному месту работы и жительства. И так теперь мы кругом зажаты, нельзя слова сказать, того и гляди посадят». В связи с выдачей трудовых книжек на заводе в теплосиловом цехе в беседе с рабочими шуровщик Макарихин сказал: «Для чего введены эти книжки? Только зря бумагу портят и с рабочих берут деньги. Ведь раньше куда лучше было без этих книжек. Куда желаешь – туда и поступишь. А сейчас

вводят порядок, а толку мало. Никакого порядка при этой власти нет и книжки эти скоро отменяют». Щекунова Лидия, работница кузнечно-механического цеха металлургического завода (муж её арестован в 1937 году) заявила: «Как мы, работая на заводе при белых, подвергались издевательствам со стороны мастеров, так и теперь мы постепенно подходим к таким же временам. Стоит только опоздать на работу, как тебя сейчас же выставят. Сейчас на заводе рабочие переживают второе крепостное право. Это постановление все рабочие считают новой кабалой». Юферов Александр, бетонщик ОКСа завода №76: «Теперь человека ни за что с работы снимут и стаж рабочий пропадёт. Семья без всяких средств останется и с квартиры выгонят. Ничего себе завоевали свободу». Отдельные члены ВКП(б) о трудовой дисциплине рассуждают так. Заведующий стройсектором Надеждинского райторга Мерзлякин В.В.: «Теперь, в связи с решением о трудовой дисциплине стало очень тяжело работать, особенно в деле обеспечения участков рабочей силой. Хотя всех сразу рассчитывать, но если мне рассчитать сегодня, то завтра на работе никого не будет. Рабочие даже на работе часто учиняют пьянку. Если же их уволить, так ко мне и так никто не идёт. Приходится мириться». Антисоветский элемент из среды служащих ведёт такую антисоветскую агитацию. Бухгалтер «Союзрыбы» Юдин: «Да, для рабочих теперь настало крепостное право, а крестьяне уже давно находятся на положении крепостных». Завхоз теплосилового цеха Барменков Г.Ф.: «Это решение правительства к хорошему не приведёт. Всюду кричат и пишут в газетах, что сами рабочие выдвигают такие постановления. Дурят народ. Теперь жизнь будет хуже, чем прежняя». Преподаватель истории вечерней школы Бедрин: «Ну если директор человек хороший, так это постановление ничего не значит, а если нет – то, конечно, ни за что в два счёта можно вылететь». Особо резкую антисоветскую агитацию в своей среде ведут кулаки-спецпереселенцы. Шелепов Василий, забойщик СУБРа: «Как раньше, в старое время, для рабочих была палка, так всё-равно эта палка осталась и в настоящее время в лице этой трудовой книжки». Трудпоселенка Вороненко, работница металлургического завода: «Теперь время такое, как раньше было при барщине. Сделаешь прогул – уволят и с квартиры выбросят. Вот это свобода в СССР». Трудпоселенец Салов Илья, работает в Турьинских Рудниках: «Закон издан для того, чтобы нас больше отправляли в тюрьмы и колонии. Не понравится моя личность десятнику или прорабу – он напишет одно

или два опоздания, а меня будут судить как кулака и отправят в колонию, как отправили многих». Трудпоселенец Логинов: «Ещё не родились такие люди, которые могли бы нас заставить работать так, как им хочется. Всякие законы, издаваемые Советской властью, для нас что есть – что нет. Всё это чепуха, мы под законами не ходим и ходить не будем». Во время читки постановления студенты 2 курса медицинского техникума, сыновья кулаков-спецпереселенцев Тищенко и Новиков заявили: «Мы будем слушать, только не читайте эти пустяки». Ученик школы ФЗУ Кузнецов, сын спецпереселенца: «Постановление правительства о введении трудовых книжек направлено к тому, чтобы внутри страны создать как можно больше врагов Советской власти, что будет хорошим плацдармом при нападении фашистов на Советский Союз». По лицам, антисоветски проявившим, себя принимаются меры» (ЦДООСО. Ф.88, оп.1, д.348, л.45-53).

Среди служебных записок, направленных горотделом НКВД в горком партии, было немало документов о состоянии и работе промышленных предприятий. Остановимся на одном из них. Это спецзаписка начальника горотдела НКВД о состоянии Надеждинского оборонного завода №76 от 20 апреля 1939 года, адресованная первому секретарю горкома ВКП(б) Туканову: «В отличие от других военных заводов, Надеждинский завод №76 имеет ряд особенностей. До 1932 года это был механический цех Надеждинского металлургического завода, который расположен на территории металлургического завода и до сих пор имеет единый железнодорожный транспорт, обслуживаемый транспортным цехом металлургического завода. До последнего времени имел единую охрану, как сторожевую, так и пожарную, и только в начале 1939 года эта охрана была выделена в самостоятельную единицу. Завод №76 до сих пор не имеет того режима, который установлен на других военных заводах. Он является как бы полурежимным заводом, на нём до апреля месяца прошлого года не разу не ставился серьёзно вопрос об очистке завода от классово-чуждого элемента. Наоборот, чужаки беспрепятственно допускались, вплоть до трудпоселенцев. В процессе выявления часть лиц из числа чужаков, особенно белогвардейцев, работавшие ряд лет, оказались как имеющие квалификацию. Некоторым удалось проникнуть в ряды стахановцев, ударников и несмотря на настойчивую постановку вопроса с нашей стороны об увольнении, со стороны бывшего директора Ирлина этот вопрос находил резкое

противодействие, вплоть до постановке его в обкоме партии. В результате, по неполным данным на сегодняшний день на заводе имеется 60 человек классово-чуждого элемента, подлежащего увольнению. Сами условия приёма на завод до последнего времени давали возможность проникать классово-враждебному элементу без особого труда. Так, аппарат бюро найма и отдел кадров, состоящий из пяти человек, никакой спецпроверки кадров не проводил, а ограничивался лишь тем, что давал заполнять обширную анкету для вновь поступающих и отбирал подписку о неразглашении. С половины 1938 года удалось добиться некоторых изменений в ранее существовавшем порядке приёма рабочей силы в сторону большего контроля и ставить в известность органы НКВД о всех вновь поступающих на завод. Однако, с этой работой один сотрудник НКВД не справился, так как он не в состоянии был проводить спецпроверку, тем более, что завод ежемесячно растёт. Кроме того, на заводе имеется значительная текучесть рабочей силы. Исходя из этого, нами ещё в июле 1938 года решительно был поставлен вопрос о необходимости перевести завод на строго режимный и установить должность помощника директора по кадрам из числа чекистов. Важность завода №76 для страны обуславливается ещё и тем, что он является единственным в стране по основному виду выпускаемой продукции. Число рабочих постоянно увеличивается. Если на 1 апреля 1938 года в заводе было занято 4240 человек, то на 1 апреля 1939 года здесь уже работает 5550 человек. Из них по основным цехам: прессовый (№1) – 414 человек, термический (№2) – 175, механический (№3) – 1972, инструментальный (№4) – 225, ремонтно-механический (№5) – 250, ремонтно-строительный (№6) – 63, тарный (№7) – 161, транспортный (№8) – 228, отдел технического контроля – 420, электроотдел – 102, заводоуправление – 454, ФЗУ – 136, ОКС – 458. Основные виды продукции, выпускаемые в 1939 году заводом, следующие:

1) По чертежу 2-1611 осколочные, фугасные, гаубичные снаряды калибра 122мм, изготовлено 545 тонн.

2) По чертежу 3900-а химические снаряды того же калибра – 40000 штук.

3) По чертежу 1-010-85 дымовые снаряды калибра 122мм – 80000 штук.

4) Запальник стаканов к этим же снарядам в количестве 100000 штук. Этот вид производства ещё осваивается.

5)Авиацилиндры намечены по плану 1939 года в количестве 25000 штук, к выпуску их в первом квартале ещё не приступали по причине отсутствия нужного оборудования.

6)Изделие №514 (Н), опытные морские снаряды, изготовленные заводом по спецзаказу в количестве 50 штук были выпущены в конце марта.

7)Изделие по чертежу №2-0790 (Р), опытные снаряды. Осваивают по спецзаданию в количестве 500 штук.

В течение первого квартала, в связи с резким недостатком воды и высокой её температурой в цехах завода имел место значительный брак. В цехе №1 брак шёл не только из-за отсутствия холодной воды, но и недоброкачества пуансонов. Вместо тысячи снарядов в среднем, они выдерживали 200-250. Также причинами брака в цехе было отсутствие нужной дисциплины со стороны бригадиров, которые, ссылаясь на плохое охлаждение пуансонов, прикрывали брак. Много брака идёт по провалам по камере. Бригадиры не всегда применяют мерительные приборы и инструменты. Крыша цеха №2 находится в полураскрытом состоянии, в результате чего на изделия идёт снег и дождь. Основные виды брака по третьему цеху следующие: 1) укорачивается резьба головок, 2) при исправлении прессового брака, где производится обточка по выявлению волосовин, получается легковес, 3) короткая резьба горловины, 4) тонкость дна в результате забитости на дне и вывода этого дефекта плашкой, 5) провал центрующего утолщения и горловины. В цехе нет в достаточном количестве контрольно-измерительных инструментов, что отражается на работе. Брак имеет место отчасти и по причине плохого качества металла, поступающего с металлургического завода. Необходимо отметить и наличие плохого состояния оборудования, большой процент изношенности, особенно по цеху №3, где из 584 токарных станков требуют капитального ремонта 139, среднего ремонта – 63, текущего – 30. Из этого количества на 60% станки необходимо в ближайшее время заменить, так как они по своему сроку службы (с 1913 года) к дальнейшей эксплуатации не годятся, тем более, что часть из них претерпела два пожара, вследствие чего это отразилось на состоянии качества металла, некоторые имеют поводку, а в результате несвоевременного их ремонта, явно вредительского отношения, приходят в негодность. Из 59 резьбо-фрезерных станков требуют капитального ремонта 10, среднего – 17, текущего – 9. Из 14 прессов капитальный ремонт нужен трём, средний

двум, текущий трём. Из 20 насосов капитальный ремонт необходим девяти, средний двум (ЦДООСО. Ф.88, оп.1, д.348, л.94-104).

В мае 1939 года аппарат горотдела НКВД значительно обновился. С этого времени до 1946 года должность начальника занимали младший лейтенант ГБ М.Якубович, старший лейтенант ГБ Романов, лейтенанты ГБ Вахонин, Шумков, Гуринов, Козин, младший лейтенант ГБ Подшибякин, капитаны ГБ Кривошеев, Коробкин, оперуполномоченными служили младший лейтенант ГБ Митяшин, сержанты ГБ Соловьёв, Подмазов, Голубев, Прошин, старшими следователями работали младший лейтенант ГБ Могилевцев, лейтенант ГБ Экдеман, старшие лейтенанты ГБ Полыскалов, Теплинский. В распоряжении горотдела имелось 100 трёхлинейных винтовок и револьверов, 3 пулемёта системы «Максим», один станковый пулемёт, несколько сотен гранат. Для работы с агентурной сетью чекисты использовали две конспиративные квартиры. При горотделе находилась внутренняя тюремная камера (ВТК), где содержали арестованных. В январе 1939 года 3 и 4 отделения горотдела НКВД были преобразованы в городской отдел Управления государственной безопасности НКВД. В апреле 1943 года в связи с разделением НКВД и НКГБ на два самостоятельных комиссариата в городе создаётся городской отдел НКГБ. В 1946 году НКВД преобразовали в МВД, а НКГБ в МГБ. Соответственно, городской отдел НКГБ стал называться городским отделом Министерства государственной безопасности. Его возглавил подполковник МГБ Чупин.

В НКВД была принята своя система воинских званий, отличная от общевойсковой. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 7 октября 1935 года в НКВД вводились специальные звания, распространявшиеся на милицию и госбезопасность: звание сержанта ГБ соответствовало званию лейтенанта Красной армии, младший лейтенант ГБ – старший лейтенант, лейтенант ГБ – капитан, старший лейтенант ГБ – майор, капитан ГБ – полковник, майор ГБ – комбриг, старший майор ГБ – комдив, комиссар ГБ 3-го ранга – комкор, комиссар ГБ 2-го ранга – командарм 2-го ранга, комиссар ГБ 1-го ранга – командарм 1-го ранга, генеральный комиссар ГБ – маршал Советского Союза. В 1945 году специальные звания были ликвидированы, работникам ГБ присвоены воинские звания в индивидуальном порядке.

Государство уделяло большое внимание материальному положению сотрудников НКВД. Работники аппарата пользовались преимуществом при получении жилья. Даже в трудные голодные годы они получали в месяц 18 кг муки, 3 кг рыбы, 2,5 кг сахара, 1 кг масла, 2 кг печенья. Кроме того, обязательно выдавался паёк на иждивенцев. В пайке сотрудника НКВД на месяц в 1932 году было 42 наименования разных продуктов питания, в том числе 7,5 кг мяса, 3 кг свежих яблок, 1 кг творога, 21 кг картофеля, 2,5 кг моркови, 30 огурцов и другое.

Осенью 1941 года бывший начальник горотдела НКГБ-НКВД старший лейтенант ГБ Романов Иван Иванович, уроженец станции Алексеево Чкаловской (Оренбургской области), слушатель Высшей школы НКГБ был зачислен на должность комиссара 2-го батальона 1-й бригады Особой группы при НКВД СССР. Это подразделение предназначалось для ведения диверсионной работы в тылу противника.

Несмотря на прекращение «большого террора» нарушения социалистической законности сотрудниками НКВД продолжались. Так, в октябре 1942 года было сфальсифицировано дело антисоветской кулацкой группы. По делу проходило 12 рабочих металлургического завода, высланных в 1930 году в Надеждинский район из южных областей СССР. Арестованные обвинялись в том, что с рабочими завода проводили беседы антисоветского пораженческого характера, в случае их мобилизации на фронт готовились к переходу на сторону немецкой армии. Все участники группы были осуждены на различные сроки заключения.

В 1940-1955 годах на месте, где ныне расположен посёлок Энергетиков, действовала Серовская исправительно-трудовая колония НКВД №17. Её появление связано с предполагаемым строительством ГРЭС, в которой остро нуждалась промышленность Северного Урала. Начавшаяся Великая Отечественная война отложила на время эти планы. В колонии отбывала срок заключения Ерохина Мария Герасимовна, 1913 г.р., уроженка деревни Лозовка Воронежской губернии, из крестьян. До ареста проживала в Москве, работала на заводе «Динамо» им.Кирова. В марте-июне 1942 года она, якобы, среди работниц завода возводила клеветнические измышления в отношении советской печати, а также клеветала на советскую действительность, при этом восхваляла немецких оккупантов. Мария Ерохина 7 сентября 1942 года была осуждена Военным трибуналом

города Москвы по ст.58 п.10 УК РСФСР к заключению в ИТЛ сроком на 5 лет с последующим лишением избирательных прав на 3 года. Наказание отбывала в Серовской ИТК №17. Находясь в колонии, была повторно арестована 21 июня 1943 года. По ст.58 п.10,14 Ерохину признали виновной в том, что она, будучи настроенной против существующего в СССР государственного строя, проводила среди заключённых антисоветскую, пораженческую агитацию, восхваляла фашистский строй, предсказывала неминуемое поражение СССР в войне с Германией, возводила клевету на материальное положение трудящихся в СССР и колхозный строй. Призывала заключённых отказываться от работы, называла труд в СССР каторгой (ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.37547, л.7-8). Следствие по делу Ерохиной вёл следователь ОЧО УИТЛК УНКВД младший лейтенант ГБ Корфидов. Особое Собрание при НКВД СССР 8 января 1944 года приговорило Марию Герасимовну к 8 годам заключения в ИТЛ с поглощением неотбытого срока наказания по приговору Военного трибунала от 7 сентября 1942 года.

Политические репрессии прекратились только в 1953 году после смерти Сталина. 13 марта 1954 года МГБ было ликвидировано. На его основе образовали Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР. В этой связи городской отдел МГБ упразднили, заменив его уполномоченным УКГБ по Свердловской области. Эту должность занял Бадьин Иван Иванович, 1915 г.р. В 1933-1936 г.г. – конструктор завода №72 в Верхней Туре, 1936-1940 г.г. – курсант Военно-политического училища им.Ленина, 1940-1942 г.г. – мастер и начальник отделения завода №72, 1942-1943 г.г. – оперуполномоченный секретно-политического отдела УНКВД по Свердловской области, с 1943 года начальник Петрокаменского райотделения НКГБ Свердловской области. В 1945 году направлен в служебную командировку в Польшу. С 1947 года начальник Асбестовского горотдела МГБ, в 1953 году переведён на должность начальника Серовского горотдела МВД. В 1954 году назначен уполномоченным УКГБ по Свердловской области в городе Серове. С декабря 1954 года заместитель начальника 1-го спецотдела УКГБ по Свердловской области. Член КПСС с 1942 года. Награждён орденами Красной Звезды, Боевым крестом «За заслуги» (Польша).

После отъезда Бадьина И.И. уполномоченным УКГБ по Свердловской области в городе Серове продолжительное время работал подполковник Тетерин.

Список сокращений.

АОАСГО – Архивный отдел администрации Серовского городского округа
БГО – Богословский горный округ
БСЖД – Богословско-Сосьвинская железная дорога
ВКП(б) – Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков)
ВЛКСМ – Всесоюзный Ленинский коммунистический союз молодёжи
ВТК ГО НКВД – Внутренняя тюремная камера городского отдела Народного комиссариата внутренних дел
ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет
ВЧК – Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем
ГАОСО – Государственный архив административных органов Свердловской области
ГАПО – Государственный архив Пермской области
ГАСО – Государственный архив Свердловской области
ГО НКГБ – Городской отдел Народного комиссариата государственной безопасности
ГО НКВД – Городской отдел Народного комиссариата внутренних дел
ГО МГБ – Городской отдел Министерства государственной безопасности
ГО РКМ – Городской отдел Рабоче-крестьянской милиции
ГРЭС – Государственная районная электростанция
ГУ ГБ НКВД СССР – Главное управление государственной безопасности Народного комиссариата внутренних дел СССР
ИПМ СМЗ – Историко-производственный музей Серовского металлургического завода
ИТК – Исправительно-трудовая колония
КГБ при СМ СССР – Комитет государственной безопасности при Совете министров СССР
РККА – Рабочее-Крестьянская Красная армия
РКМ – Рабочее-Крестьянская милиция
МГБ СССР – Министерство государственной безопасности СССР
НКВД СССР – Народный комиссариат внутренних дел СССР
НКГБ СССР – Народный комиссариат государственной безопасности СССР

НСА СИМ – Научно-справочный аппарат Серовского исторического музея

НТГИА – Нижнетагильский городской исторический архив

ОГПУ – Объединённое государственное политическое управление

ОДТО ГУ ГБ НКВД – Отделение дорожно-транспортного отдела Главного управления государственной безопасности Народного комиссариата внутренних дел

ОЛП – Особый лагерный пункт

ПОВ – «Польская организация войскова»

ПП ОГПУ – Полномочное представительство Объединённого государственного политического управления

РГВА – Российский государственный военный архив

СНК – Совет народных комиссаров

УГБ УНКВД – Управление государственной безопасности Управления Народного комиссариата внутренних дел по Свердловской области

УКГБ – Управление Комитета государственной безопасности по Свердловской области

УМГБ – Управление Министерства государственной безопасности по Свердловской области

УНКВД – Управление Народного комиссариата внутренних дел по Свердловской области

УНКГБ – Управление Народного комиссариата безопасности по Свердловской области

УК РСФСР – Уголовный кодекс Российской Советской Федеративной социалистической Республики

УПК РСФСР – Уголовно-процессуальный кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики

УрВО – Уральский военный округ

ЦДООСО – Центр документации общественных организаций Свердловской области

ЦИК СССР – Центральный исполнительный комитет СССР

ЭКО ПП ОГПУ – Экономическое отделение (управление) Полномочного представительства Объединённого государственного политического управления

ЭКУ ОГПУ – Экспертно-криминальное управление Объединённого государственного политического управления

Содержание

Предисловие	5
От автора	9
Глава 1. Репрессии в условиях Гражданской войны	14
Глава 2. Борьба с троцкистской оппозицией	25
Глава 3. «Надеждинское дело»	41
Глава 4. Дело о «вредителях» на Богословско-Сосьвинской железной дороге	55
Глава 5. Спецпереселенцы	60
Глава 6. Классово-чуждые элементы	76
Глава 7. Политэмигранты и иностранные граждане	91
Глава 8. В духе времени	109
Глава 9. Дело контрреволюционной диверсионно-террористической организации «правых»	116
Глава 10. Городская интеллигенция в годы «большого террора»	146
Глава 11. Дело «Уральского штаба восстания»	173
Глава 12. Дело членов партии социалистов-революционеров	182
Глава 13. Учащиеся – жертвы политических репрессий	199
Глава 14. Дело «Надеждинской контрреволюционной повстанческой организации церковников»	219
Глава 15. Настоятели Спасо-Преображенского собора	233
Глава 16. Городской отдел НКВД	242
Список сокращений	267

Политические репрессии в Надеждинске. 1918-1952 гг.

Том 1.

Автор: И.А.Фомичёв

Компьютерный набор: А.Г.Борисов

Дизайн обложки: Е.В.Кузьмина

Бумага офсетная. Уч.-изд. л. 16,88.

Тираж 100 экз. Заказ № 2060.

**Отпечатано в типографии Издательско-полиграфического центра УрФУ
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4**

Тел.: +7 (343) 350-56-64, 358-93-22

Факс: +7 (343) 358-93-06

E-mail: press.info@usu.ru